

уральский

следопыт

№8**1979**

ГРАЦИЯ, РУСО!

Поселок Новопокровка, что в Оренбургской области, многонационален по своему составу. Жители его говорят по-русски, но сколь совершенно ни владел бы им человек, слова благодарности он старается сказать на родном языке. От новопокровцев можно услышать не только привычное и широкое «спасибо», но и сердечное «дякую», и короткое, емкое «рахмат» или «сагул», «согбол». И даже редкое и странное в этих местах «грация»...

Слово из далекой Италии принесли в поселок не итальянцы — они никогда не были в Новопокровке. Пришло оно сюда вместе с Василием Егоровичем Свиридовым, вернувшимся в родное село после службы на легендарном «Цесаревиче» в 1910 году...

27 декабря 1908 года отряд русских военных кораблей в составе крейсера «Богатырь», броненосца «Слава» и флагманского судна «Цесаревич», завершив визиты дружбы в Германию, Норвегию, Францию, Испанию и Египет, должен был посетить земли Италии, затем Турции и Греции.

Эскадра бросает якоря у берегов Сицилии. Сказочная заря над Сицилией и легкий бриз обещают русским матросам чудесный день на чудо-острове. Но рассвет 28 декабря 1908 года не оправдал матросских ожиданий.

Эскадра была поднята по боевой тревоге и, поспешно снявшись с якорей, взяла курс на Мессину. Весь путь звучала команда: «Полный вперед!»

Только когда показался берег Мессины, команда узнала: всего несколько часов назад портовый город Мессина в результате землетрясения превратился в груды развалин, под которыми оказались погребенными многие тысячи людей. Землетрясение сопровождали сильные ливни, мешавшие спасательным работам.

Войдя в то, что еще вчера называлось портом, командующий русской эскадрой принял на себя всю полноту власти и заботу по оказанию помощи пострадавшим мессинцам. Несколько дней и ночей, не зная передышки, русские матросы и офицеры извлекали из-под обломков строений граждан Мессины. Уцелевшим оказывали медицинскую помощь, перевозили их на судах в безопасное место. Только в один из таких дней из-под развалин было высвобождено около тысячи горожан. Все запасы продовольствия с русских судов были отданы пострадавшим.

Весь мир восхищался тогда отвагой русских военных моряков. Сколько раз на день слышали они благодарное «Грация, русо!» от спасенных людей... А правительство Италии в знак признательности за помощь учредило специальную серебряную медаль, которой были отмечены участники спасательных работ в трагические для Мессины дни.

Среди награжденных был и 25-летний матрос с «Цесаревича» Василий Свиридов. Он-то и привез потом в родные оренбургские места рассказы о единоборстве русских моряков с дикой стихией.

...Несколько лет назад ушел из жизни В. Е. Свиридов. Но живы и долго еще будут жить в памяти односельчан рассказы Василия Егоровича и эти слова, пришедшие из заморской страны: «Грация, русо!»

А медаль — та самая, которой был награжден матрос Василий Свиридов, — хранится сейчас в Орском краеведческом музее.

Александр
МАХПИН

В номере

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Б. Ваулин СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ ПАРАЛЛЕЛЬ	2
Е. Евтушенко, Е. Винокуров, С. Щипачев, Р. Каза- кова, В. Дагуров, Т. Кузовлева, Б. Ахмадулина НАД ГОРОДОМ ВЗОШЛА ЗВЕЗДА... Стихи	10
В. Булавин ЗВЕЗДНОЕ МГНОВЕНИЕ	15
Л. Добринская МУЗЫ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА	17
Н. Никонов СЛЕД РЫСИ. Публицистическая поэма. Окончание	21
В. Тхоржевский КИТ В ПРОБИРКЕ!	33
В. Пашин СКАЖИ-КА, ДЯДЯ	34
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	36
В. Шкода ПОМПЕИ В ТАДЖИКИСТАНЕ	38
Ю. Чернов ДИКАРИ И РОБИНЗОНЫ	42
С. Попов «УРАЛ» НА БОРТАХ	45
В. Машин В СИБИРЬ, ЗА ХЛЕБОМ	46
И. Каплун ТОБОЛЬСКИЕ ШВЕДЫ	47
Н. Ивлев БЫЛИ ОБ АВТОМОБИЛЕ	48
Б. Аленкин САШКА С ОСТРОВА ИТУРУП	50
ВЫ СПРАШИВАЛИ	54
Е. Ищенко БЕЗ ПОЧЕРКА НЕ НАПИШЕШЬ... СОВЕСТЬ — ВДРЕ- БЕЗГИ. ПОТ, ДА НЕ ТОТ	55
В. Соколовский ОБЛАКО, ЗОЛОТАЯ ПОЛЯНКА. Повесть-сказка в письмах. Начало.	58
В. Бугров ШТАБС-КАПИТАН БУДИТ СПЯЩЕГО...	71
В. Харитонов СТРАНИЦЫ ОЛИМПИАД	73
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь).

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 26/IV 1979 г.
НС 11091.
Подписано к печати 12/VI 1979 г.
Бумага 84×108^{1/16}.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 10,9
Тираж 247 000.
Заказ 577.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
З. БАЖЕНОВОЙ

© «Уральский следопыт», 1979 г.

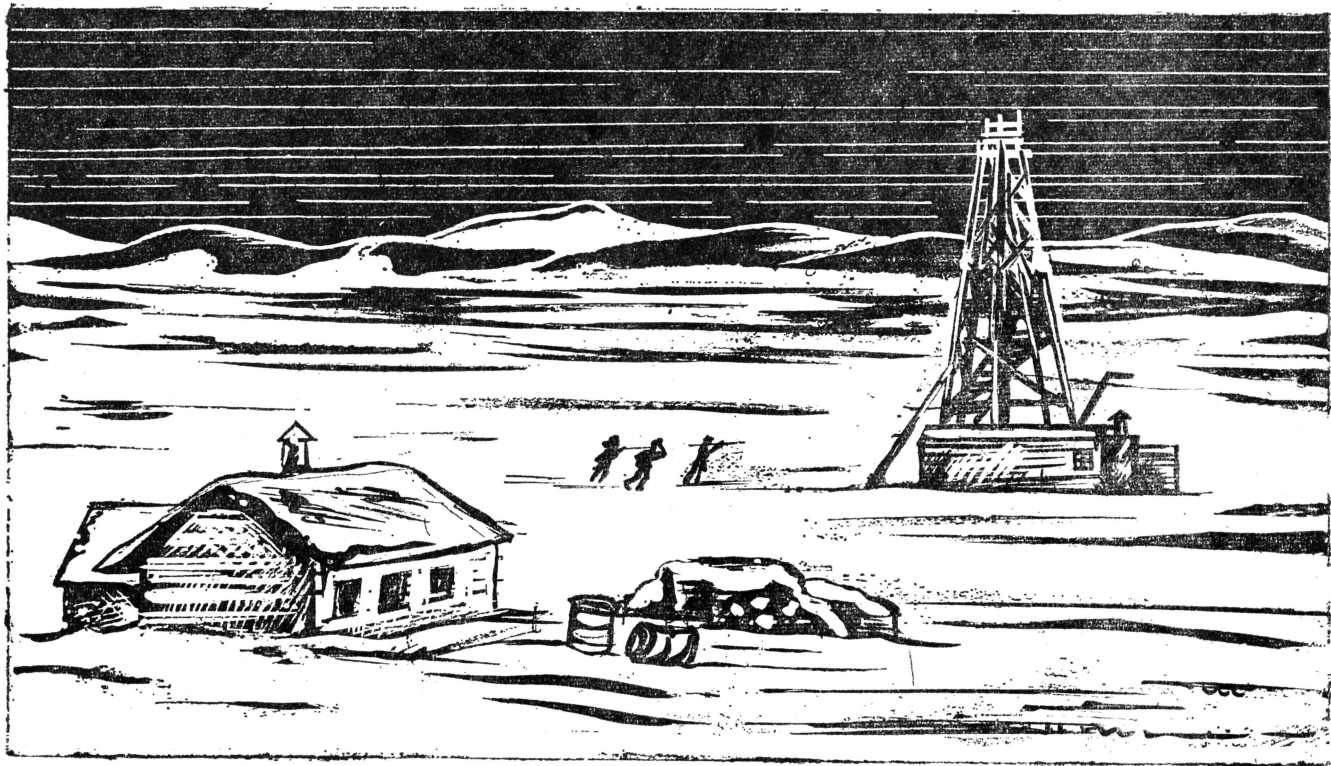
№8 * 1979

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

Семьдесят третья параллель

Борис
ВАУЛИН

Рисунок
В. Старцева

ПОЛУОСТРОВ ЯМАЛ. ПОСЕЛОК ХАРАСАВЭЙ.
ДВЕ ТЫСЯЧИ КИЛОМЕТРОВ ОТ ТЮМЕНИ.

Хроника заполярных вахт

«Все не так хорошо, как хотелось бы, однако не так плохо, как кажется», — подумал Хмелевский, подходя к скважине. После теплого сна колочие порывы ветра с хлопьями мокрого снега были особенно неприятны.

Дверь укрытия заскрипела, словно жалуюсь на неприятную жизнь, и пропустила Сергея внутрь. Первый, кого он увидел, был Пуркин — на круглом краснощеком лице выделялся сливообраз-

ный нос, а голубые глаза с белыми ресницами улыбались. Валенки, подшитые автомобильной покрышкой, косолапо потапывали на одном месте.

— Салют, Савелий Петрович! — Сергей кивнул бурильщику. — Настроение, гляжу, хорошее? Сам поработал, а мне подпуржить решил?

— А чего мне, дружок, печаловаться? Инструмент спустили, тебе остатки добирать, да и с богом, будем газок щупать, — глаза Пуркина снова заморщились улыбкой.

— Как бы он нас не пощупал, — улыбнулся Сергей. — Иди отдыхай. Намотался, верно, порядком...

Хмелевский любил старика. Неторопливая крестьянская обстоятельность внушала уверенность, когда оказывался с ним рядом. Савелий Павлович был незлопамятен, не вспыхивал попусту и если и сердился, то быстро отходил.

А вот вчера старик расстроился от выговора мастера Кобзева. Тот собрал бурильщиков в балке и в обычной своей манере громко и насмешливо спросил:

— Знают ли уважаемые бурильщики, сколько дней испытывается объект?

Бурильщики знали и сказали об этом мастеру. Тогда он взорвался и заорал:

— Что же вы копаются вторую неделю?!

Словом, неприятность вышла. Но как бы там ни было, а работа идет. И не будем печаловаться, как сказал старик Пургин. Тем более что первый помбур Смыслов уже руками машет. Давай, мол, работать, хватит мечтать.

Хмелевский встал к пульту управления. Правая рука — на кнопках щита, левая — на ручке тормоза. Посмотрел на Смылова. Готов? Готов! Поехали. Началась работа. Щелкнула стальная плеть, нехотя отрываясь от подсвечника. Смыслов подталкивает ее к ключу, лязгают стальные челюсти. Взжик-взжик-взжик... Закрутилась многометровая стальная соломина. Сливаются намертво две резьбы. Колонна труб должна быть герметичной. Сергей отпускает ручку тормоза. Труба со свистом проваливается в темную дыру ствола.

— Быстро, Толя, следующую. Не зевай.

Бежит секундная стрелка. Увеличиваются обороты. Проворнее движение. Быстрее, еще быстрее. Ватник летит на гвоздь. Ремень комбинезона затягивается туже. Давай, Толя!

Последняя плеть исчезает в черном проеме, и стальная машина зависает в полуторакилометровой пустоте.

— Андрей, давай! — дизелист Андрей Телычко понимающе кивает головой, и через несколько секунд недовольно-ворчливо задвигались насосы. Побежал по желобам теплый поток раствора, полился невидимым водопадом в продырявленную землю.

Вот уже и полсмены прошло. Хрустит снег

под сапогами. Скоропостижная февральская метель закончилась так же внезапно, как и началась.

С грохотом отваливается крышка огромного контейнера. В ящике черные куски гематита. Сейчас этого порошка нужно особенно много. Попадется пласт, и «задавить» его, зажать в земле можно только тяжелым раствором. Лом со всего плеча врубается в промерзшую глыбу, но только мелкие кусочки отскакивают в стороны. От неточного удара лом вырывается из рук и едва не падает на ногу.

— Шабаш, к чертям такую работу, — не выдерживает Колчанов. — Каторга, что ли, здесь?

— Вот уж не знаю, — мрачно откликается Смыслов. — На каторге бывать не приходилось...

— Все шутишь? — губы Николая дрожат от злости. — Мы вкалываем, а вахта Губского пенки снимает. Мы что, хуже их?!

— Не заводись, никто пенки не снимает, пойдем погреемся...

В дизельной тепло. От фуфаек валит сырой пар. Руки покрываются мурашками, тело бьет холодный озноб. Несколько глотков горячего чая возвращают способность к действию. Но как не хочется уходить от живительного тепла! Еще немного, еще чуть-чуть. Ноги будто пристывают к полу.

— Идея есть, — Смыслов хлопает рукавицами, оттирает засохшую грязь, — что мы с тобой, как рабы в Риме. Пусть пар поработает...

Глаза у Колчанова оживают — он понял мысль. Пусть работает пар — мы не рабы...

Резиновый шланг, словно удав, выскользнул из двери, спустился по ступенькам, перебрался через мешалку, приткнулся к боку злополучного ящика с гематитом. Зашипел пар, посерел оттаявший снег, и сизо-белые клубы скрыли черный куб. Нагревающийся металл от разности температур трещит и пощелкивает.

— Вот, — говорит Смыслов довольно, — пусть ребята Губского возьмется теперь.

— Чего теперь возиться, — все еще дуется Колчанов, — бери лопату, выкидывай тепленький, а нам как пришло...

— Чудак! Голова человеку дана не только, чтобы шапку носить.

Твердой рукавицей постучал Смыслов по пластмассовой каске. «Чак-чак-чак», — раздалось в ответ.

— Слушай, можно и без утяжелителя испытать бы, — тянет Николай. Смыслов молчит, и напарник воодушевляется еще больше: — Нет, честно, Толян. Рискнуть, и все. Слышал же, как мастер ругался — что, мол, мы долго копаемся.

— Я не забыл, — говорит Анатолий. Дыхание от мороза прерывается, и слова вылетают громкие и резкие. — Не забыл фонтан на Мамаевой горе.

...За пятнадцать километров был слышен рев

фонтана на Мамаевой горе. Глинистый раствор не выдержал напора газа и мощным кулаком вынес из недр воду, искореженный инструмент. И пошло гулять. В один миг все покрылось ледяными коростами. Вышка превратилась в громадный ледяной гриб, из центра которого непрерывно хлестал газ с водой. Круглые сутки долбили ломом лед, пытаясь пробиться к устью скважины. От звериного рева не спасали шлемы и респираторы. Работали по две-три минуты, потом менялись — больше никто не выдерживал. Двадцать девять дней продолжалась борьба...

Из записок помбура Смылова

У Алладина из сказки было большое преимущество перед нами. Потрет он свою волшебную лампу — и любые сокровища у ног лежат. Сюда бы его со своей керосинкой. Мы бы поскоблили немного и сразу узнали — есть газ в этом месте или зря время теряем. Впрочем, у нас тоже имеется лампа. Опустить заряд в скважину, равнешь — сразу откликается земля. Раскрывает кладовые, показывает сокровища.

Самое сладкое для испытателя мгновение — слышать рев газа, рвущегося из выводной трубы. В этот момент все на свете забываешь, только счастье грудь переполняет. Это как заключительные аккорды симфонии. Конечно, будь у нас лампа, можно было бы слушать такую музыку в зависимости от настроения. Захотел — включил, наскучило — выключил.

Только неинтересно жить бы стало. А что значит жить интересно? Я иногда спрашиваю себя: «Анатолий Смылов, интересно ли ты живешь? Не проходят ли годы даром? Что здесь видишь, кроме тундры да дыр земных? Будет ли что вспомнить, кроме обмороженного носа или кровавых подтеков от мошки?» Это во мне второе «я» сидит — сердитое, недовольное. И тогда первое мое «я» начинает спор.

Что за жизнь, когда все легко достается? Не живет человек, а годы в забвение сталкивает.

Испытатели — кочевники. Устроились в одном месте, пообжились немного, а работа закончена. База приказывает на другой конец полуострова перебираться. Хоть и заявляет он скромно: «Я — мал», но велик так, что вертолетом весь день летишь. Правда, как говорили древние, мы на подъем skóry, все свое с собой носим. У нашего Коли Колчанова имущества — одна гитара. Он каждый раз торопится: «Я, — говорит, — пока в армию не ушел, все Заполярье объеду».

Три дня назад едва не случилась беда. Сменившись с вахты, машинист подъемника Коля

Еремичев побежал на лыжах в тундру — накануне поставил капканы на песцов. Накинул теплую куртку, взял нож, надел лыжи и скрылся в сероватых сумерках.

Перед сменой я решил поспать. Проснулся от непонятных звуков. Стенка балка мелко дрожала, а рев и свист, доносившиеся снаружи, были такие, что мне под одеялом зябко сделалось. За столом сидели угрюмые ребята и тихо переговаривались.

— Николай из тундры не вернулся, — глухо обронил Сергей Хмелевский. В комнате висело напряженное и тревожное ожидание непоправимой беды.

Он пришел утром на следующий день, когда пурга утихла. Ввалился в балок черный и в бессилии сполз на пол. Обветренные, искусанные губы прошептали: «Вот и я». Пальцы рук и ног у него были обморожены.

Николай проверял капканы, когда увидел бегущего песца. В азарте кинулся за ним. Талара — так называется охота на песцов, устраиваемая ненцами на оленьих упряжках. Тут было нечто подобное. Еремичев так увлекся, что пропустил начало пурги. Обрушилась она мгновенно и все смешала в едином снежном вихре. Сперва он пытался искать буровую, но быстро понял, что бесполезно.

Тогда ножом расковырял твердый наст, воткнул лыжи, улегся в вырытую пещеру. Снял сырые ботинки, рукавицы натянул на пальцы ног, руки спрятал за пазуху. Когда сон одолевал и было совсем немого, колот себя в руку ножом. Тупая боль в пальцах все усиливалась. Еремичев потерял всякое представление о времени.

Как он наткнулся на балок в необъятной снежной пустыне, как дошел обмороженными ногами, сам не понял. Будем считать, что двигало чувство, которое называется «любовью к жизни». Спрашиваю себя: «Смог бы я выбраться из такой ситуации?» Хотел ответить утвердительно, да не слухавить бы...

Вспоминается кизлярская юность.

Заводилой в нашей компании был Виктор Куренной. Между собой мы звали его Курица. Злился он страшно. Услышав прозвище, подходил и ласково спрашивал: «Как ты сказал?»

И у провинившегося темнело в глазах. Бил он не открыто, а как-то исподтишка наносил короткий, режущий удар в живот. В остальном парень был стоящий. Пронирывал под водой дальше всех, в обиду ребят не давал, наши набег на сады под его руководством заканчивались полным триумфом.

Сейчас трудно понять, зачем это делалось: у каждого под собственными окнами ветки ломались от фруктов. Но у детства своя логика. Мы жаждали приключений, а они становились все более опасными. Однажды под вечер Куренной как бы между прочим обронил:

— К Мамалыковым приехали дурные деньги. Это значит, Мамалыковы сдали комнату на лето. В эту пору городок принимал гостей: наезжали сибиряки, северяне, дальневосточники — люди щедрые и неприжимистые. Помолчали, а Курица протянул еще более равнодушно:

— Надо взглянуть, нет ли у них чего лишнего...

И, обращаясь ко мне, бросил:

— Ты, Мыся, постоишь за уголком, поглядишь, чтобы не заблудился кто-нибудь ненароком...

Мыся — так была перекроена моя фамилия, и, вероятно, это разозлило меня больше всего:

— За уголок я не пойду и глядеть не буду...

Глаза Куренного сузились, челка угрожающе нависла над узким лбом. Он медленно поднялся, подошел ко мне. Ребята затихли.

— Дрейфишь, так и скажи.

— Нет, не боюсь, только не пойду...

Куренной как-то глубоко вздохнул, прищурился, откинул корпус назад и... вдруг похлопал меня покровительственно по плечу:

— Ну, смотри, Мыся, как знаешь. Я хотел, чтоб лучше...

На следующий день вся наша компания обьедалась мороженым и восточными сладостями. Вкус от них, кажется, и по сей день у меня во рту. Наверное, поэтому я их никогда больше не покупаю. Детский позор помнится долгие годы.

Дня через два наш предводитель сообщил невзначай:

— Братва, в старом парке киоск знаете? Там несколько конфеток завалилось, а не попробовать ли их нам?

Братва оживленно загудела, захлопала друг друга по спинам. Куренной взглянул на меня:

— А ты, Мыся?

— Я не пойду и вам не советую.

— Ах, не советуешь, — раздался свистящий шепот. — А конфеты бесплатно жрать ты советуешь? А может, ты, мальчик, в милицию пойдешь и скажешь там, какие мы бяки?

— Нет, никуда не пойду, но...

Я не успел договорить. Куренной метнулся ко мне, что-то промелькнуло перед глазами, небо вдруг опрокинулось на меня, и в нем поплыли разноцветные круги... Маме я сказал, что неудачно прыгнул с вышки. Детство, детство...

В эту пору у каждого были свои кумиры: сильные, смелые, ловкие. За ними хотелось идти в огонь и в воду. Хорошо, если совесть у этих кумиров была чистая и светлая. Но ведь бывало балансировали на грани статей уголовного кодекса.

В прошлом году во время отпуска снова встреча из детства. Я узнал его сразу. Крепкое, поджарое тело, цепкий взгляд из-под нависшей челки, сильное рукопожатие. На правой руке татуировка — полукруг с лучами, знаменующими

солнце, и слово «Север». Рассказал Куренному о своей жизни, о ребятах, об экспедиции. Спросил, как у него дела.

— Я тоже работал в краях дальних, — криво усмехнулся он. — Но тебе туда попадать не советую.

Мы еще поговорили немного и разошлись. А в глазах у друга юности застыла холодными льдинками неизбывная тоска. Догадываюсь, где он был и в честь чего оставил на руке такую память. Север у каждого свой. Один на всю жизнь сохранит о нем светлые воспоминания, другой постарается побыстрее забыть все, что связано с этой суровой землей.

...Вечером балок напоминает цыганский табак. Сушится амуниция: рубахи, носки, свитера. Спецовка на мне так промерзла, что стояла колом. Гремел, как рыцарь железными доспехами.

На столе банка томатного сока и к нему жареная ряпушка — северная рыба. Сами жарили. Струится тепло от малиновых спиралей «козла». Плывет сладковатый сигаретный дымок.

В бригаде появился новичок — Владимир Андреев. Похож он на ученого из детской книжки: роговые очки, солидная неторопливость, любовь к длинным рассуждениям. Получив задание, медленно цедит: «Так-так» — и крутит пальцем возле лба. Попал он к Савелию Павловичу Пуркину, и тот его понемногу воспитывает.

Савелий, словно мужичок из русской сказки, — круглое, хитроватое лицо, нос пуговкой, венчик седеньких волос на голове, да и росточком не вышел. После смены безобиднее и добрее сыскать трудно, но на работе мужик порядок любит. Я сперва не воспринял его серьезно, а потом узнал, что Пуркин артиллеристом всю войну прошел.

С Ахмедом Гусейновым пришел он сегодня вахту принимать, а «новичка» нет. Начали ствол промывать. Я остался помогать им. Минут через десять появляется Андреев. Видя такую неторопливость, Савелий осерчал.

— Ты почему на работу опаздываешь?

— Песню по радио слушал, а там призывают, давайте, мол, время по солнечным часам сверять. Вот и ждал солнце, а его все нет и нет, — отвечает тот с лучезарной улыбкой и подтыкает очки к переносице.

— А со смены ты по каким часам будешь уходить, может быть, тоже солнца дождешься?

— Я чту кодекс законов о труде. Все, что положено товарищу, отдай ему. Он тоже трудиться хочет, — следует замысловатый ответ.

Савелий в философии силен нешибко и поэтому, проворчав что-то насчет болтунов и лентяев, диалог обрывает. Мне андреевское остроумие тоже не по душе. Неоднократно встречал таких всезнающих юношей, как говорят сейчас,

акселератов, которые много хотят, но мало делают. Чаще всего это бездельники, за уши их вытащили из школы, вбив при этом минимум знаний. Устроились ребята для вида на работу, а по вечерам шатаются по городским улицам, ища приключений. Эти здоровые парни, посильнее иного взрослого, а вот работать... Хорошо знают о правах и редко вспоминают об обязанностях. Наш новичок, наверное, из такой же породы. Надо поговорить с ребятами да браться за этого парня, пока не поздно.

В основном ребята у нас отличные — Андрей Тельчыко, Жора Нелаев, Витя Шевченко. С ними, как говорится, хоть куда. Сергей Хмелевский в наших разговорах почти не участвует. Придет с вахты, сядет в уголок комнаты и зубрит учебники. Правда, не выдержал как-то.

...В тот день Андреев вернулся с отгулов и рассказывал о своих ресторанных приключениях. Смысл жизни заключается у парня в быстрейшем ее прожигании. Хмелевский слушал-слушал и сказал в таком духе. Андреев глазом не моргнул, с вызовом ответил:

— Пока мы молоды, надо и жить весело! Так, кажется, поется в студенческом гимне...

Не понимаю смысла такой развеселой жизни. Попал я как-то в одну компанию. Узнав, что я работаю на Харасавэе, один из гостей с жалостью заметил, сколько, мол, книг я не прочту за эти годы, сколько театральных спектаклей пропущу, сколько времени потеряю.

Тогда я спросил: давно ли он был в театре? Замаялся, промямлил что-то насчет неинтересного репертуара. Спросил его мнение о последней повести Чингиза Айтматова, опубликованной в «Знамени». Оказывается, не успел прочесть. Тогда рассказал ему о Славке Попове. Славка, получая двухнедельные отгулы, летает в Москву, Ленинград, Прибалтику. За три года работы в Заполярье он увидел столько, сколько не увидел бы и за десять лет, работая на Большой земле.

Мне кажется, какие качества заложили в тебя с юности, те и будут основой характера. Если парню в шестнадцать лет приятней держать бутылку, а не книгу, то после двадцати вряд ли он начнет штудировать библиотеку всемирной литературы.

Хроника заполярных вахт

К полудню погода совсем испортилась. По небу катились фиолетово-черные волны облаков. Каждая новая шла ниже предыдущей, и они нависали все ближе к земле, растворяя зыбкую линию горизонта в рваных клочьях, и казалось, что

вот-вот ажурная пика вышки пропорет грузное тело какой-нибудь тучи. Несколько неистовых порывов ветра — и закрутилась, закуролесила в слепой ярости февральская метель.

За окном балка кто-то невидимый скрежетал, выл и стонал тонким жалобным голосом. Лампочка стыдливо моргнула несколько раз и погасла, потускнел зеленый глазок радиостанции, малиновые спирали «козла» превратились в темно-вишневые, а потом и вовсе пропали.

— Только этого не хватало, — Кобзев швырнул на стол карандаш, который бесцельно вертел в пальцах, сорвал полушубок с вешалки. — На вахте сейчас Андреев... Ну, Андреев...

В дизельной слышались шарканье напильников, голоса людей, звон молотков. На верстаке в слабом свете карманного фонаря мелькали руки.

— Что случилось?

— Сейчас исправим... Намекал — проверь заранее систему... За два дня не мог сделать, — выговаривал Андрей Тельчыко невидимому собеседнику.

— С тобой, Андреев, у меня разговор впереди, — резко бросил мастер, хотел еще что-то сказать, но раздумал.

— Конечно, — проворчал дизелист, — привык крикотерапией всех воспитывать.

Утопая в рыхлом снегу, мастер спешил назад, в балок. В эти минуты рация казалась ему единственным спасением. Слушая спокойный голос начальника экспедиции, отдающего приказания подразделениям, он и сам проникался уверенностью. Быть может, вернутся мужики невредимыми, может, все обойдется. А если не вернутся? И все из-за воды...

Воду на скважину возили трактором. За ним цепляли десятикубовую бочку, и караван не торопясь двигался на небольшое озерцо километрах в восьми-девяти от скважины. За водой ездили двое — тракторист Женя Савенко и слесарь Паша Марков. Звали их — «двое на тракторе, не считая характера».

Паша — маленький, рыжеватый, с голубыми глазами, длинными льняными волосами — был добрым и покладистым. Никогда не обижался, на мир смотрел весело, жил по принципу: «Что бы ни делалось, все к лучшему». Женя — высокий, крупный, с красивым лицом, которое портила застывшая полупрезрительная усмешка. О всех неполадках высказывался весьма определенно, а для некоторых странностей нашей жизни находил такие хлесткие определения, что Паша только моргал светлыми глазами, хлопал себя по тощим бедрам и кричал испуганно: «Пропадешь, пропадешь ты, Женька, со своим характером!»

Выехали они в восьмом часу. Тяжелые облака шли крупно, и Савелий Пуркин крикнул им вслед:

— Погодили бы, никак метель начинается? На это Савенко буркнул, не оборачиваясь:

— Ты же первым претензии поставишь, когда воды не будет.

Дорогу начало переметать через несколько минут. «Двое» кое-как выбрались к озеру. Метель уже разошлась вовсю. С большим трудом пробрили полынью, закачали воду в бочку.

Тронулись назад. Через сотню-другую метров мотор застрелял, затарахтел обиженно и замолк. Первые попытки завести его кончились неудачно. Ребята решили отсидеться в кабине — переждать пургу. Однако мороз шутить не дунал. Тогда Савенко выбрался из кабины, налил в ведро солярки, и они понемногу стали жечь горючее в кабине. Быстро поняли, однако, что и этот номер не пройдет: тепло улетучивалось, а от копоти и дыма трудно стало дышать. Необходимо было на что-то решаться.

Савенко разорвал старую фуфайку, накрутил тряпку, облил соляркой и с зажженным факелом вышел из кабины. Ветер рвал палку из рук, метель бросала в огонь заряды снега. Через несколько секунд очередной порыв унес пламя в тундру. Тактику пришлось изменить. Прикрутили к гусеницам кусок брезента, перекинули через радиатор, и Савенко залез под полог к мотору, а Марков прикрывал телом рвущееся полотно. То, что тщедушного Пашу не унесло в тундру вместе с пологом, а Женя, копаясь ощупью, сумел устранить поломку, можно объяснить только чудом.

Застучал, набирая обороты, мотор. Медленно, переваливаясь через сугробы, тронулись. Евгений сделал все, что мог. Но руки все-таки обморозил.

Трактор повел Паша. Машина заваливалась вбок, карабкалась куда-то вверх, съезжала с невидимых холмов. На одном из бугров бочка отцепилась и застреляла. Парни бросили ее, потому что сил исправлять поломку не было. Шел седьмой час, как уехали. В едва пробивающемся свете фар увидели несколько колышков — это была дорога. Радость сменилась надеждой, надежда — отчаянием. Колышки быстро пропали. И тогда Марков закутался шарфом и выбрался из машины. Он едва не полз по земле, ощупывая дорогу. Трактор медленно тащился вслед.

Паша терпел сколько мог. Потом кое-как вскарабкался в кабину и прошептал застывшими губами: «Старина, я, кажется, потерял дорогу...»

Ориентируясь на свое чутье, поплыли по снежному морю еще немного, но чуда больше не произошло. Трактор угодил в яму. Движок поработал немного, и стрелка топлива стыдливо упала на ноль. Шел девятый час странствий между жизнью и смертью.

— Что будем делать, Женя? — равнодушно обронил Марков.

— Пешком пойдём. Дом совсем рядом.

Я чувствую это. Остаться тут нельзя, загнемся, — словно издали неслись слова.

— Мне не дойти. Ноги отморозил...

— Дотащу. Вставай.

...К вечеру метель стала ослабевать. Утих ветер. Свет фонаря они увидели неожиданно и так близко, что сперва не поверили. К ним бежали люди.

Из записок помбура Смылова

Кажется, я заболел, простыл вчера на вахте. Скинул ватник и шапку — вот меня и прохватило. Сейчас наглотаюсь таблеток. Завтра на смену надо встать во что бы то ни стало. Одна вахта улетала на отдых, людей лишних нет и заменить меня некем. Нельзя, чтобы ребята испытывали дополнительные трудности, нельзя, чтобы застопорилась работа. Что ни говори, а постоянная ночь не внушает оптимизма. Временами не верится, что где-то есть солнце и теплое море. Где-то люди ходят в летних платьях. Вот оказаться бы сейчас там. Самая большая мечта. Хорошо, что не слышит меня девушка-журналистка.

Несколько дней назад пришел с базы вездеход. Выпрыгивает оттуда симпатичная девчонка. Оказалось, что приехала корреспондент радио делать передачу о молодых покорителях Сибири. Пока рассказывали ей о трудностях жизни, о сложностях работы, все шло превосходно. Гостья улыбалась нам, диктофон крутился. Но вот спрашивает она у Ахмеда: «Какая самая большая ваша мечта?» А тот отвечает, не моргнув глазом: «Купить машину». Девчонка немного растерялась, но тут же нашлась: «Я понимаю, это на далекое будущее. А в самое ближайшее время? Какая мечта у вас, Николай?» И микрофон Розенкову подсовывает, и глазами на него мигает — говори, мол, давай. Тот и сказал: «Я хотел бы сейчас хорошо поесть и выспаться».

Журналистка диктофон выключает:

— Вы меня обидеть хотите... Я же для серьезного разговора приехала.

...Некоторые представляют нас розовыми геороями. Послушаешь порой, мы только и должны ходить с флагами по тундре вокруг балков, петь комсомольские песни и предотвращать аварии. Недавно в областной газете прочел интервью с одним деятелем. Будто бы сказал ему некий строитель газопровода, что все время он думает о том, как преобразует землю, принося людям неисчислимую радость. И сам радуется этому ежечасно и бесконечно.

Прочитали это, и бригада два дня хохотала.

Здесь работают самые обычные люди со своими горестями и радостями. Правильно ответил Розенков. Когда намерзнешься на вахте, холодный озноб протрясет каждую косточку, то больше всего думаешь о горячих щах и сне.

Человек устроен так, что не держит свою душу нараспашку, и судить о нем надо не по словам, а по делам. Испытываем мы скважины досрочно — в этом и есть наше сознание. И далеко не последнее — заработок. Деньги тут немалые. Но достаются они тяжелым трудом. Заработанное каждый потратит по-своему. Одному нужна машина, другому — квартира, третьему сад купить хочется. И одни, осуществив свою (прямо скажем, скромную во вселенском масштабе) мечту, уезжают. Знаю, что и Розенков уедет, и Ахмед Гусейнов не задержится надолго. Но они не хлюпики, не рвачи. Те уезжают, едва хлебнув нашей романтики. Второй зарплаты, как правило, не дожидаются. И никакой рубль их не удерживает.

А вот для Андрея Телычко, Жоры Нелаева, Сергея Хмелевского рубль отошел на второй план. Они не бессребреники, нет. Но главное для них — утвердить себя в жизни, понять, что ты стоишь в ней. Зимой — мороз, пурга, беспросветная тьма полярной ночи, летом — чавкающие, бездонные болота, дикая, сводящая с ума, кровожадная мошка. Плюс ко всему грязная, тяжелая, небезопасная работа. Порой сил нет, хочется плюнуть и бросить этот адский труд. Но посмотришь на товарища, который закусил губы от напряжения, и злость появляется. Неужели я сдамся, неужели такой слабак, что позволю осилить себя какому-то морозу или мелконькой мошке? Грейся, бегай живее, шевелись! Положил рукавицы на теплый бок дизеля, растер руки снегом, глотнул из чайника обжигающе крепкого чая — опять ожил, опять можно дело делать.

Ловлю себя на мысли, что, приезжая в большой город, с долей превосходства смотрю на некоторых сверстников. Вижу длинные, нечесанные волосы, трехрублевые перстеньки на пальцах, штаны со звоночками, неопределенно тоскливое выражение глаз, и тогда хочется спросить: «Чем живешь, парень? К какому берегу плывешь? Кто в тебе нуждается, кто ценит? Или просто тебя терпят, поскольку ты все равно существуешь?»

У Экзюпери выписал прекрасные слова в свой дневник: «Земля помогает нам понять самих себя, как не помогут никакие книги. Ибо земля нам сопротивляется. Человек познает себя в борьбе с препятствиями». Что можно тут добавить? Все сказано.

Снова вспоминаю о случае с Николаем Еремичевым. После ночевки в тундре его отправили на базу в Харасавэй, оттуда — самолетом в Тюмень. Полмесяца пролежал в больнице, сейчас снова работает. Мужество я не отбираю у этого

парня, но оно несколько померкло в моих глазах. Во имя чего оно проявилось? Захотел добыть песка своей знакомой. На одни весы жизнь положил, на другие — шкурку для воротника. Не слишком ли разные цены для равновесия?

Хроника заполярных вахт

Тюменская земля похожа на многослойный пирог, испеченный искусной хозяйкой. Сладкая начинка чередуется в нем с пресным тестом. Геологи осторожно раздвигают недра, исследуя слой за слоем, ищут начинку, которую заложила в них миллионы лет назад рачительная хозяйка — Природа. Испытатель помнит, что начинка внутри под давлением в сотни атмосфер. Тут держи ухо востро!

«Пирог», в котором сделала дырку разведочная скважина 55, пока не радуется. Проверили один слой — пусто. Думали, принесет удачу второй. Промыли раствором, опустили в ствол заряд, разорвали стенки. Закачали раствором, снижали удельный вес. Молчит скважина. Стали одной водой промывать. Нет результата. Выдули воду из скважины, создалось разреженное пространство — депрессия по-иному. Досадно, что зря старались — «голубой гость» так и не показался. Запечатали цементом «дверь», поднялись на сотню метров. Все началось сызнова. Такова испытательская работа.

Запись в вахтовом журнале: «Испытание объекта. Закачка в скважину раствора удельным весом 1,2 результата не принесла. Начата промывка скважины чистой водой. Бурильщик Пуркин».

Савелий Павлович потоптался еще немного возле пульта управления и неопределенно протянул:

— Ну, я пошел, что ли...

— Иди, иди, Савелий Палыч, отдыхай, — отозвался Губский. Он уже был во власти работы и не обращал внимания на старика. — Отдыхай, — повторил Губский. — Устал, наверное.

«Как не устать, — размышлял Пуркин, подходя к балку. — Третий горизонт испытываем, а все пусто. Что может быть хуже этого?»

Пустые скважины. Еще можно смириться, когда совсем вслепую работаешь, когда знаешь, что на сотню верст газом и не пахнет. А если сейсморазведка обещала тебе успех? Прошел один ствол — пусто. Второй — та же история. В третьем воду открыл. Тогда тоска наступает от такой работы. Потому как работы-то и нет совсем, а одна маета и трата энергии. Человеку обязательно надо видеть результат своего труда. Мы ведь не сизифы, чтобы попусту камень в гору катать.

А насосы непрерывно поют однотонную песню, гоняя по системе желобов, больших и малых труб беспрерывный водный поток. Он бессчетное число раз омыл ствол скважины. Вниз-вверх, вниз-вверх. Люди внимательно смотрят в грязно-бурый поток, надеясь увидеть в нем долгожданные цепочки газовых пузырьков.

— Слышь, Толян, — Леонидов хлопнул по спине Смыслова, — помнишь, задачки в школе решали: «Из одной трубы выливается, в другую вливается?»

— Я за одну такую задачу пару схватил. Математичка у нас была, Сусанна Михайловна. Вот однажды решил я списать...

— Эй, хватит языками чесать. Не пенсионеры еще — вечер воспоминаний устраивать, — голос бурильщика сух и строг. — Закачивать воду прекращаем, будем создавать депрессию. Леонидов, проверь отводные трубы, перекрой задвижки. Смыслов, насос выключить, готовить компрессор.

Из клубов пара возникает мастер. Метнув вокруг быстрые взгляды, подбежал к трубе, помочил палец в воде, понюхал, брезгливо отряхнул, сунул руки в карманы.

— Начинать депрессию, — крикнул бурильщику и исчез за дверью.

Застучал компрессор, нагнетая воздух в ствол. Задрожала стрелка манометра, запрыгала от деления к делению. Смыслов взглянул на светящийся циферблат: двенадцать часов двенадцать минут. Если через одну-две минуты струя газа не вылетит в отводную трубу, значит, и этот горизонт пуст. Возле ствола он увидел мастера, бурильщиков, помбуров. Они окружили начальника отдела главка Садыкова — невысокого, черноволосого, с монгольским разрезом глаз. Имя его было трудное и длинное, и все звали его на русский лад — Михаил Михайлович.

Из ствола брызнул водяной каскад, капли падали на одежду, лица. Люди морщились, ежились, но не уходили. Все словно чего-то ждали. Гейзер опал, и на какое-то мгновение все стихло. Чуткое ухо Садыкова первым уловило тревожные симптомы в этой притихшей атмосфере.

Задрожал под ногами деревянный пол, рванулся из промерзшей земли голубовато-белый сырой воздух.

— Задвижки... — только и успел крикнуть геолог.

Рев вмял барабанные перепонки.

Проволока, удерживавшая отводной шланг, лопнула. Оторванный конец трубы взвился в воздух и с такой неистовой силой трахнул по пульту управления, что от того брызнули в разные стороны осколки стекла, пластмассы, покореженные куски металла. Следующий удар — и деревянный столб буркрытия переломился, словно трухлявый пень.

Люди бросились врассыпную. Угадать, куда

направит джинн свою дикую силу, было невозможно. Черный смертоносный бич яростно раскручивался в воздухе. Спасение было в одном: открыть задвижку и пустить газ по запасной отводной трубе. Но добраться до штурвала было нельзя. Черная дубина, словно пропеллер, мелькала без остановки. Рев, свист, треск, крики людей — все слилось воедино.

Первым рванулся от скважины Андреев. Пятясь, он толкнул спиной дверь, скатился по ступенькам и кинулся в сторону балков. Липкий страх подкашивал ноги.

Секунду спустя по ступенькам проскочил Смыслов. Заметил, что шланг не поворачивается в дальний угол дизельной, куда и открывается боковая дверь. Можно рвануть дверь, выбрать момент, заскочить в мертвую зону, где черт не страшен. Анатолий обжег укрытие, за что-то зацепился, упал, ударился коленом, не обращая внимания на боль, рванул дверь. И в ту же секунду на парня нацелилось черное жерло трубы. Он не успел даже что-нибудь предпринять, как напор в сотню атмосфер швырнул Анатолия о забор.

Секунда — и шланг с такой силой ударил в переплетения труб, что согнул их, как прутья ивняка, но и сам запутался в этой стальной паутине. Мгновения было достаточно: к задвижке рванулись Садыков и Жора Нелаев. Один — кран закрыть, другой — открыть, и вот уже из резервного отводного стояка мощно рванулся бесцветный ураган.

Смыслов очнулся, открыл глаза, потрянул головой, прогоняя непрерывный звон, стоявший в ушах. Взгляд его упал на часы. Стекло было разбито, стрелки показывали двенадцать часов семнадцать минут.

— Да, — сказал Садыков, — чуть не вляпались в историю с географией. Как же это вы, братцы, допустили такую глупость? — кивнул он на оторванный мочаленный резиновый шланг. — А ты, молодец, парень. Но как тебя дунуло славно, а?... — Все засмеялись нервно.

От пережитого еще не оправались, и разрядка была совсем кстати. Впереди предстояла большая работа. Но главное они сумели сделать — вот оно главное — рвется бело-оранжевым пламенем, салютуя мужеству первооткрывателей. Сегодня они закончат дела, а завтра новые работы. Завтра снова в путь, на новые месторождения. Конец любого дела тем и хорошо, что он — начало следующего.

И отступать нельзя.

Да, собственно, и как: кругом земля. В любую сторону шаги — все одинаково навстречу неизвестному...

Над городом

Рисунки
В. Меринова

Евгений
ЕВТУШЕНКО

Ивановы, Петровы, Сидоровы

Ивановы, Петровы, Сидоровы,
вы не кто-нибудь мне, а родня.
Есть фамилии, может, красивее,
только нету родней для меня.

Ивановы, Петровы, Сидоровы,
вы — России самой доброта.
Если есть на земле еще сироты,
вами принятый — не сирота.

Ивановы, Петровы, Сидоровы,
вы в сраженьях стояли стеной.
Если были чем в жизни сыты вы, —
только голодом и войной.

Ивановы, Петровы, Сидоровы,
вы, в несчастьях держась как могли,
на могилы товарищей сыпали
чуть соленые комья земли.

Ивановы, Петровы, Сидоровы,
не считая в шинелишках дыр,
без бахвальства спасали Россию вы,
и спасли вместе с нею — весь мир.

Ивановы, Петровы, Сидоровы,
землю роя и скалы долбя,
по характеру вы не просители —
а особенно за себя.

Ивановы, Петровы, Сидоровы,
если драл вас мороз наждачком,
не шампанскими и не сидрами —
согревались вы просто «сучком».

Ивановы, Петровы, Сидоровы,
ни в какой не увязнув грязи,
выше хлеба ржаного и ситного
правду ставите вы на Руси.

Взошла звезда...

Ивановы, Петровы, Сидоровы,
по живому дыша и греша,
для меня вы не боги, не идолы.
Выше бога живая душа.

Ивановы, Петровы, Сидоровы,
золотой человеческий запас.
Я не путаю с дурнями сивыми
и спесивыми мордами — вас.

Ивановы, Петровы, Сидоровы,
ни за что никогда не умрет
ваше общее имя всемирное,
имя честное «русский народ».

**Евгений
ВИНОКУРОВ**

Когда я был весел, когда я был молод,
Размотан был шарф, и распахнут был ворот.
Стихи я писал, карандашик мусоля...
То воля была моя, сладкая воля!
Я мир этот видел как-будто впервые
И рваные тучи его грозозые.
Шагал я со свернутой в трубку тетрадкой.
И ветер играл моей сивою прядкой.
Хотел быть бродягой, хотел быть скитальцем...
И строго грозили наставники пальцем!
Я в небо смотрел, подбородок задрал,—
И был я поэт и во всем был неправ!..

**Степан
ЩИПАЧЕВ**

Не страшусь!

Вот и в чувствах наметились мели,
да и легкость не та поутру.
Ничего, только б нивы шумели,
золотясь на широком ветру.
Может, сердце наполнивший трепет
вдруг строку оборвет у черты.
Не страшусь! только б ласточкам в небе
стричь и стричь синеву высоты
и ракетам по отмели звездной
человечеству метить пути,
только было б не поздно, не поздно
от живого беду отвести.

Дорогу вижу

Апрель — трудяга. С первых дней хлопочет.
Забот полно. Еще поля черны,
еще заметна еле клейкость почек,
еще ветра не все весне верны.

Я оживлен. Опять чего-то жду,
как некогда, на лето строю планы,
дороги вижу, что до слез желанны.
Пусть мысленно, но я их все пройду.

Тропинки в травах. И по ним, по многим
пройду, как в памяти ни далеки!..
Под небом детства в цыпках были ноги,
но как легки!

В какой-то миг неуловимый,
неумолимый на года,
я поняла, что нелюбимой
уже не буду никогда.

Что были плети, были сети
не красных дат календаря,
но доброта не зря на свете
и сострадание не зря.

И жизнь — не выставка, не сцена,
не бесполезность щедрых трат,
и если что и впрямь бесценно —
сердца, которые болят.

Пусть не вполне
все так, как мне
хотелось не однажды,
но — на войне, как на войне,
жизнь не дается дважды.
И я спокойна оттого,
что не боялась строить
и что не стою ничего,
чего не стоит стоить.

С того прекрасного мгновенья,
с того касанья губ губами,
воздушного, как дуновенье
ночного ветерка над нами,
твой путь с моим путем скрестился,
душа оттаяла, добра,
и поцелуй не поместился
в двух жизнях, в тишине апреля,
и, нам свою являя милость,
неведомое откровенье,
божественно остановилось
и стало вечностью мгновенье.

Пушкинский бал

На балу Натали Гончарова!
Звездный час.

Лебединая власть.
Ее грацией царь очарован,
ангажируя даму на вальс.
Холодея стоит у колонны
тот француз, бонвиван, комильфо —
улыбаясь ему благосклонно,
ускользает она от него.
Вальс кружится.

Музыка играет.
Легкомысленно все на балу.
Но фортуна в шахматы играет
на квадратном дворцовом полу.
И по льду роковому паркета
дуновением славы скользят,
Натали выбирает поэта,
и опасная это стезя.
И души своей Пушкин не чаёт
перед лунным восходом лица,
и себя он на гибель венчает
безоглядной любовью певца!

Подлец подлеца
и дурак дурака
друг друга приветствуют издалека.
Живут они мирно,
друг с другом дружа,
как будто вселяется
в душу душа.
А умный и честный
всегда и везде
проводит всю брентную жизнь во вражде.
Борясь с подлецом
и борясь с дураком
словами когда,
а когда кулаком,
теряют друзей,
обретают врагов —
до смертного часа удел их таков!
И даже воюет мудрец с мудрецом,
а после воюют
мертвец с мертвецом,
пока с двух сторон прорицают:
«Он жив!» —
две правды на чаши весов положив.
И все-таки в жизни страшнее всего,
когда истребляют себя самого.

Слова из губ — как кровь в платок,
Зато навек, а не на миг
мой ключик больше золотой,
чем золото всех недр земных.

Мне трудно быть немолодой
и знать, что старой не бывать.
Зато — мой ключик золотой,
а подарил его — Булат.

И все теперь пойдет на лад!
Я буду жить — для слез, для рифм.
Не зря — вчера, не зря — Булат,
не зря — мне ключик подарил.

Тифлис

Мне Тифлис горбатый снится...
Осип МАНДЕЛЬШТАМ

То снился он тебе, а ныне — ты ему.
И жизнь твоя теперь — Тифлиса сновиденье.
Поскольку город сей непостижим уму,
он нам при жизни дан в посмертные владенья.

К нам родина щедра, чтоб голос отдышал,
когда поет о ней. Перед дорогой дальней
нам все же дан привал, когда войдем в духан,
где — чем душа светлей, тем гение печальней.

Клянусь тебе своей склоненной головой
и воздухом, что весь — душа Галактиона,
что город над Курой — все милосердней твоей,
ты в нем не меньше есть, чем был во время оно.

Чем наш декабрь белей, когда роняет снег,
тем там платан красней, когда роняет листья.
Пусть краткому «теперь» был тесен белый свет,
пространному «потом» достаточно Тифлиса.

В. ВОЛОВИЧ.
Заставка к книге
П. П. БАЖОВА
«Малахитовая шкатулка».

ЗВЕЗДНОЕ МГНОВЕНИЕ

**Владимир
БУЛАВИН**

В мастерской Виктора Саргина стоит шум электродвигателей, визг алмазных планшайб, вгрызающихся в камень. Мальчишки, два раза в неделю приходящие сюда работать с камнем, одеты в коленкоровые фартуки, руки их измазаны в зеленой пасте. В глазах — светится жадный огонек познания и увлечения.

На самом верху стеллажа, полки которого гнутся от кусков яшмы, — большой планшет с нарисованным акварелью портретом Павла Петровича Бажова: из огромной глыбы яшмы выступает голова писателя, набранная мелкими камушками.

Я узнал этот рисунок и поразился: как можно так мастерски передать в акварели красоту и богатство яшмы. Это был подготовительный рисунок к замечательному портрету, исполненному в материале и экспонированном на недавно прошедшей юбилейной выставке, посвященной 100-летию замечательного уральского писателя.

Но как бледен этот эскиз по сравнению с самим оригиналом из камня, как существенно изменилась и сама композиция портрета. Теперь все выглядит еще естественнее, богаче, содержательнее.

Виктор Саргин оказался молодым человеком с утонченными чертами лица, живыми и внимательными глазами и немного медлительным на слова.

— Ваш экспонат привлекал на выставке большое внимание зрителей.

Фото Л. Баранова

Хотелось бы узнать, как родился у вас замысел этого портрета, как он создавался?

— Началось все незаметно,— начал свой рассказ художник.— Еще в 1974 году, будучи в Березовском, я познакомился там с одним коллекционером камней. Меня поразили имевшиеся у него халцедоны. Этот коллекционер работал в шахте, и однажды я попросил его взять меня с собой. И снова удивенное потрясло меня. Все это напомнило мне сказы Бажова. А не сделать ли мне свой каменный цветок, мелькнула тогда мысль. Ведь мы же земляки с ним... Скоро ему столетие будем праздновать. Камня же под рукой много... И я загорелся.

Поиски цветка были мучительными и долгими. Постепенно я понял, что цветок не получится. А вот

если исполнить портрет Бажова из камня? Из яшмы. Создать его каменно-живописным. Выразить суть самого писателя и одновременно раскрыть богатейшие возможности камня.

Поделился этой идеей с М. Надеенко — мы с ним вместе работали. Он поддержал меня. Однако образ долго не складывался.

Размер портрета вырастал до значительного, подобных в практике свердловских мастеров еще не встречалось. Надеенко в карандаше сделал эскиз почти в натуральную величину, а моя задача была подыскать яшму.

Первоначально эскиз портрета изображал писателя с трубкой в руке, но на художественном совете его раскритиковали, мол, напоминает известную фотографию. Мы продолжили поиски. В третьем эскизе

исчезла трубка, исчезли руки, все внимание мы сосредоточили на лице.

На мраморном заводе в Полевском отыскивали плиту для основы. А за яшмой пришлось ехать в Башкирию, в местечко Сибай. Привезли две машины яшмы. И вот после всего этого начался самый трудный этап работы: подбор цвета яшмы. Пришлось испилить чуть ли не две тонны камня.

Невероятно долго мучились с глазами. Не поверите, но то был адский труд. Один крохотный кусочек поверхности, бывало, меняешь по пять-десять раз. Хотелось ведь не просто сделать похожее лицо. Мы старались передать характер через цвет камня, а камень находил нас, заставляя радоваться удачному сочетанию.

Мы верили в камень.

Была еще одна трудность, отнимавшая массу времени: при полировке камня несколько изменялся его цвет. В живописи намного проще: не понравился мазок — рраз... и переписал, соскоблил и снова переписал. А тут чем сложнее становилась форма, чем меньше становился размер кусочков камня, тем сложнее разрабатывался цвет.

Портрет закончили буквально за несколько часов до открытия выставки. Отдавали его с кровью в сердце. Судить нам самим о том, удался он или нет, уже не было сил.

Мы ждали суда зрителей.

Художник вспоминал, а я, слушая его рассказ, подумал, что у каждого творца есть в его жизни те светлые мгновения, те муки творчества, которые не сравнимы даже с долгими годами.

По-видимому, у художников В. Саргина и М. Надеенко портрет П. П. Бажова и был таким звездным мгновением.

Вкладка этого номера рассказывает об экспонатах юбилейной бажовской выставки.

В. САРГИН, М. НАДЕЕНКО. Портрет
П. П. БАЖОВА, 1978 г. 100×100 см.
Яшма, кварцит, халцедон.

Б. ГЛАДКОВ. Гарнитур «Хозяйка Мед-
ной горы», 1974 г. Серебро, фили-
грань, малахит, моховой агат, халце-
дон.

О. КОРОВИН. «Во дворце». Иллюстрация к сказу «Малахитовая шкатулка». Бумага, акварель.

В. ЛУКИНОВ. «Сон Даренки». Эскиз к кинофильму «Серебряное копытце». Гуашь, темпера.

Е. ГИЛЕВА. «Данилка». Иллюстрация к сказу «Каменный цветок».

С. ТАРАСОВА. «Береза на пусто-
пльесье». Холст, масло.

А. КАРАГЯУР. «Осенний снег».
Холст, масло.

А. К. ДЕНИСОВ-УРАЛЬСКИЙ.
«Утро на реке Чусовой».
Холст, масло.

Музы блокадного Ленинграда

Лилия
ДОБРИНСКАЯ

В три этажа на нарах сидели бойцы, слушая концерт. После концерта к певичке подошел молоденький снайпер. Ей запомнилась фамилия — Пермин.

— Какие вы любите цветы?

Актриса удивленно подняла брови:

— Незабудки, ромашки...

В двухстах метрах от землянки были немецкие окопы. Наши солдаты, затаив дыхание, смотрели в щели. Раздалась стрельба: опомнившиеся немцы открыли беспорядочный огонь. Снайпер во весь рост шел к нейтральному ромашечному полю... Шел по своей земле, за цветами. И никакая пуля не посмела его коснуться...

Группа окопных артистов выезжала тогда на Волховский фронт. Когда промчались через Литейный мост, впереди в дом попала бомба. Дорогу заслонил красный кирпичный туман. До передовой — двести шестьдесят километров, через Синявинские высоты, по дороге, выложенной бревнами для танков.

Машину крутило. От тряски и обстрелов все устали. «Чаю хочу!» — раздраженный и требовательный выкрик раздался из корзины певички Галины Семенченко. У попугая Жако лопнуло терпение... Жако был очень полезным спутником: он первый чувствовал приближение воздушной тревоги — весьма ценное качество в военной жизни. А как Жако ня выручал артистов! Выступали по нескольку раз в день, так что голос садился. И тогда в паузах запускали Жако. «Куда, куда вы удалились?» — довольно сносно выводил попугай. А потом танцевал, жеманно переставляя лапки, скрипуче приговаривая: «Что танцуете, Катенька? Польку, польку, маменька!» Или вдруг с хрипотцой, натурально грассируя, выкрикивал слова полузабытой французской песни. Родителям Семенченко подарили попугая еще до революции, он тогда уже был «в возрасте»; орнитологи утверждали, что Жако чуть ли не современник Наполеона.

Доехали ночью. А утром начался концерт.

... В июле сорок второго года были сорваны для Галины Семенченко те ромашки. Засохшему этому букету уже тридцать пять лет. Долго не расставалась с ним Галина Павловна Семенченко, и вот попал он в музей, к школьникам. Как и чучело попугая, который пережил все дни блокады... Как и ночные пропуска по городу, и хлебные карточки. Как партитура Седьмой симфонии Шостаковича.

Где-то сейчас снайпер Пермин? Жив ли? Пусть знает, если жив, что его разыскивают из ленинградской школы № 235 — следопыты музея «А музы не молчали...».

Выступала школьная агит-
бригада:

Еще рубцы Европу жгут —
Войны кровавый след.

Но вновь грозит зловеющий
спрут,

Свобода под угрозой!

И в траур день одет.

И где фашист занес топор —

За краем край крепи отпор,

Пока еще не поздно.

Песню эту пел когда-то Эрнст
Буш. А имени композитора тогда

никто из ребят не знал. Потом узнали: автор песни В. Томилин погиб, поднимая бойцов в атаку. С первого дня войны он пошел добровольцем на фронт. Ребята спрашивали о нем в Союзе композиторов и там познакомились со старейшим виолончелистом симфонического оркестра Радиокomiteта А. Н. Сафоновым. Он им сказал о своей мечте: как бы когда-нибудь рассказать ленинградцам об исполнителях Седьмой симфонии Д. Шостаковича в блокадные

дни 1942 года... Только трудно их разыскать: многие архивы погибли, сгорели, да и люди не уцелели.

Вот тогда-то и пришла мысль — создать музей искусства блокадного Ленинграда. И пришла она первой на ум учителю физкультуры Евгению Алексеевичу Линду. Все классы получили задания. Девятому «А» досталась тема о симфоническом оркестре Радиокомитета. Восьмой «А» взял театр музкомедии. Еще один девятый стал вести поиск по детскому ансамблю А. Е. Обранта...

Музейные работники пугали: «Не за свое дело беретесь!» Директор школы был насторожен: «А когда учиться будем?» Но школьники уже загорелись.

Находили ничтожно мало. Архивы, жилконторы, всякие организации, куда они обращались, требовали слишком подробных сведений. А следопыты подчас не знали ни адресов, ни фамилий тех, кого искали. Но они искали. Неопытность только уберегала от разочарований. Трудно люди расставались с дорогими им вещами, документами. Но отдавали их... Видимо, потому, что ребята не были настойчивыми: просто садились за стол, пили чай, увлеченно листали старые альбомы, выказывали приятную для хозяев осведомленность о театральной и музыкальной жизни военных лет.

Экспозиция об оркестре была вчерне готова. Посмотреть ее пригласили заслуженного деятеля искусств, дирижера симфонического оркестра Радиокомитета К. И. Элиасберга. Карл Ильич внимательно все осмотрел. А прощаясь, сказал:

— Приезжайте ко мне домой и берите все.

Старый дирижер сам помогал снимать картины, фотографии, пока стены не стали голыми. Увидел, что кто-то засмотрелся на фрак:

— Нет, нет, фрак пока не отдам. Я в нем концертирую.

Ребята уносили от него целое богатство: газетные статьи, ценные фотографии, телеграмму Шостаковича с благодарностью за исполнение симфонии, дирижерскую палочку — еще ту, с тех времен...

— У меня к вам тоже просьба, — сказал Карл Ильич. — Найдите одну девочку. Ее звали Люба. Де-

вятого августа в сорок втором году после концерта она подарила мне цветы, которые сама вырастила. Девочка жила далеко за городом и пришла на концерт пешком...

Это казалось несовместимым. Кровь, смерть, голод — и музыка, театр...

Десять тысяч умерших от голода только за один день.

И в этот день на сцене театра оперетты — «Баядера»... Фраки, веера...

Да нужно ли?! Не лучше ли занавес опустить?

Но ведь теплеют глаза измученных людей в зрительном зале. Они сидят рядом, плечом к плечу и... смеются! А когда человек смеется — он не побежден.

Театр работал в мороз, под обстрелом и бомбежкой. Спектакли шли не прерываясь. Зрители и не догадывались, что пианистка отогревает пальцы на теплых кирпичах, положенных по обе стороны рояля, что непоседу д'Артаньяна под руки подводят к сцене, а гигант Портос только что скончался, не допив своей кружки с кипятком.

Полная тишина стояла, когда опускался занавес. Но актеры научились улавливать слабый шелест и выходили кланяться: зрители хлопали в варежках.

В поисках по истории блокадного театра под руководством учительницы Е. С. Сидельковской участвовало иногда сразу по двести школьников. Они находили уникальные экспонаты. Вот, например, фотография — единственная, наверно: очередь за билетами у театральной кассы в самые страшные дни блокады. Вот нежное, воздушное платье, в котором Л. А. Колесникова пела партию Одетты Доримонт. Рядом — увеличенный градусник, он показывает минус восемь. Такая температура была тогда на сцене и в зале. В других ролях еще можно как-то утеплиться. Но Баядера без своего костюма теряла смысл. И актриса надевала шаровары из шифона, и с обнаженными плечами выходила на сцену. Она кокетливо обмахивалась веером, а пар валил изо рта... «Да оденьте вы ее во что-нибудь!» — кричали из зала.

...К тридцатилетней годовщине прорыва блокады в школе готовилась экспозиция. Ребята торопились. Вырезали стекла, укрепляли холсты на фанеру — все сами. И учителя были задействованы самым серьезным образом: А. М. Петрова составила несколько тысяч карточек для картотеки. Т. С. Назаревич отпечатала на машинке все тексты к экспонатам. Е. А. Линд укреплял стенд — упал и сломал ногу. У мальчишек все руки были в порезах.

Работа — допоздна каждый день. Тихо заглядывали в зал родители, оставляли пирожки и исчезали. Одно у всех было на уме: только бы уснуть.

Успели. Сделали.

— Все! Сделали-ли! — шумела посреди ночи школа. Кто бы заглянул в эту минуту в зал: взявшись за руки, кружились учителя и ученики. Евгений Алексеевич Линд пел, пристукивая ногой в гипсе.

Да, был один школьный зал. А теперь у музея — свое здание. Оно построено по решению исполкома Октябрьского района Ленинграда для 235-й школы. И в нем будет уже не один зал, а несколько. Это — возможность отдельно разместить экспозиции, посвященные творчеству Д. Шостаковича, музыковедов и композиторов, театру Балтийского флота, фронтовым бригадам...

Основой экспозиции, посвященной Дому Красной Армии, стал архив подполковника М. Р. Фаэнсона. О шестнадцати фронтовых бригадах рассказывает она. О специальном агитвзводе, который сформировал народный артист Н. К. Черкасов — конференс в этом взводе блестяще вел юный Владислав Стрельчик. Об артистке В. А. Глухой, награжденной медалью «За боевые заслуги»: после концерта она выносила с поля боя раненых бойцов. Об эстрадной бригаде А. Б. Кучеренко. Артисты под сильным вражеским огнем переползли по льду Ладожского озера, и изумленные защитники Шлиссельбургской крепости увидели веселое представление: гимнастические трюки, фокусы, шуточные танцы...

На старом фотоснимке — смеющиеся девушки из ансамбля народ-

ных инструментов под управлением А. А. Беловой. Всю войну прошел ансамбль следом за боевыми частями и дошел до Берлина.

«Чижиками» называли солдаты юных артистов. Им особо дорого было видеть этих детей, выступавших в белых пионерских рубашках. Народная артистка РСФСР Г. П. Короткевич, артистка В. Ф. Дроздова, заслуженная артистка республики О. Я. Вайонен, писатель Юрий Принцев, кавалер ордена Красной Звезды В. В. Струнина — все они были «чижиками».

Очень любили солдаты молодую актрису Настю Шрамкову. Три тысячи раз выступала она перед бойцами, а то и больше. В полках сложилось поверье: когда приезжает Настя Шрамкова — завтра в наступление. Она словно удесятряла силы солдат. Приехав в полк, она узнавала о боевых делах, о судьбах бойцов и вставляла эти сведения в свои выступления. Сколько раз ей предлагали стать политруком... Солдаты требовали: «Пришлите Настеньку!»

И вот еще какой интересный документ хранится в музее. Телеграмма от летчиков Клавдии Ивановне Шульженко: «Сбили шесть фашистских самолетов. Приезжайте».

Незадолго до того Клавдия Шульженко пела у летчиков. Очень много пела, но ее все просили:

— Спойте еще... Еще раз «Синий платочек».

— Хорошо, спую,— улыбалась уставшая певица.— Вот собьете еще самолет — приеду и спую.

Не успела добраться домой — телеграмма...

Клавдия Ивановна Шульженко прилетела из Средней Азии на третий день войны. В пилотке и гимнастерке, она носилась по фронтам на каком-то отчаянном шарабане с пробитым пулями, обгорелым брезентовым верхом.

Легендарный синий платочек тоже стал экспонатом музея «А музы не молчали...»

Подвиг, если он преподнесен абстрактно, не оказывает такого воздействия, как тогда, когда он связан с живыми, конкретными людьми. В 235-й ленинградской школе

своих героев знают, видят, собирают вместе на встречах в музее.

Встреча блокадных исполнителей Седьмой симфонии с артиллеристами 14-го гвардейского контрударного полка была для музыкантов неожиданной. Они хорошо помнили тот военный день. Все восемьдесят минут, пока в белоколонном зале филармонии впервые звучала знаменитая симфония, пока слушали ее ленинградцы у репродукторов в землянках и квартирах,— ни один снаряд не потревожил шумом город, ни один вражеский самолет не прорвался в небо. Артиллеристы 14-го полка, выполняя приказ маршала Л. Н. Говорова, вели усиленный артобстрел вражеских позиций и аэродромов. Они дали возможность слушать симфонию всей стране.

Через столько лет артиллеристы и музыканты впервые увидели друг друга...

Когда Карл Ильич Элиасберг опустил дирижерскую палочку и повернулся лицом в зал, он увидел, как вдоль рядов бежит-торопится к нему женщина. Она протягивает дирижеру цветы, а смеющееся лицо ее залито слезами.

И Карл Ильич узнает ее:

— Люба... Девочка Люба...

Встает первый ряд, поднимается второй, третий. Встает весь зал...

Позвонила жена Карла Ильича Элиасберга. Помолчав, тихо сказала:

— Приезжайте... Забирайте фрак.

В почетном карауле прощались со своим большим и добрым другом следопыты музея «А музы не молчали...». Карл Ильич поверил в них одним из первых.

Ленинград

«ЧИП» ИДЕТ ЗА ПЕСНЯМИ

Пятый год существует при Дворце культуры школьников Нижнетагильского металлургического комбината детское литературное объединение «ЧИП». Фольклорная группа создана при литобъединении совсем недавно; идею создать ее предложил нам руководитель Валерий Викторович Климов. Для начала надо было изучить жанры устного народного творчества.

— Ну, это ерунда,— воскликнул Володя Крашенинников.

— А какие ты виды сказок знаешь? — спросил Валерий Викторович.

— Про колобка, про медведя...

— Все сказки, а они объединены в жанр, делятся на виды. Сказка о колобке — это волшебная сказка, а другая — это уже из сказок о животных...

Потом мы узнали о других видах устного творчества, символах, образах; узнали, как составлять паспортизацию, вести беседы с жителями сел и деревень. Валерий Викторович предложил отправиться на родину Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Встречи со старожилами Пригородного района помогли узнать много нового. О трудной доле женщин дореволюционной России поведала в песнях Е. Ф. Ольховикова; много загадок, пословиц, поговорок записали мы у А. И. Кушновой, О. А. Горбунова спела нам рекрутские песни. У Мельниковой Зои Ивановны услышали мы старые частушки.

А Серафима Дмитриевна Петрова, жительница поселка Висим, спела частушки новые:

Наша бабушка Настасья
Тайну бережет одну:
Копит пенсию в сберкассе
Для полета на Луну.
Вместо Германа Титова
Предлагали нам лететь,
Мы уж было согласились,
Да частушки надо петь...

Из той, первой, экспедиции мы привезли около двухсот текстов.

**Олег МАНАПОВ, Эдуард ТУЕВ,
Владимир КРАШЕНИННИКОВ,
Игорь ДРУЖИНИН,
Игорь ШКОЛЬНИКОВ,
юнкоры «ЧИПа».**

Публицистическая поэма

Николай
НИКОНОВ

Рисунки
Н. Мооса

VIII. На Север

На Север бежали все, кому было немогуту. Шел, благословясь, из мирской суеты и свары ревнитель древнего благочестия, алкал безмолвия, святого жития, издержанный жизнью пустынный, бежал от правеха кабальный мужик, бросал в болото кровавый кистень, скрывался куда-нито подальше разбойный малый, одержимые поиском шли рудознатцы, пробивались охочие гулящие люди и мало ли кто еще не стремился к Северу — всех не перечтешь, — и поныне идут. Идет на Север удачливый за удачей, неудачник за долей и рублем, ищут романтику, а больше соболя-выдру, семгу-осетра, нельму с тайменем сверх меры бойкие в бородах и в свитерах грязных и в утасканных джинсах, на моторках и пешим ходом, не дети ли тех, охочих, и тех, кто бросил в болото кистень, а может, правнуки уже...

Север все еще терпит, всех укрывает, всем дает жить, иногда и на щедрый дар не скупится. Только вот — надолго ли? Хватит ли и его всем теперь... Теперь ведь и оседлый городской житель, никуда не едущий и весь в благоустройстве, вспоминает вдруг про какие-то дали под суровыми небесами, начинает вдруг видеть ледяные озера и живое серебро тех рек, где плещет даровая рыба — таймень и хариус, рыба, созданная из дикости, холода и чистоты, вылетает за мошкой на красных закатах за широкими плесами, есть еще лес, есть и пустынь: Мать тишины и обитель туманов и всего непорочного. Есть... Есть еще... И легче становится жить человеку, в дом которого течет горячая и холодная влага, имеется в доме искусственный водоем, искусственный дождь, рукотворное солнце, волшебное окно в дальний мир и спрятанные на полках голоса и мысли мудрецов, и оркестры, всегда готовые заиграть, и все новости мира, вся его ложь и правда, готовы вырваться тотчас за щелчком приемника, а коли не хочешь этого приемника, идут в дом готовые

бумажные листы, и там та же самая правда. Все есть у человека в кирпичной, бетонной, обетованной пещере, а все плачет, тоскует порой этот современный пещерный житель, если только он не нейлоновый супермен — тоскует по лесам и по звездам, по волнам и ветрам, по зверям, птицам и рыбам, и, как голос матери, зовут его днями и ночами голоса звезд, ветра, солнца и живых существ наяву и во сне... И радуется человек, вспоминает — есть еще где-то на севере Север... Есть еще чистота, нетронутость, прохлада и недоступность. Есть как надежда на счастье? А что такое счастье? — спросите. Не одна ли только надежда?..

И так же, как люди, нным лишь разумом, нным лишь инстинктом уходил из своего леса к Северу кот, избежавший капкана, картечи и березового стяжка.

Когда егерь с радостными матюгами, набегая, занес стяжок, кот прынул в сторону с такой силой, что сухожилия перетертых пальцев не выдержали, оборвались, и он освободился, оставил капкану два пальца вместе с когтями. Кот бросился в лес и скрылся под ругань и крик егеря, перепуганного и остолбенелого. Еще никогда не случилось такой оказии. Попавшую в капкан рысь, лисицу ли он добывал всегда не торопясь, чтоб не испортить шкуру, а тут — ладно хоть не бросилась... Ушла!

А кот был уже далеко, бежал сперва на четырех, а после на трех лапах, поджимая ту, больную острой нестерпимой болью. Далеко за болотом, в незнакомом ему лесу, он лег, свалился. Силы оставили его, как всякое живое существо, одолевшее предел невозможного. А он совершил это, вырвался, умчался, ушел, сохранил жизнь...

Стоит ли описывать, как кот отходил от шока и страха, как зализывал ноющую лапу, как охотился на трех ногах и голодал, как судьба ли, случай ли — опять спасли: нашел кишки, шкуру, трубку убитого кем-то лося и жил там, пока болела лапа, — как понял, что надо уходить, и теперь упрямо шел на Север.

Он шел уже целую неделю по людским мерам, шел выверенно и строго, как по компасу, и хоть меньше становилось селений, не убывало дорог, а лес не становился глуше. Скорее наоборот, со всех сторон обступали kota следы активной деятельности. Он пересекал пропахшие мазутом, бензином и выхлопом лесовозные дороги, про-

ходил такие же мерзло-пахучие узкоколейки, огибал вырубку, шел через большие горы и мелколесье, уже подросшее, загустелое непрохожей, теснящей друг друга чащобой, и все время кот слышал крики и урчание машин, рокот трелевочников, рык-вой моторных пил, тяжкий гул падающих деревьев и таканье сучкорезов. Будь он мысленно похожим на человека, он подумал бы, что по местам, которые он обходил, шла война: так грохотало, громыхало, бухало, иногда и по-настоящему взрывалось — рвали пни — заготовку неведомо для какого сырья... Иногда кот пробегал через странные места, лес стоял здесь облитый каким-то едким снадобьем, голый и сквозящий. Здесь не было ни птиц, ни зверя и еще сильнее ощущалась война. Шло наступление человека на несопротивляющегося противника.

Было здесь голодно... Матерая оседлая птица и зверь бежали из этих мест, перевелись, попали под воскресные выстрелы всегда кочующих лесорубов (так перевел бы, наверное, мое предложение переводчик-немец). За неделю пути кот поймал лишь больного исхудалого белячка да ночью подкрался к спящим в снегу рябчикам. Инстинкт и голод тянули дальше и дальше, к Северу, прочь от этих мест, и неясно уже на какой день, а лучше сказать ночь — ведь больше всего кот шел ночами, — лес расступился и открылась вырубка, похожая на неоглядную пустыню. Не было видно ей ни края, ни конца, торчали по ней лишь мелкие чахлые сосенки и тощий молодой березняк, выставлялись из-под снега комли и сучья несвеженного подтоварника, и сколько ни пробовал кот обойти вырубку, она все тянулась, воздымалась на пологие горы, уходила за горизонт, и тогда, преодолев страх открытого пространства, он двинулся напрямик. Он шел всю ночь, все утро и весь день, но нигде не маячило даже настоящего леса — одна снежная целина, редкие деревья, измятые техникой перелески и опять сплошная равнина, лишь кое-где из-под снега, как редкая шерсть, торчал поднимающийся прутьяк. Здесь не было и ничего живого, даже не было ворон и сорок, спутников человека и жилья, один ветер взметал, взвивал вихри снега под таким же льдистым, широко-пустынным небом, и солнце ходило низкое, светило, не грело. Кот уже не ощущал голода, но шел все тише, чаще останавливался и ложился. На рассвете, после четвертой голодной ночи, вдали заснежен лес, кот ускорял шаги, даже побежал и тут же услышал шум, рокот, быстро нарастающий, похожий на стрекотанье гигантского насекомого. Он замер и увидел, как птица-стрекоза, стригущая небо большими длинными лопастями, нагоняет его, и помчался что было силы длинными ловкими прыжками (не от них ли и происходит его название — рысь). Резервные мощности его организма включились (как написал бы современный автор, помешанный на индустриализации), а проще, кот хранил в себе такой бег и такую скорость на крайний случай, не зная даже о том, что хранит. И все-таки как ни мчался он, ошалев от страха, зеленая грохочущая стрекоза увеличивалась, легко нагоняла его, нагнала, снизилась, оглушая свистом, воем, грохотом и вихрями, и тотчас с нее ударило загрохотало равномерным громом и градом: бу-бу-бу-бу... Это было ружье-автомат... И любой зверь — медведь, лось, олень, волк — погиб бы немедленно под этим обстрелом, ибо продолжал бы ошалело нестись вперед, но недаром рысь, или кошка, вообще считается самым смелым, совершенным, самостоятельным и смышленным зверем среди хищников — кот прынул в сторону и назад, два прыжка, и зеленая птица-стрекоза с грохотом унеслась далеко вперед. Лес приближался. Кот уже хорошо видел ели и березы опушки, он бежал изо всех сил, но птица-стрекоза, сделав неширокий и как будто неторопливый круг по небу, снова неслась, нагоняла с рокочущим свистом так низко, что впереди и обвевая ее неслись круговые вихри, и она стремительно нарастала, превращалась в невысказанно огромное, тяжелое, зеленое чудовище.

И снова, без сомнения, погиб бы волк, лось, медведь, потому что они не сделали бы и не смогли сделать так, как сделал кот, когда ему стало ясно, что птица схватит его, падает на него, уставясь тупым блестящим носом с тремя глазами. Он стремительно опрокинулся на спину, ощерил клыки и развел в стороны раскрытые, напряженные лапы. Он готов был дорого отдать свою жизнь, готов был вцепиться всеми когтями и зубами в горло этой птице, если б у нее было горло... Выстрелы опять хлестнули за его головой, пули вспороли снег, а птица тяжелой тулей пронеслась мимо, обвев кот снежным вихрем, стала набирать высоту.

Так длилось не менее получаса — кот то бросался вперед и летел по снегу, казалось, не касаясь его поверхности, то припадал, кидался в стороны, и летчики то ли не могли попасть, то ли дурачились и потешались — все может быть, пока некто старший, видимо, приказал прекратить забаву, и зеленая патрульная машина понеслась в сторону, а кот был уже в лесу, бежал под его надежным кровом. Впрочем, бежал он, пошатываясь, хрипя и задыхаясь...

Почему люди считают, что животное не может точно так же задохнуться от бега до колодца в боках, до тьмы в глазах, до обморока и шока... Третьи сутки кот был без пищи, ел только сухую траву, с которой его тошнило почти тотчас же, как наедался, да и можно ли наестись сухой травой? В чаще кот лег, забился под широкую полусваленную ветром ель и долго приходил в себя, вздрагивал, хрипел, потом наскоро вылизался, привел в порядок шерсть, выкусал мерзлый лед и снег в подушках лап и между пальцами. Когда он снова вылез из-под ели и двинулся дальше, все его органы чувств — слух, зрение, обоняние, осязание и даже вкус — сложились в один непонятный и неизвестный людям сверхчуткий локатор, и кот быстро обнаружил то, что искал...

Белые, похожие статью на тетерева птицы, лишь более толсто и плотно покрытые пером, копались в снегу на моховом болотце, к которому, как опять написал бы сверхсовременный писатель, «вывел хищника инстинкт поиска, получив зрительную и звуковую информацию». А проще, кот услышал этих птиц и тотчас представил их — раньше они водились в болотистых сосняках по краю его леса. Это были белые куропатки, и он хорошо помнил их дикие гогочущие голоса, шумный взлет и токовища этих птиц. Весной они меняли белое перо на странное бело-рыжее и не отходили далеко от весеннего кормового болота с бордовым крапом сладкой подснежной клюквы и по талым и тоже рыже-белым кочкам. Кот мгновенно понял, что куропатки заняты поисками еды, куропаточьей травы, мха или клюквы, глубоко ушли в разрытый снег и, значит, подкрасться к ним будет нетрудно. Это было действительно не трудно для такого великого охотника. Припадая в снег, приныкая к нему, зменсто ползло легкое голодное тело, куропатки не замечали ползущую рысь, по-прежнему рылись в снегу, поклевывали, и вот тело рыси замерло, подобралось, напрыглись мускулы, приготовились когти, прижалась уши, казалось, кот сократил свое тело вдвое, сжав его в ком, через мгновение, как серый призрак, он взвился над птицами и совершил невозможное: поймал сразу двух — одну четко схватил зубами, другую достал лапами на взлете... Две куропатки — более чем достаточно для того, чтобы восстановить потерянные силы. Урча и дрожая от голода, он наспех съел сперва одну, не оставив ничего, кроме крупных перьев, затем уже, ощутив, что пища начинает греть и пополняет в нем нечто, почти исчезнувшее, почти прерванное, кот принялся за вторую горячую птицу. Он урчал уже по-иному, ел не спеша, тщательно, с разбором, с хрустом-треском разгрызал каждую кость, выщипывал и откусывал крупное перо и толстый, белый, густой пух.

Через неделю все более уверенным шагом кот шел

уже в предгорьях густым, невысоким и местами исчезающим лесом. Не слышалось уже ни гула машин, ни треска тракторов, ни запахов человека и его жилья. Пищи стало попадаться больше, он ловил толстых пятнистых хомячков-леммингов, сгонял куропаток, испугивал зайцев. Начиная нетронутый Север, бесконечные горные цепи, невысокие, с чахлым редкостоем, с плешинами каменистых гольцов, а дальше пошли и вовсе горы, как остроконечные лысины, упертые в низкое, вечно пасмурное небо. Здесь был Север. Было темно. Дни, едва и трудно занимаясь, с непонятной для кота быстротой переходили в светлую северную ночь. Ночи же были несравненно светлее и мглистее черных лесных ночей, небо, почти никогда не свободное от туч, отражало снеговой свет, было пасмурно-серо-белесым... Часто шел снег, непривычно густой и плотный, иногда он сыпался как ливень, иногда переходил в движущуюся, несущуюся по ветру массу. Ночью здесь летали белые филины, бродили белые лисички-песцы, кормились по низким березнякам шуры и чечетки, олени стада раскапывали и взрыхляли снег в поисках мерзлого мха и травы.

Север встретил кота такой пургой, что кот уже не был рад ей, как прежде, когда под метельным покровом подбирался к тетеревам и зайцам. Идти вперед было невозможно, снег и ветер валили с ног, и кот залег в снегу под защиту густого низкого стланика. Через сутки пурга стихла, и он упорно двинулся дальше. Теперь кот шел по редколесью и гольцам, то поднимался на отлогие увалы и гряды, где выюги до камня и дерна сдували весь снег, то спускался в ложбины — идти и здесь было легко, на уплотненном углаженном снегу едва отпечатывался его круглый легкий след. Инстинкт или разум временами останавливал кота, заставлял подолгу стоять в глубокой озадаченности, не в самом ли деле кот думал, куда идти, стоит ли двигаться вперед или вернуться? Вернулся бы... но опять нанесло по ветру голоса людей, дым и бензиновую вонь, запах еще чего-то такого же, отдающего нестерпимым запахом гнили и масляной густой жижи. Сворачивая далеко на подветренную сторону, обходя подальше опасное место, кот еще долго ловил обрывки запахов, голосов, дыма, стука машин, какого-то равномерного скрипа и с вершины гольца рассмотрел сквозь снег очертания чего-то высокого — там были вышки и факелы горящего газа.

Снова инстинкт толкнул его прочь, скорее и дальше от людей, к нехоженным хребтам, дальше от ужасных звуков. И уже почти исчез лес, тянулся лишь по течению рек, обозначая их русло, суживался лес, переходил в искривленное, вымороженное криволесье. Тут березки и елочки клонились к сугробам, подставляли ветру согбенные спины и, как старые старушонки в вечном поклоне, все глядели в ту сторону, где едва вставало, показывало мороженный край и тотчас тонуло в разбеленных туманах солнце. Ночь спускалась ледяная и долгая. А кот продолжал идти куда-то прочь от солнца, и оно вовсе скрылось, снега сделались глубже, ветер упорнее, горы превратились в холмы, и вот, перевалив какую-то уже несчетную гряду, кот вышел на открытую без конца равнину, по которой с гулом несло низовой снег. Это была тундра. Мамонтова степь. Кто знает, почему приходили сюда сложить кости многие животные на грани вымирания? Кто знает? Одна тундра. Если бы спросить эту тундру... Что знала она... Что видела? Какие табуны и какие стада паслись на ней и гибли в ней в теплые времена, какие гиганты пали в неравной схватке с пургой и Севером. Молчит всегда мамонтова степь, лишь изредка покажет людям то груды бивней, то обломки рогов и костей, озадачит, и опять молчание.

И точно пришедший к последнему пределу, кот стоял, жмурясь от снега, облепленный, заносимый им, вихри крутились у его лап, выстилая воронки, толкало и пошатывало, заставляя переступать, и кот понял: нет пути, нет

леса, без которого не мог он жить, — дальше один только снег и ночь. Кот боялся открытых пространств. Опасность сильнее его смелости чудилась ему. Долго стоял он, вздрагивая и спиной и хвостом, и вот решился, повернул назад, на свой след, и еще неделю возвращался гольцами до пояса лесов. Снова кот отошал до последней возможности. Не знал, что чем глуше приходит на север зима, тем больше исчезает из тундры все живое, отлетает, уходит, откочевывает. Сдвигаются к лесу стада оленей, за ними песцы, волки и россомахи, улетают куропатки ближе к зарослям рек, и туда же идут зайцы и мыши. Одни лемминги ведут на месте свою скрытую подснежную жизнь, но, бывает, и они сдвигаются, уходят куда-то нечисленными стаями. Но все-таки жизнь была. В таловых зарослях у безымянной речки кот выследил зайца, насытился, забрался в еловую плотную глухомань и расположился на лежку. Он спал долго, может быть, не один день, ведь пока выходил из тундры, спать почти не приходилось, и он дремал на ходу. А тут и во сне, видимо, вспоминалась ему та темная равнина, вой ветра, ледяные валуны гольцов — кот вздрагивал, тряс ушами, урчал и стонал...

Если бы не морозы и ночь, кот, наверное, остался бы здесь. Снега здесь шли чаще и были урывисто-густы, выюги по-северному упруги, а пищи в теплую погоду попадалось куда больше, чем в его родном лесу. Если б не мороз... Кончал дуть теплый и сильный западный ветер, прекращалась пурга, и сразу, точно по чьему-то грозному мановению, мгновенно чернело и отдалялось небо, накапливалось, уплотнялось звездами, становился виден весь безмерный космос, все его звездные дороги, и мороз, неподвижный, стягивающий и сжимающий, обездвигивал и жег, казалось, вымораживал все живое до ноющего стопа. Трескались деревья, лопался лед на промерзлых речках. Как стекло, становились ветки и сучья, как железо, звенел, шуршал и резал лапы снег. Кот обмерзал, мороз прохватывал легкую, но по северу шубу, приходилось греться на бегу, но самое страшное в морозы — голод. Пропадали куда-то зайцы. Отсиживались в снеговых норах. Не выходили из-под снега куропатки, замирали и прятались лемминги. Оставалась последняя надежда — олень. Но не были они охотой кота. Лишь обезумев от голода, мог он броситься на оленя и на лося... И олени не часто попадались тут и, если проходили, непременно стадом. Несведущий считает оленя и лося беспомощными животными. Что, мол, они могут противопоставить хищнику? Напрасно считает... Такому бы и попробовать поймать оленя руками, про лося и говорить не приходится... Никогда не сдаются они без борьбы, возят и бьют противника, у лося на это есть страшная лосиная сила, скорость, копыта. Олень же немногим уступает лося, а превосходит его быстротой, еще тем, что оленей всегда много — напади на стадо — разнесут, истопчут, не дадут подступиться... Но что если голод уже нестерпим?

Однажды, в такой пробирающий до костей мороз, кот выследил стадо оленей. Олени шли лесом. В лесу было удобнее нападать, тут кот всегда чувствовал себя хозяином, и, обогнав оленей по жесткому мерзлому насту, инстинктом рассчитывая и угадывая их движение, он взобрался на темную, густо-лохматую ель, затаился. Крепких быков и самок-важенок он пропустил. Олени шли плотной, колышащейся рогами массой, пропустил и могучих оленей-самцов, которые шли зади и охраняли стадо. Напасть на старое, больное, хилое или отставшее животное — неписанный закон всех хищников мира, и кот обрушился на последнюю, не быструю на ходу оленуху. Оленуха едва брела по взбороженному и раскопанному стадом снегу. Сбросив кота, она, однако, помчалась в сторону старушечьим ныряющим бегом. Но здесь был лес, и кот догнал ее в два прыжка.

На этот раз клыки его сомкнулись за ушами оленухи, и она упала. Дико урча, кот проскакал вокруг добычи победный танец большой охоты. Теперь он был спасен, впереди ждало насыщение теплым мясом, перед которым ничто и мороз, и ночь. Он принялся за еду, мурлыча,

облизываясь и подвывая от голода, а в это время из морозной мглы выступили шорохи — четверка волков, таких огромных и светлых, каких он еще никогда не видел. Это были полярные тундровые волки, пушистые, широкогрудые звери в той степени серой окраски, которая ночью и на снегу воспринималась почти белой. Настороженно, однако уверенно и быстро волки окружали кота. Раньше, при встрече с волком в одиночку, кот никогда не уступал ему дорогу. Да они и не мешали друг другу и редко сталкивались: кот был лесной житель, а волки придерживались опушек, полей и перелесков. Кот презирал их, как презирают собак домашние кошки, как презирают существа более самостоятельные, богаче одаренные природой, самолюбивые и сильнее тех, кто организован ниже. И в самом деле, не более ли совершенна рысь, даже на первый взгляд, по сравнению с самым выдающимся представителем собачьего рода? С одинаковой быстротой может она догонять добычу на земле, но, не проваливаясь, мчаться по снегу, как стрела из лука, может взлетать на дерево до самой вершины, а прыгать так, что никакой житель леса не превзойдет ее даже наполовину, ее слух совершеннее и лисьего, и волчьего, глаза видят одинаково зорко ночью и днем, к ее острым клыкам есть еще арсенал таких когтей, что жутковато их описывать. Кто в лесу бесшумнее рыси, кто осторожнее и кто храбрее?

Но волков было четверо. Как все низшие существа, они брали количеством, и, кажется, кот понял — добыча упущена. Однако не из тех он был, кто удирает при одном только виде превосходящего противника. Здесь была его добыча, закрепленная охотничьим танцем. Страшно вздыбив шерсть, рыча и шипя, кот прижал уши и развел их в стороны — символ самого большого гнева, неуступающей ярости. Он был страшен, его двухцветный хвостик дрожал, из глаз, казалось, вот-вот выметнет пламя, и любой волк, даже два волка не решились бы на него напасть. Но их было четверо, они были голодны, а когда приходит голод, рушатся все законы. Вожак остановил стаю и коротко рявкнул. Он предупреждал так же, как кот, приказывал убираться. Ни одно самое хищное животное никогда не нападает, не предупредив, не попытавшись избежать боя... Кот ответил яростным свистящим шипением... Может быть, белые волки не знали, что такое разъяренная рысь... Они не медлили, пригнув головы, нацелись и расходясь полукругом, они разом, как под команду, бросились на кота со всех сторон со свистящим, клокоцущим хрипом. Началась схватка-свалка, вся полная визга, храпа, воя, рычания и шелка зубов. Звери грызлись и сплетались в один мелькающий ком-хоровод, то разлетались в стороны, и в середине оставался кот, ощеренно-страшный, непобежденный, кот отбивался, однако он не мог наступать... Два волка уже трясли мордами, третий утирался лапой, у четвертого чернел разодранный бок, но победа не склонялась на сторону кота, сам он был искусан, окровавлен и ободран, хотя сохранял боеспособность... Боком, не показывая врагам тыл, кот отступил к ели, с которой упал на оленуху, он зарычал и вскарабкался на ель снова.

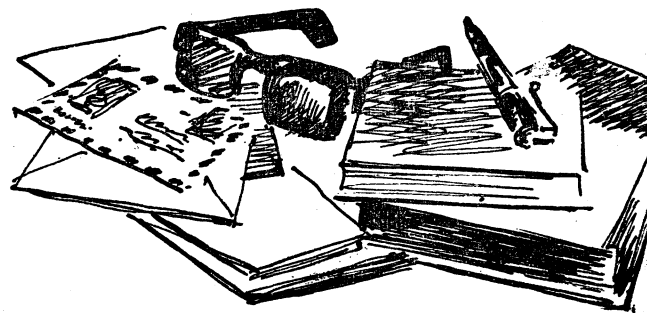
Волки подошли ближе, рыча и поскуливая, залегли в снег, но предводитель стаи вскоре поднялся, подошел к туше оленухи, ухватил ее за жесткий загривок и начал делать это с непосильной ношей. Он оттащил оленуху достаточно далеко и там уже принялся рвать, жадно хватать куски мяса, и тотчас к нему бросились остальные, и вот уже все они насыщались, поуркивали и скалились друг на друга, отбирая и деля лакомые куски и косясь в сторону ели, — там сидел кот. Он тоже урчал, зализывал прокушенную лапу. Не везло этой лапе, на ней и так уже не было половины когтей.

Волки не ушли. Насытились и прилегли прямо в снег, возле полусъеденной котовой добычи. И кот понял — они не уйдут и день, и два, пока не останутся тут лишь самые крупные мослы, которые не могут раздробить и зубы полярного волка.

Кот спрыгнул в снег и захромал прочь. Волки не

преследовали его. Закон леса запрещает сытому нападать на голодного, и, кроме того, волки узнали силу этого зверя и не хотели повторять схватку. Лишь вожак, приподняв голову, пристально следил, как уходит кот. Зато кот, по-прежнему голодный, теперь знал, что и олень в тундре не всегда спасение. За оленями, как бдительные пастухи, идут волки, они так же исполняют закон природы — мясо не должно пропадать, не переходя в плоть других существ, а жизнь оленьего стада без хищных пастухов давно прекратилась бы от болезней и вырождения.

Медленно, угрюмо брел кот по ночной полярной тайге, светила ему в редколесье дымчатая луна, играло небо дальними сполохами, и, может быть, кот вспоминал свои родные места и думал, что этот лес — не его лес, и эта ночь — не его ночь, и эта добыча — не его добыча, а может, не думал ни о чем, только шел, шатаясь от боли и голода...

*Там жили поэты и каждый встречал
другого надменной улыбкой.*

А. БЛОК

IX. Два писателя

Глава сатирическая и фантастическая

Рабочий день этого писателя — назовем его, чтобы никто не обижался, — писатель, пишущий быстро и много, — начинался после завтрака с разбора почты. Почту он рассматривал внимательно, солидно хмурился, поправлял очки. Это был, по-видимому, настоящий писатель, ибо все у него было в высшей степени писательское: вместительный лоб, крупный нос, жестко-седые волосы, стриженные короткой челкой на манер римского императора и опавшие на шею, как у викинга, рабочая замшевая куртка, тоже очень внушительная, очки были с замысловатой золотой оправой, с подпалинами — такие модно носить теперь, — а прежде очки были черепаховые, с толстой оправой, привезенные из Сингапура. Очки такие и сообщают их владельцу приобщенность к бесконечно высшему и глубинному знанию, что опять же и должно быть, наверное, у настоящего писателя, равно как могучие стеллажи с книгами, ритуальные маски по стенам, дроботная пишущая машина, какое-нибудь необыкновенное — из крыла жар-птицы, из рыбьего зуба, бивня нарвала, клыка пещерного льва — стило, можно и с золотой монограммой, равно как трубка, и непременно английская, прямая, мужественная. Но тут я умолкаю — трубки у этого писателя не было в обиходе лишь потому, что писатель превыше всего ценил здоровье, всю жизнь о нем пекся и радел, ежегодно лечился в санаториях, ездил на курорты, и трубка, даже с коробкой великолепного трубочного «Кэпстена», благоухающего для тех, кто курил и нюхал его, медом, имбирем, морскими волнами, дальними странами и великолеп-

ными романами Конрада, лежала в верхнем ящике замечательного, большого, полированного в коричневый темный глянец и построенного по фасону модери югославского стола, и только иногда, очень наедине, писатель все-таки доставал ее, набивал волокнистым пряным желто-оранжевым табаком, нюхал его, брал трубку в ухоженные ровные зубы и приятно воображал, что курит, при этом он даже, обманывая себя, делал вид, что затягивается, пускал дым в сторону, отводил руку с трубкой очень картинно, на мгновение чувствовал себя словно бы Черчиллем, впрочем, пардон, Черчилль, насколько автору известно, курил больше сигары, а не трубку, но это не важно, это деталь, главное, как представить...

Лицо у писателя, пишущего быстро и много, было, на первый взгляд, простецкое, такие лица часто бывают у людей хитрых и прячущих свою хитрость, но всегда она просвечивает, угадывается, едва всмотришься пристальнее, и не надо для этого быть знатоком Аристотеля или Лафатера, хитрость всегда подменяет человеку — точнее, пытается заменить — нечто неподменяемое и неадекватное, а будь это неподменяемое в наличии, то бишь в лице, она исчезла бы сама собой, она бы и не появилась даже. Хитрость спрятанная говорила, что писатель крепко приспособлен к жизни, ловок, пробоен, умеет ладить с обстоятельствами и — в то же время — пока еще обойден славой, обделен почестями, которые, бывает, непонятным случаем сыплются и льются на литераторов равного с ним дарования, а тем более возраста. Хотя, если уж начистоту, далеко-далеко и сокрыто от всех он соглашался с той оценкой-недооценкой, которую на людях и на ближних подступках клял и отвергал.

Почты на столе с двумя телефонами, вентилятором и довоенно-помпезным письменным прибором — мрамор, бронза, хрусталь, бронзовые львы — было много. Лежало тут семь газет, журналы, письма, книги, открытки... Ему писали артисты, спортсмены, киношники, редакторы и читатели, по большей части любители кошек и голубей. Предвидя недоуменный вопрос читателя, отвечу сразу, что и кабинет писателя, вместительный и высокий, в квартире довоенной постройки был помимо стеллажей с книгами густо населен кошками и голубями, разумеется, фарфоровыми, фаянсовыми, терракотой, отчего кабинет напоминал отчасти не то посудную лавку, не то музей фарфоровой литой скульптуры. Отвлекаясь на мгновение, скажем читателю, что писатель этот просто собирал этих кошек и голубей, что писатель нимало не отличается от читателя, собирающего все, от пуговиц и марок до телег и старых автомобилей. Писательское собирательство лишь более на виду, больше о нем пишут, слышат, судачат...

Просмотрев почту и отложив в сторону письма, требующие ответа, удовлетворенно покашливая, писатель придвигал кресло, усаживался поудобнее и брался за дело. Он писал сразу три-четыре, а то и пять книг — одну о заводе, другую о знаменитых футболистах, третью об охране архитектурных памятников, четвертую о падении нравственности в среде современной молодежи, пятую о селе. Он всегда был в курсе жизни, и если начиналась по всей стране кампания и агитация за кукурузу — тотчас появлялась книга писателя о кукурузе; строилась большая химия — и в большой химии оказывался он немалый знаток; усиливали борьбу с пьянством — выходила книга, бичующая пьяниц; начинался поход во имя охраны природы и окружающей среды — писатель и тут был в числе первых. Недаром мы называли его «писателем, пишущим быстро и много», потому что положил он себе за правило еще давным-давно, в начале своей деятельности, выработать столько-то своей продукции в листах (такое встречается меж пишущими часто, и даже Хемингуэй ежедневно измерял-подсчитывал число слов)... Вся разница заключается в том, что писатели высчитывают свою ежедневную продуктивность одни в словах, другие в страницах, а третьи

и в авторских листах (двадцать четыре страницы на машинке). Появился ныне и писатель-суперскоростник: за неделю создает повесть, за две — роман. И не пишет уже — диктует на магнитофон, а потом печатают с них в четыре руки секретарши, строчат стенографистки. Есть писатели — держат на окладе подсобников, кидают подсобникам идеи, а подсобники уже увековечивают писательское имя, но последние случаи не характерны для нашей страны, все это за рубежом творится, это их нравы. Писатель, пишущий быстро и много, обходился пока без секретарши, хоть и донимала его такая мысль, но, подсчитав, сколько одной зарплаты надо ей выплачивать, не считая премиальных и сделанных, тяжело вздыхал он, морщился и принимался стучать сам, выполнять свою норму. За многие годы труда научился он бойко писать, набил руку и уже никогда не тратился на поиски единственно нужного, витающего где-то в заоблачных сферах, в безднах языкового космоса слова. Где оно, это слово, черт знает, есть ли оно еще, существует ли, а тут ломай голову, грызи ногти, бегай по кабинету, стучайся головой о книжные полки, пытай память, пока вдруг вынырнет оно — единственно нужное, — встанет на место, отряхивая перышки и чирикая, как вернувшаяся птичка. Радостно, конечно, да где взять времени-то на такие поиски? Этак и страницы в день не получится, и гораздо проще, легче, спокойнее выгащить из хаоса языка слово приблизительное, лежит оно близко, на поверхности, само лезет-просится, возьми: небо, к примеру, какое? — Голубое... Серое... Глаза у девушки какие? — Ясные... Серые... Волосы? — Светлые... Серые... Все равно уж понял: в классику поздно, а опоздал в классику — сойдет и так. Народ читает, письма идут, известность имеется... Чего же еще желать? А хотелось... Ах, как хотелось... Был недавно на вечере знаменитого поэта, живого классика, с запрятанной завистью следил за ахающим аплодисментами залом, помнил, как еще от метро спрашивали, видать, филологини будущие, журналисточки, девочки с надеждой в лице лишние билетники. И ушел, ненавидя этого поэта в байковой куртке, в каких-то задрюканых штанах, но с большим брильянтом на левой ли, на правой ли руке. Брильянт так и полыхал на весь огромный зал, вспыхивал голубыми молниями от нацеленных на поэта огней...

Писатель любил работать. Презирал он тех, никогда не водился с теми, кто более и чаще прочих болтаются в полутемном кафе, повествуют таким же друзьям за бутылкой «Пшеничной» о своих творческих планах и муках, возводят затейливые воздушные замки, обижаются на действительность и на непонятность. Он любил работать и часто говорил, что талант — это девяносто девять процентов пота... Он любил работать по часам, и по часам, в определенное время, приносила ему жена поднос с кофе, сливочник, сахар и слобные сухарики. (Этот обычай завел он после поездки в Англию и в Бельгию, а ездил он столь же обязательно, через год-два, непременно привозил что-нибудь импортное; бычьи рога из Кении — кто не знает тамошних большерогих коров — сойдут за буйволовые, сплошь раззолоченный сервиз из Египта, мачете с Кубы, сомбреро из Мексики и мало ли что еще в дополнение к вывезенным обычаям, чай, например, по-английски, только с молоком, обед по-французски со всякими пикантностями непременно, ужин по-немецки, почти вроголодь, зато вечерний моцион перед сном, опять по-английски.) Итак, отхлебнув кофе, сваренного по всем правилам и со всеми тонкостями, посверлив жену взглядом казака-запорожца, принимался он писать. Писал для детского журнала про кукушку, откладывающую яйца в чужие гнезда, для спортивного вестника статью-размышление болельщика о минувшем сезоне, для газеты «Культура и жизнь» мнение о недавно шумевшей пьесе о прокатчиках, для другой газеты очерк, бичующий частников-садоводов.

И, уже взяв разгон, брался за очередной роман, где

инженер-новатор борется с халтурщиками и с зажимщиками, с лодырями и бюрократами. Любовь покрепче заваривал. Ну, читатели, вы помните: она — юная и, конечно, красавица крановщица, он — поседлый, но в душе молодой инженер (начальник цеха)... Так далее и так далее... Жена еще есть обязательно — иначе как построишь конфликт. А еще в романе, разумеется, чугуны льются, сталь кипит, уголь коксует... Есть в романе передовик, парень смелый, румяный, только что из политехникума, другой парень, кому бы только бутылка, девка потолще, денга погуще... Кто еще? Завкомовец-рутинер да еще, пожалуй, пенсионер-работяга, который хоть и на отдыхе заслуженном, а без завода не спится ему, идет он в проходную и правду-матку всем — и директору в первую очередь — рубит.

Не писалось о заводе — переходил на другую проблему; деревня, Нечерноземье теперь. Проблема, скажем, еще современнее и писать проще, — всегда есть в деревне мудрые деды, иной мудрее Сократа, иному и Фалес Милетский завидовал бы, а нет дедов — бабки, и тоже мудрость одна их речи, а далее сами собой являются в романе колхозники разных темпераментов — бывшие кулаки, гулявые бабы, негулящие девки-красавицы, председатели передовые, сами встают затемно, часа в три, и колхозников лично на работу будят. Все есть: поля раздолбные, рокот комбайнов, слеты доярок и свинок, свадьба в конце со всеми обычаями, обрядами, народную речь научился писатель подпускать — благо Даль всегда под рукой.

А не шел сельский роман, брался писатель незамедлительно за детектив, за сценарий. Появлялся из-под пера безупречный во всех отношениях полковник, отрицательный капитан (майор), пронизательный следователь-лейтенант, непроницательный лейтенант, еще похожий на Христа-спасителя коль не по делам своим, то по увещаниям участковых, являлся раскаявшийся, потрясенный содеянным преступник (а прежде активный член «малины»), имелись, конечно, несколько нераскаявшихся: старый вор-наводчик дядя Петя, обязательно блатные девки Зинка-Шурка, действие начинается с завязки, завершение же, конечно, разоблачение зла и опять можно с веселой сибирской свадьбой.

Росла стопа исписанных листов на правом краю стола, а он продолжал писать, с удовольствием поглядывая на эту стопу. Он думал, что его рабочий день именно рабочий, что трудится он до пота, что, если б измерить продуктивность его труда, учесть все будущие издания-перездания, получится внушительная цифра, что известность его будет расти и дальше, и неизбежно когда-то наступит перелом, поднимут его на щите, и придет то, что никак не заменят известности, хоть и близко соседствует с ней, — придет...

Книг у писателя за четверть века труда вышло множество, он не вспомнил бы все, тем более переизданные. Был он в самом деле известен и читаем, особенно теми, кто любит, читает лишь толстые книги, романы, и чтобы в романах непременно была любовь, современность и благополучная концовка (свадьба). Иногда эта особенность его прозы наводила критиков на размышления, зато всегда рады были ему издатели — не было с ним хлопот, все достойно, прилично, на хорошем (пусть среднем) уровне.

Кто бы мог подумать, что его заурядная журналистская карьера так повернется, приведет его к первой книге, с которой и начался он как писатель... Было это очень давно, когда написал он в областную газету очерк-репортаж о кукурузе. После очерка один известный писатель, из тех, что перелицовывают для детей и юношества вполне добротные книги, делают инсценировки и пишут сценарии по чужим повестям, а также создают научно-популярную — они ее научно-художественной называют — литературу, — этот известный писатель заинтересовался им, молодым, и предложил написать о кукурузе роман. И он подался искусению. После книги пришла известность, появились статьи сочувствующие, приветствующие, поздравляющие, а он ощутил вдруг себя не обычным рядовым газетчиком — автором популярной книги. Вскоре получил он

писательское звание официально, был принят в Союз, стал играть в нем значительную роль и уже подумывал, не взять ли к своей не слишком звучной фамилии хороший псевдоним — что-нибудь такое соленое, крепкое, но скоро отказался: под фамилией его уже знали, под псевдонимом же снова надо было искать читательское признание. Вот тогда и стал играть в запорожца и челку-чуприну отпустил в дополнение к кожаной куртке.

После той своей первой книги, когда схлынул, поуменьрился успех, стало ясно — писать надо снова, и, не теряя времени даром, принялся он за новый роман, на сей раз о химизации...

Другой писатель, обозначим его так же, чтоб, упаси бог, не обидеть, писатель, пишущий медленно и трудно, просыпался рано, может быть, слишком рано, потому что на улицах еще не горели огни, а дворники, главная обязанность которых, кажется, не столько мести и скрести, сколько будить граждан, еще не начинали грохотать дюралевыми лопатами по асфальту, шаркать метлами, оживленно обсуждая при этом и непременно крикливыми головами первые новости. Нет, не дворники еще, но скрежет и шелканье, дарапанье и тихие, однако настойчивые удары в дверь будили писателя. Кутаясь в одеяло с головой, он бормотал: «Паршивец... Мерзавец... Мм... спать не дает... Негодяй...» Но скрежет и стук оттого становились лишь настойчивее.

— Пошел вон! — говорил писатель и садился на постели.

В ответ было мяуканье всегда в одной и той же известной ему интонации. Она переводилась: «Встань же, открой... Что ты там долго спишь...» И если писатель все-таки не открывал, то следил впотьмах за дверью, под широкой дверной щелью показывалась смутно белеющая лапка, а иногда и сразу две, тогда писатель, усмехаясь, становился на колени и заглядывал под дверь — видел там два ясно мерцающих вопросом и надеждой глаза. Это был Соавтор. Так звал его писатель.

Кот, так рано будивший его, очевидно, принадлежал происходил от древних нубийских кошек. Он был дымчатый-серый, с неясной тигровой волной по густой шерсти, золотоглазый и хищный и в то же время донельзя понятливый, овеществляющий в себе груз тысячелетнего очеловечивания и понимания этих существ, с которыми он жил. Часто писатель думал, глядя, как кот любовно и мудро взирает на него, точно излучает взглядом все то, что мог бы облечь в слово, думал — пройдут еще тысячелетия, и домашние животные заговорят, либо люди помогут им заговорить с помощью каких-нибудь преобразователей, обрашающих мысли этих существ в человеческую речь, и тогда свершится сказка, станет явью говорящая лошадь и говорящая корова, и вопрошающая свинья, и неизвестно еще, о чем в первую очередь спросят они человека, какой главный вопрос зададут... Итак, кот всегда будил писателя, и в общем-то писатель был благодарен ему, потому что Соавтор помогал преодолевать обычную человеческую лень.

Всю жизнь писатель старался совершенствовать свою волю (так и просится штатное к этому случаю слово «закалял»), всю жизнь ему хотелось жить упорядоченно, умно, не терять даром ни одной минуты, учась у книг и у мудрецов, у классиков и просто у тех, кто сегодня работает здорово. Говорят, что надо заставлять писателей учиться работать над собой, нет — не надо. Нет, наверное, на свете профессии, что так безусловно включала бы в себя вечное учение, изучение, поучение в первую очередь себя, своей души, своей совести, насыщение памяти. Составлял писатель графики и расписания своего дня, недели и месяцев, любовно расписывал круги чтения, собирался совершенствовать свое тело и здоровье с помощью бега, зарядки, йоги, травяных настоев и познания тайны японского каратэ. Висели на стенах его кабинета-спальни три лозунга-призыва к самому себе: «Внимание! Желание!

Терпение!» И постоянно твердил он давнюю прописку: «Ни дня без строчки... Ни дня без страницы...» Но всех благих устремлений едва хватало на то, чтобы встать пораньше (главным образом благодаря коту) и пораньше сесть за работу. Забывалась и не делалась зарядка, уходило в сторону каратэ (на черта оно в общем-то, если не собираешься участвовать в пьяных драках), отставлялась подалше йога со всеми ее асанами, и никак не двигалось вперед изучение языков — их намечено было знать четыре: английский — язык международный, с которым нигде не пропадешь, немецкий, потому что он писателю нравился, испанский, потому что писатель все собирался отправиться в Южную Америку, грезил ею с детства, и японский, потому что писатель любил Японию, читал о ней все, что мог найти, и, наверное, потому еще, что все в нем было устроено вопреки японскому, наоборот и не так, взять хоть его неторопливость и несобранность.

В общем, писатель работал как, наверное, работают и многие другие писатели, то есть уставая то в стол, то в стену, то в окно, находил и собирал там что-то, ему предельно нужное, и записывал это на стандартные листы плоховатой желтеющей бумаги. Он терпеть не мог писать на хорошей бумаге, испытывал при этом к лощеному гладко-белому листу что-то вроде жалости. Хорошую бумагу всегда жаль портить. Ведь никогда не знаешь, что там получится, выйдет из-под пера. На серой бумаге ему писать было легче, и еще легче, когда под окном не ревели грузовики, автобусы и проезжающие тракторы — зачем они сплошь ездят по городу, бог весть. Но автобусы, грузовики и тракторы грохотали всегда, и писатель как будто привык к ним, как привык и Соавтор, который либо мирно дремал на столе под теплом настольной лампы, либо разваливался на писательской постели или на столе же у радиатора, следя за движением авторучки или занимаясь туалетом, для чего кот нализывал, старательно двигая головой, лапу, тер ею морду и за ушами, расчесывал языком пышно-белый, с крапинами по бокам живот и, расчесав пух, иногда замирал так с вытянутой задней ногой и уверенным взглядом взглядом или со взглядом, уставленным на разложенный хвост, — все это писатель называл «размышлением о ноге» и «раздумьем о хвосте».

Как бы там ни было, писатель совместно с котом делали за утро страницы две-три, а после завтрака — завтракали они обязательно вместе — еще страницу-другую. И не то чтобы писатель не мог написать быстро, но едва набрасывал он первое предложение, а тем более размахивался на целый абзац, приходили к нему угрызения и сомнения, вот как хотя бы и в этом случае. Можно ли немецкое слово «абзац» совать без раздумья в поэму, и получилось — не можно, а лучше бы: кусок, отрывок, часть страницы — и все не те слова, все отбросил бы суровый внутренний критик, живущий в том писателе...

Итак, написав предложение или целую страницу, писатель начинал мучиться. Не нравились ему ни текст, ни ритмика, ни смысл, ни образ, ничего не видел за пустыми, как застроганные деревянные, как безликие цепочки, словами. Казались они ему строчками, какие клеят на телеграфные бланки, а нет пустее и холоднее строк телеграммы, пускай там написаны самые яркие слова. Искал и перебирал писатель слова нужные, отбрасывал непригодные, так и сяк вертел слово, пробовал его и на звук, и на отзвук, на вкус и на вес, подбрасывал и ловил, оглаживал и щупал, стучал по слову совершенно так, как продавщица, продающая хрустальные вазы и фарфоровые чашки, — нет ли трещины, как древний меняла на древнем базаре, пробовал слово, точно монету на зуб, вертел так и сяк перед искушенным глазом и бросал на пробный камень — слушал, так ли звенит, полновесное ли золото, чистое ли серебро и нет ли подделки, фальшивой позолоты, и наконец находилось такое слово, магнитно-плотно ложилось в строку, сливалось с другими в неразрушимое нечто, веяло от этого нечто еще чем-то, помимо ясного смысла и, вздохнув радостно, — вот она писательская радость, — двигался он дальше, переписывал, вымарывал, заносил в скоб-

ки, на лету хватал, как бабочку, мелькнувшую мысль, и расцветала понемногу страница, точно майская-июньская луговина, показывалась сперва простой зеленой травкой: овсяницей, осокой, мятликом, тимофеевкой, а там ярче — цветком желтым, розовым и синим, едва веселым лютиком, наградным луговым васильком, простонародным журавельником, порастала в тенистых местах тихими белыми цветочками, у которых главное — невысказанный их аромат, вспыхивала иногда и совсем неведомым, нигде не растущим цветком — фантазией, и кипридины башмачки появлялись — будто прошла здесь волшебная та богиня, оставила женственный запах и след. Радовался писатель: богатый укос будет на этой его луговине, есть ведь тут и целебная и врачующая трава, и дающая духовное здоровье, и трава от обмана, от лжи, от злословия, от зависти и от ненависти, и приворотная трава, трава любви и трава согласия, и трава раздумия — много трав посеял он на своей луговине и давно понял: не он хозяин, но другой хозяин — тот, для кого засеяно и процвело, и хозяин тот либо по-хозяйски распорядится посеянными, возьмет себе на пользу, либо потопчет, помнет и пойдет себе мимо в в тяжелых сапогах...

Хорошо, если сеялось и всходило, но не всегда было так, часто колодило и не шло, точно показывалась какая-то бесплодная почва, камень и солончак, и тогда хоть стучайся в самом деле лбом об пол, хоть бегай по кабинету, хоть бранись, хоть молчи в оцепенении, ничего не сделаешь: жалкие, вымученные строчки еле ползут из-под пера, противны они, как гусеницы, и зачеркиваешь их, давишь пером, а они снова рождаются, снова ползут. Гадко. И никто не знал, и никто не знает, каково писателю, когда обрушится, нахлынет такое, усомнишься тогда и в нужности своей, и в хлебе своем, горько подумаешь — так ли живешь, учитель, так ли, не дармоед ли в самом деле, не лодырь ли, даром бременящий и отбирающий чей-то потом заработанный хлеб, и тотчас помнится: пахарь вот, тот, кто на промазученной ладони растирает на осеннем ветру оседельный и спелый колос, колос усатый и оперенный стрелой, не счастливее ли этот пахарь тебя, писатель не нужнее ли миру? И тот не нужнее ли, ныне прославленный и награжденный, кто стоит у гудящей печи, и тот, кто орудует скальпелем и иглой, весь в градовом поту, и тот, кто кроит материю, раскладывает ее по формам и лекалам, и тот даже, вовсе как будто не видный миру, кто в прокуренной, где-нибудь позадь скотных сараев, избе-конторе кидает косточки на грязных счетах под желтым, засиженным мухами плакатом с призывом повысить удой. Не нужней ли миру?

И встав на колени перед совестью своей, отдав себя ей на терзание, со слезами невидимыми спросишь: зачем есмь? Так ли живешь и можешь? И заколеблешься перед ответом, потому что страшно напрямик отвечать утвердительно своей совести, ей не солжешь, не слакчишь, не убежишь, не жди от нее ни пощады, ни помилования... Часто маялся так писатель, пишущий медленно и трудно, всяк другой мается, верно, если не затухил огонь вопрошения и упрека в себе, не затоптал его, не заплывал...

А понимал раздумья писателя, все сомнения и метания разве что кот, — неведомым особенным чутьем, — так угадывают лишь животные да провидцы всякую смуту в человеческом сердце.

В третьем часу писатель откладывал перо и, не трогая ничего на столе, может быть, суеверно, чтоб не спугивать осевшие тут мысли, шел к обеду, а там отправлялся в город. Без прогулки по улицам и переулкам, без стояния у прилавков и разглядывания привезшихся, равнодушных, одинаково раскрашенных продавщиц, без взглядывания во всех встречных и поперечных, без размышления над

вдруг открывающимися ликами домов, перекрестков, крыш, облаков над крышами, состояний неба и погоды, без бесмысленного и томительного ожидания чего-то и кого-то на остановках трамваев и возле мест свиданий, без поверхностного вроде бы изучения взглядов, походок, ног, одежды, отрывочных разговоров,— а иногда писатель просто садился в трамвай, в автобус, ехал куда-то без отчета, но словно бы с нужной целью, и выходил как подтолкнутый — без всей этой странной, а со стороны глядеть — и подавно чудной жизни-движения, в ходе которой только и созревало в писателе что-то нужное ему, оформлялось и заготавливалось еще не занесенное не только на бумагу или в записную книжку, но и неосмысленное еще до сути. Писатель и сам не смог бы объяснить, что творится в нем, знал только точно — творится.

А не все ли писатели такого толка изучают какие-то антигела, заставляют оборачиваться прохожих и милицию? Нет ли у них во взгляде и облике чего-то такого, что делало бы их похожими на людей странных? В самом деле, нет ли в этом взгляде чего-то проникающего туда, куда обычно не может проникнуть другой? Как жадная, изголодавшаяся по цветам пчела, собирал он лица, выражения их, прически и платья, походки, цвет глаз, глубинность или пустоту взглядов, всплески характеров и потаенные движения душ. Зачем? Вы думаете для книги? Нет. Пустое... Просто все впрок, в запасники, в тайники, в бесконечные кладовые своей памяти. Как некий до предела жадный скупец, хватал он и складывал туда и всякую шпильку и ржавый гвоздь, а то и целиком какого-нибудь типичного представителя человечества — вот, скажем, этого, крашеного гидрופиритом, нечесаного парнюгу в лосненной куртке, в полосатых — чем не клоунских — мотающих концами штанищах, из-под которых тюленьями высываются головы резиновые, как видно, подвернутые сапоги, прибыл он в город с недалекой какой-нибудь станции, ясно по негородскому загару, по наивно деревенскому и нагловатому взгляду, по дикому цвету волос и самой походке, старательно расхлябанной, вихляющей, явно в подражание каким-то блатным ребятам, а про голос лучше не спрашивайте, — говорят такие представители человечества неразборчиво, с матюгами через слово, и рассказывают примерно одну печальную историю, как: батя, вчерась, утром опять взял бутылку, ну, потом братан пришел, еще взяли... — и так далее, так далее...

Зачем такой тип писателю? А зачем-то нужен, как нужна и вот эта пожилая женщина с корзинкой. Добрая клуша-наседка, высидела-вырастила ты троих-четверых и сейчас вот возишься с внуками, ходишь на базар, стоишь в очередях, живешь в пенсионном безвременье, в мыслях о детях, о внуках, о их школе, уроках, двойках, а также об обедах, магазинах и стиральном порошке «Лотос».

А не угодно ли еще образец: идет себе тротуаром благообразный обыкновеннейший человек, ни с какой стороны не выделяется — пальто, как положено по сезону, с приличным каракулем, шапка тоже каракулевая, черная, пирожком, ботинки с молниями, не новые, но и не заношенные, лицо под шапкой среднее, не молодое и не старое, ни бородавочки тебе, ни родинки какой, ни носа какого-нибудь замечательного, длинного или широкого, пьяного или аскетского, тем паче орлиного, римского, ни узких губ, ни оттопыренных, ни плотских, как написали бы Ильф с Петровым — поцелуйных, ни седины лишней, ни взгляда какого-нибудь особенного, злобного ли, умного, хитрого, опечаленного — нет ничего, не за что зацепиться, а все-таки привлекает человек, мужчина это с портфелем,двигающийся не быстрый, однако и не медленной походкой. Кто он? Бухгалтер старший или главный, лектор ли международник, активный член общества «Знание», кандидат ли каких-нибудь юридических, экономических наук? — привычно гадают писатель, как следователь по особо важным делам, ищет тончайшую черточку, паутинную нить, по которой можно бы найти профессию, за ней — должность, за должностью — характер, за характером — образ жизни, за образом жизни — склад мышления, а там уж и всю

родословную, и состояние здоровья, и развлечения и увлечения, тайные и явные... Вот, кажется, портфель у мужчины чуточку-чуть поизящнее будет, чем должен быть у глаббуха, в лице побольше сосредоточенности угадывается, чем у международника, да, пожалуй, в точку и будет: преподаватель он. Ну-ка, юридических или экономических? Скорее, экономических, да, экономических... У юриста лицо было бы поживее, взгляд не такой... А мужчина меж тем поворачивает за угол скучного высокого здания, справа от дверей которого чернеет большая вывеска: Институт народного хозяйства. Экономический факультет...

Писатель иногда со страхом ловил себя на чем-то оккультном, провидческом, словно бы умел или, лучше сказать, ощущал в себе способность читать мысли, предсказывать будущее и, даже не видя человека в лицо, по одной только спине, шее, движению, походке мог с точностью сказать, красив ли этот человек или дурен, умен или глуп, какое у него образование, какой характер, возраст, общественное положение и даже, может быть, какая ждет его доля.

Вот чему можно обучиться, ежедневно вглядываясь и всматриваясь в людей, вот к чему приводит постоянное размышление над сутью человеческой. Это был сложный, тяжелый человек, с виду хитрый и суровый одновременно, но не был он хитрым, скорее, очень был прост, лишь накрепко закрыта для посторонних была его душа, и даже в дружбе почти никогда не открывалась, не впускала никого до конца, держала на отдалении — таков удел всех писателей быть одинокими и не находить себе подобных, а суть проста: если б множество было подобных ему, то и сама его единичность исчезла бы, исключилась и обратилась во множественность...

Иногда он завершал свою прогулку тем, что шел к старинному, отделанному резным мрамором особняку на кольцевой улице. Тут помещались сразу три творческих Союза: писателей, композиторов и художников, а нижний полуэтаж занимала еще и поликлиника для этих же деятелей искусств... Он поднимался на широченное мраморное крыльцо, на котором всегда спали рыжие и белые собаки, шел мимо скучающих вахтеров и поднимался на второй этаж, где помещалась писательская организация. Здесь, в нескольких комнатах, всегда почти было сиренево накурено, всегда почти кто-то сидел в креслах или расхаживал, дымя, или держал кого-нибудь за пуговицу, спорил по пустякам... Зачем шел сюда писатель? Он бы и сам не ответил... Просто ноги приводили, может быть, вопреки желанию, ибо опять приходится повторяться: нет профессии более одинокой, чем писатель, нет большего углубления в себя, в свою душу, чем у писателя, и нет большего непонимания со стороны окружающих, чем писателя. То представляют его, писателя, сластолюбцем, любимцем богов, без конца срывающим цветы удовольствия, мнят: купается в почестях, в деньгах, наслаждениях, в ресторанных радостях и курортных отдыхах, видят многоженцем, подобно царю Соломону, имевшему, как известно, «триста жен, семсот наложниц и девиц без числа», то считают денежным мешком, прикинув предварительно писательские доходы путем простого умножения цены книги на ее тираж, и все удивляются: как это, при таких доходах, не строит писатель ни школ, ни больниц, не проводит шоссе и железных дорог, как бывало в старину, то, наконец, и с радостью, видят в нем прощелыгу, пропойцу и попрошайку (есть, к несчастью, такие в писательском цехе, всю жизнь толкуются возле литературы, создав когда-то однуединственную книжку, и ту с помощью друзей-доброхотов, а славны разве что долгими анекдотами-похождениями и способностью тотчас прилетать туда, где пахнет грустной ли, веселой ли выпивкой...). И уж все без исключения считают писателя соблазнителем, и все рассказывают, все рассказывают...

Ведать не ведают, что творят суд несправедный, что отсутствует на суде сем и сам обвиняемый, не дано ему слова, нет адвокатов, а судьи с присяжными послушно вторят обвинителю. Нет-с... Ни жирных зарплат, ни мил-

лионов-гонимых не получает подлинный писатель, живет чаще скучно или на среднем уровне, редко встречает сочувствие и не всегда видит понимание, ибо нужен, наверное, обществу как совесть, как раскаяние, как вопрос и, может быть, как надежда...

Писатель, пишущий медленно и трудно, никогда не искал ни тем, ни сюжетов. И ему приходили письма, но редко он откликался, хотя всегда был рад письму, благодарен в душе, видел и представлял лицо этого пишущего, доброе, славное, душевное — женщина ли, девушка или старики, мужчина зрелых лет, хоть мужчины зрелых лет реже пишут, — и всегда собирался он непременно ответить... Своей главной книги он еще не начал, все откладывал, отдалял ее приход, может быть, уверенно знал, что за главной книгой нет уже ничего высшего, там ждет перевал, спуск, исход, а ему хотелось идти выше, как альпинисту. Он не писал статей в защиту живого, просто любил живое, и всякий раз, едва сталкивался в газетах с бодрями, радостными репортажами о перевыполнении рубки, добычи, уловов, о застреленных хищниках, пущенных на мясо сайгаках, ему было трудно.

Однажды в скитаниях своих ежедневных, — чуть не сказал бесцельных, — занесло писателя далеко за окраину города, туда, где нет почти жилья, лишь какие-то обреченные бараки да сплошь заборы заводов, складов, экспедиций, каких-то еще, неведомых большинству живущих, однако, как видно, нужных организаций, и среди прочих заборов, наткнулся на длинный, густо и спиртно пахнущий навозом скотный двор мясного комбината, где ревмя ревели, кричали, голосили, рыдали по-своему, не поенные, не кормленные те, кто ждал своего последнего часа, и, как знать, может, вполне ясно и жутко понимая эту свою обреченность... И еще — видел он однажды, на дороге туда, на простом грузовике, прямо в кузове, везли четверку лошадей. И как важно, в каком печальном спокойствии, прислонясь друг к другу, спугав гривы, стояли они, вороные и гнедые, опустив глаза с совсем женскими ресницами, углубившись в свою лошадиную думу...

Так проходили дни и годы... может быть, и целые столетия... Так...

О, писатель, писатель... Больше, что ли, всех тебе надо? Больше горя в душу и слез, если больно тебе за каждого пьяницу, за всякого потерявшего себя, за каждую обиду, за чью-то ложь, за чью-то глумление и чью-то муку? Что тебе не спится ночами и ты торчишь у окна, когда во всем городе и будто по всей Земле глухо, серо и выморочно и в самом небе тот же, не оставляющий надежд цвет и свет.

Больно тебе, если ливня льет с весны до зимы и если с весны нет дождей и все засохло... А кому-то лишь: Ах! Хорошая погода! Больно тебе — писатель, а может, не одному тебе? Вот — и гадай...

В иные дни писатель оставлял вдруг все дела, ранним утром уезжал в лес, во всякую погоду, в любое время года. Может быть, хотелось ему в лес всегда, и всегда он смотрел в него, как волк, а добравшись, бродил по опушкам со сладостью изголодавшегося, заходил в поля, любил бывать на пустошах и на болотах — слава богу, есть они еще на Руси, не все распаханы и не все осушены, устроены под угоды вездесущими мелиораторами, которые ни о чем не думают, кроме плана, ни о прошлом Земли, ни о будущем, ни как будто даже о настоящем, будет ли урожай, нет ли, годная та осушенная земля или быть ей вскоре в забросе за непригодностью — все равно руби, корчуй, снимай кустарник, копай канавы, осушай болото — и опять соображай лишь о плане, о собственной сводке, о рапорте с перевыполнением, а там — не наша печаль... Это кто-то другой, не мы, должен думать: не убавилось ли дождей,

не понизился ли уровень вод в озерах, не мелеют ли реки, не встают ли черные бури, не ползут ли овраги, не грязнеет ли в целом вода-суша и то, без чего и пяти минут не живет человечество...

Писатель любил бывать на пустошах и болотах, сидел и по берегам ручьев, вообще у всякой чистой ли, бегущей ли воды, забирался на откосы, на скалы, в топи и в глушь-глухомань — все было нужно ему, всякая трава, цветы и елочки, свет берез и золото жуков в шиповниках, пни и муравейники и цветной полосатый бархат шмелей, — мало ли что еще собирал он, как алхимик. Укладывал в свою память и цвет валунов, и форму листьев, и окраску бабочек, и голоса птиц, оттенки неба, музыку облаков, голос ветра, поля и воды... Все это надо было для того, чтобы в душе писателя вызрело нечто вечное, как весна, как то мгновение, которого искали все искатели, и только ему дано было остановить мгновение, отдать его во всей красоте, и для того уподоблялся он пчеле, собирающей пыльцу, нектар и горечь этого мира, чтоб сотворить из этой пыльцы, нектара и горечи мед искусства...

Вечером, поздно, усталый не столько как человек, исходивший многие версты, но вымотанный до изнурения и опустошенности иной, высшей радостью и болью, писатель пил чай под добрым взглядом жены, глядел на нее глазами мучника и грешника и уже не пытался сесть за стол, так уставал... Но и во сне не всегда приходил к нему отдых, тот счастливый отдых-сон, каким спит ничего не ведающий о мирских бедах человек. Во сне умножались беды, и писатель пробуждался от кошмара, вскакивал, подходил к окну и долго не успокаивался, смотрел в ночное небо, в неподвижные узкие тучи на предвещающем зарю севере, и север успокаивал его, он ложился и засыпал снова, и видел Землю такую, какая представлялась ему не раз — спокойную, мирную и утреннюю. Он летел над ней в бесшумном инерционном космолете и то уходил далеко, так что Земля начинала уже круглиться, обрашаться в гигантский, непомерно гигантский глобус с зелено-синими пустынями океанов, с рельефными пятнами материков, брошенных в этот океан, и тоненьким слоем атмосферы. Шли над материками и океанами белые пласты облаков, на бледном, призрачно-голубом, завихрялись течения, мчались тайфуны, вставали по краям медленно и как будто с трудом двигающегося шара широкие радуги, вставало солнце, и отсюда казалась особенно хороша и жива Земля — странное и прекрасное тело в безжизненных даях космоса, и хотелось к ней, скорей под ее голубое спокойное небо, скорей, прочь из черной бездны без края и конца...

Космолет послушно снижался, и вот он уже на Земле, над нею летит, над самой ее поверхностью, макушки леса, дороги, селенья, города — точно так, как не раз видел писатель, когда земля неслась под крылом, и все-таки это была иная, не совсем похожая, умытая. Солнечно-свежий воздух лился в открывшиеся иллюминаторы кабины, космолет, точно планер, теперь плыл медленно, и писатель вглядывался, искал что-то и не находил. Не чадили и не показывались нигде трубы, не виднелось нигде черного и прокопченного нагромождения заводов, на дорогах-автострадах с бегущими машинами не синел газовый выхлоп. И космолетчик в соседнем кресле, полуприкрыв глаза, улыбался. Он лишь выполнял желание писателя, машину же вел автомат, надежнее всякого пилота он обеспечивал все режимы управления. Летчик был гидом по старым земным нормам.

— Где вы берете энергию? — спрашивал писатель, силится понять лицо летчика, донельзя похожее на кого-то, не столь жесткое, как лица летчиков, которых он знал.

— Солнце! — ответил гид удивленно и смолк как че-

ловек, не предполагавший столь элементарного вопроса... — Еще в начале третьего тысячелетия мы стали отказываться от всех видов органического и ядерного топлива. Ни один из этих видов энергии не устраивал человечество, как слишком загрязняющий среду. То, что Земля копилка миллионы лет, мы, а точнее вы, обращали в дым и газ в течение десятилетий. Приходится удивляться теперь, как люди выжили и почему так долго не понимали, что основной источник энергии у них над головой. Сейчас все наши дома имеют энергоблоки, энергокрышами покрыты все заводы, энергостанции стоят по всей планете, особенно используется Антарктида, Арктика, Гренландия, горы, острова, искусственные платформы в океанах...

— Где же ваши заводы? Или это тайна?

Летчик внимательно смотрел на писателя:

— У нас нет никаких тайн. Мы не производим оружия, границы у нас открыты, у нас общая всемирная система хозяйства. Заводы же — их очень много — строятся только под землей — имеется в виду машинное производство, а не управление. То, что на поверхности и что пока не перемещено под землю, облагорожено, перестроено так, чтобы не создавалось унылого ландшафта. Множество заводов покрыто лесом или над ними поля... Для малой энергетики мы используем также ветры, морские течения, приливы, реки, даже леса, разумеется, не уничтожая их.

— Вы не рубите лес? Я заметил, что лесов у вас намного больше...

— Рубите? Это старое слово. Мы используем дерево от вершины до корня по строго высчитанному машинными объемам в соответствии с сбалансированным населением планеты. Мы любим и ценим лес, и мы восстановили его там, где его уничтожили прошлые поколения. Лес дает нам сырье, пищевые продукты, очищает атмосферу и воду. Мы стараемся жить вместе с природой, а не против нее.

— А животные? Едите ли вы мясо? Или сплошь вегетарианцы?

— Да. Мясо у нас едят многие... Но мы получаем большую часть животноводческой продукции искусственно, выращиваем промышленным способом живую клетчатку. Это самое высококалорийное и вкусное мясо. В то же время нет необходимости убивать животных без особой нужды. Молочные продукты нам по-прежнему дает скот. Опыты же по выращиванию клеток живого вещества были начаты еще древними, простите, еще вами...

— Как вы поступили с хищниками?

— Понятие это меня удивляет: что это? «Хищник» в нашем словаре древнейшее устарелое слово, равнозначное слову не менее древнему — враг. Но в природе нет врагов. Лев, леопард, тигр и некоторые другие животные, которых вы истребили или не сумели сохранить, очень нужны нам сегодня, и ученые не теряют надежды воссоздать их.

— Значит, животные охраняются?

— Как вы сказали?

— Я сказал — охраняются...

— Это значит... А... теперь, кажется, я вас понял...

Это связано с оружием и врагом? Но у вас нет оружия нападения. С животными мы общаемся, изучив их знаково-языковые системы. Животные во многом понимают нас. Это очень своеобразные существа, их образ мыслей паразителен, и многому мы от них научились. Кроме индивидуального видового языка у животных есть еще несложный единый чувственный язык — язык эмоций. Мы также владем им. Он изучается в школах общего знания... Кроме того, всякий, идущий в природу, имеет средство индивидуальной защиты и потому избавлен от нападения, как вы это сказали... А, хищников...

— Ваши города перенаселены?

— Мы рассредоточили население. Точнее, этот процесс начался еще в ваше время. И сейчас почти две трети населения живет в коттеджах с участком земли. Обработка земли и участие в производстве продуктов — у нас общий закон. Мы все одновременно, кроме наших основных и разнообразных профессий, как это у вас называлось, —

крестьяне. Мы любим землю и любим работать на ней, и, поверьте, несмотря на наличие электромашин, многие из нас так же, как тысячи лет назад, любят копать землю вилопатою. А... Это новое, несколько усовершенствованное орудие для ручного труда на земле. Оно похоже на гофрированную лопату из прочного титано-алюминиевого сплава с прорезями, как у вил. Работать ею очень легко. А вообще ваше человечество мало думало над усовершенствованием простых ручных орудий труда... Мы любим ручные орудия, ручной труд всегда необходим. Он — здоровье...

— Может быть, вы святые? — иронически усмехнулся писатель, вглядываясь в тянущиеся аккуратные поселки, ухоженные поля, табуны и стада на разделенных лесными полосами полянах.

— Я не знаю точного смысла этого слова, но догадываюсь, — ответил гид. — Нет. Вы напрасно смеетесь. Мы — тоже люди, такие же люди, как и вы. И проблем у нас множество: старение, болезни, несовместимость характеров, трагедии любви, производственные конфликты. Наше общество не гарантирует избавление от всех страданий. Но облегчить страдания, помочь, дать человеку силу, достоинство, знание, надежду мы можем, и в этом наш путь...

— Не значит ли, что все люди ваши, как спичечные коробки с одинаковой наклейкой? — спросил писатель, все еще ощущая какое-то недоверие.

— Спичечные коробки? — засмеялся гид. — Я видел в музее. Нет. Я понял вас... Мы недавно миновали этапы стандартизации. Это прошлое, и все глубже уходим мы к индивидуальности личности, к развитию каждого особа. Личность неповторима, и самое ценное в ней — ее неповторимость, ее отличие и особенность. Взгляните — даже все дома у нас разные. Жизнь отвергла понятие массовая мода, а мы отбросили массовый стандарт везде, где он необходим, даже в обучении мы стараемся выявить склонности человека еще в самом раннем возрасте, а затем учим его применительно к его способностям. Мы учим мыслить нестандартно...

И писатель просыпался. Сов ли это был или просто грезы, раздумья или поиск, видения будущего или сомнения настоящего — он не знал. Знал только, что искать надо, что жизнь не может быть безошибочной, что людям нужно доброе слово, и так же, как он, они ждут и ищут его...

Х. Исход

Уже пошла зима под уклон, покатались ее ледяные сани обратно к полюсу, это чувствовалось даже тут, за Полярным кругом. Еще нетронуто лежало снега, упруго задувала ветры, еще тучи от земли до неба заносила все

ревучей пургой, когда тысячи белых-белых ведем несутся в снеговых вихрях с плаксивым воем, в вечном мраке этой, казалась бы, нескончаемой ночи,— но уже проснулось Солнце, явилось по горизонту улыбчивый внешний свет, исчезла зимняя вдвойню строгость Луны.

Робко будило Солнце Землю, может, так влюбленный тихо, ласково гладит невесту. И ногами теперь разноцветно синело небо, набирало краски: фиолетовым, синим и литого стекла зеленым — отливало и отсвечивало в краях его купол, а зенит был прозрачен, прососан нездешней, неизреченной голубизной, копился там радостный свет, вещал весну, тепло, счастье, и все державнее, шире расстилался по-над тайгой и тундрой мягкими упругими пластами ветервешняк, нес с великой океанной реки, от солнечного пояса Земли влагу, дожди и тепло, и пахло в том ветре пальмами, теплыми волнами и цветными рыбами. Вставал над тайгой и тундрой, над всей ее суровой протяженностью, где жизнь борется и бьется за существование с ничего не щадящим морозом и тьмой, запах оттепелых веток, пригретых вершин, влажных кочей и первых луж — протяжали не здесь еще, а где-то ниже, южнее, на разъезженных дорогах.

Все это еще едва наносило в заваленные снегами леса, но уже не стало спокойствия в жизни кота. Добавилась лишняя забота и томление. Весной все кошки переживают второй гон, восходящая солнечная сила заставляет их бродить целые ночи, кричать, звать, аукать и терпеливо прислушиваться к отзыву самки и храбро сражаться за нее, продолжательницу рода и жизни. Самки ведь тоже терпят, ждут и мучаются своим ожиданием...

Впрочем, зачем мы говорим как бы осудительно о котах и кошках? К весне, повинувшись той же солнечной силе, не вся ли Земля тоже пробуждается, вздыхает и вздрагивает — ждет потоков солнечного семени для зарождения всякой жизни в лесах и водах, в выпышках травы и в таинстве соития цветков, и в радости всего того, что создано для продолжения волн жизни, что катятся и катятся по ней с тех пор, как пришло им время зародиться мелкой рябью, возникнуть из неорганизованного живого, по тягостной ошибке и сейчас еще именуемого мертвым. Нет мертвого в природе — есть вечно живущее и обреченное к продолжению, и лишь на время неосуществимое для него, на те мгновения, когда рассыпается и меняет оно облик свой в том, что печально именуется тлением, но и в тлении живет, продолжает жизнь для того, чтобы сменить облик свой и улучшить себя в бесконечном обновлении жизни. Все, все возрождается к жизни под солнцем в лучшем и совершеннейшем облике своем.

Поет в снежном еще лесу белобокий бодрый зяблик, жаворонок летит хрустальную трель над талым, принимающим солнечную силу полем, выходит к солнцу из норы, почуяв срок, барсук, и даже крот, вечный житель земляного мрака, на краткие мгновения выбирается обогреться, обсушить бархатную шубу, глотнуть солнца и зарядиться им для продолжения жизни там, где нет солнца, но есть лишь его последствия — слой благодатной почвы.

Все рядится в лучшую одежду свою: земля в зелень, поле во всходы, береза в мелкий пасхальный лист и небо в самые нежные тона — так женщина весной, гадая, не пора ли надеть все легкое и новое, долго стоит втихомолку перед зеркалом, обнажаясь, разглядывая себя с грустью ли, с радостью ли, — но всегда с надеждой... Яростный наряд чернобородого древнего петуха-глухаря, голубой бронзовой патиной мерцает каждое перо крыла, а хвост покрыт узорчатой изморозью, как воспоминание о зиме, красные печати весны несет на груди певучий реполов-коноплянка, а бабочкам, жукам и селезням-самцам как будто второпях раздала природа все свои радуги — никто не может перецеголять ее. Склонитесь художники перед первой талой лужей, взгляните в рассветы и в закаты над крышами, во все, что цветет над Землей и отражается в ней ясножелтым, сиреневым, голубым, оранжевым, фиолетовым, фосфорно-светящимся и воздушно-лунным, — где вам, художники, — бедны ваши краски!

К весне все возвращается... Летит скворец, не зная расстояний, к шелестящему старому скворечнику, за тридевять земель, и ночью является к своим кустам в овраге соловей, летит журавли редяющей год от году стаей, бежит коростель, машет чибис, ищет прежнее нерестилище щука. И меж людьми тоже бывает: бросает все, возвращается с плачем к верно ждущей его жене загулявший мужик, и уходят от жен тоже чаще всего весной...

Не было рысей в северном постылом лесу. Ни одной кошки не отозвалось коту кротким добрым вскриком, и, промаявшись так до первого тепла, исходив словно всю тундру, кот опять двинулся туда, назад, в свой лес, где ждала, — мнилось ему, — та пятнистая кошка с узким следом и яркой шкурой. Снова шел он ногами и днями, охотился мимоходом, выбрал самый прямой и короткий путь. Дорога назад и в самом деле была короче и даже вырубку-пустыню кот одолел за пару ночей, отлеживаясь днями в кучах навороченного как попало, обтаявшего уже сушняка. Опять запахло в лесу человеком, опять услышались голоса, опять пугал гул и грохот машин, гром падающих деревьев, запах дыма и мазута.

Однажды утром кот вышел на длинную просеку, бесконечно прямую и узкую. В дали ее он увидел скудно колошащиеся черные фигуры, машину с вышкой, люди тянули, укладывали что-то блестящее на ровные черные обрубки. Мерзко пахло оттуда какой-то едучей дрянью. Дергая хвостом, встряхивая ушами, кот бросился прочь, подальше от опасной просеки, от голосов и звуков. Он отошел далеко в сторону и снова повернул прямо на юг в направлении на свой лес, к своей кошке, повинувшись безошибочному компасу инстинкта.

К своей кошке... Шкура ее, давно уже выскобленная, выделанная и продубленная по-новому лучшими мастерами, красовалась в витрине фирмы Аверелли с этикеткой: «Русская рысь... Ковер. Экстра» — вместе с другими шкурами и мехами, которым в конце концов дано было стать шапочкой на чьих-то силовых кудрях, накидкой на чей-то худобе либо раскормленности, роскошным манто...

Ничего этого не знал кот, как не знал и лесной муравей, вылезший по зову солнца строить и надстраивать свое земляное и хвойное жильё. Не знал, что над ним есть другой мир с иными муравейниками, с цветными телевизорами, с войнами и дьявольскими бомбами и теми, кто создал бомбы, но точно так же не подозревал, что может быть и третий, и девяносто третий и бесконечно третий мир над ними, осмысление которого будет ли еще и когда — неведомо...

А люди, которые стояли сейчас подле обтаявшего муравейника на опушке и подставляли руки шевелящимся коричневой живой кашей, постреливающим кислотой муравьям, сначала осматривали свои руки, потом обнюхивали, а потом пробовали на вкус.

— Кисло, — говорил один, тот, что был повыше, парень в дубленом и залоснившемся у карманов черном полушубке ведомственной дорожной охраны с коротеньким автоматом, неуставно перекинутом через плечо. Его напарник, судя по круглому лицу со сросшимися на переносье бровями, — узбек, тоже в полушубке, держал автомат в руке и, не отвечая, вглядывался в лесную чашу.

— Кто там? Чего?

— Тс... Идет...

— Кто?!

— Идет... Сымагры... Звер? Видишь?

— Какой зверь?

— Е-е... Ай... Нэ вижю... Вот она... Апят... Вон... Звер... Сама в зону зашла... Стрелят?

Вместо ответа старший вскинул автомат к плечу и крикнул: «Стоять!»

Серо-рыжее безответно мелькало в подлеске.

По-сорочьи крикнула автоматная очередь.

Оба вприскочку бросились туда, где мелькнуло рыжее, но попали в надув — серый рыхлый снег не давал бежать. Пока выбирались, обегали его, нашли лишь нечеткие круглые следы, пятна крови на льдистом крошечке и клочки шерсти. Идти по следу было нельзя — не оставши пост. И, переругиваясь уже, побрели обратно. Были рассержены: младший за то, что увидел первым, а не выстрелил, старший за то, что истратил треть рожка и теперь, наверное, придется отвечать...

— Ц... ушла... Ушла... звер. А там... Ай... парарадет... Шкура парарадет... Ц...

Караульный начальник явился быстро. Он был с припухшим сонным лицом. Глаза слезились от весеннего солнца.

— Звер там была, товарищ начальник, — оправдывался узбек. — Мы думал — нэ звер... Нарушитель... Кричали: «Сытой... Сытой...» Она бижала...

— А кто стрелял?

— Я, товарищ начальник...

— За самовольную пальбу надо бы вам по три наряда вкатить, — ворчал начальник, следуя в указанном часовыми направлении, но далеко не пошел, удостоверившись в попадании по цели, вернулся, разрешил закурить и сам, выкурив сигарету, строго глянув напоследок на подчиненных, ушел восвояси...

Теперь кот получил тяжелую рану. Шесть пуль пробили его живот и лишь невероятная живучесть, выносливость рыси позволяла ему еще уходить, держаться на ногах. Он пересек лес, оказался в глухом и безлюдном месте и все шел, хотя уже наступала ночь. К темноте он добрался до высокого леса и стал ложиться, в пушистом брюме, сочившемся и набрякшем кровью, бушевал пожар, и снег на лежках не охлаждал сквозные раны, они текли и текли, хоть уж не так сильно, как в начале...

Кот забился в чащу, лизал раны, глотал снег, не замечая, что глотает и свою кровь, потом он затих и как будто заснул. С первым проблеском зари он снова приподнялся, но идти уже не смог, и тогда он пополз, оставляя темнеющий тяжелый след, изредка ему удавалось привстать, но лапы плохо слушались его, он шел, качаясь, урча, падал и снова полз все еще в ту сторону, куда направляло его Солнце. Но теперь кот не выбирал пути, не обходил неудобных мест, он двигался по прямой и остановился лишь на неширокой лесной прогалине, склоне. Лес кончался здесь, и на сотню верст открывалось лесное болото, страна кочек, мхов, клюквы, чахлах березок и осин, растущих плотной непроходимой чащей.

По инстинкту или по разуму, пытаясь обогнуть эту залитую подснежной водой равнину, кот повернул влево, приподнялся, упал, пополз, трудно двигая передними лапами. Широкий ствол — старая лиственница, рухнувшая головой в болото, — преграждала ему путь. Может быть, эта лиственница с давно отсохшей корой, но с еще воздетыми из болота к небу необломанными сучьями напомнила ему ту, его лиственницу, на которой любил он лежать в дальнем еще и родном ему лесу, может быть, уже исчезнувшем навсегда.

Глядя на нее уже большим, гаслым взглядом, кот нашел силы привстать, подтянулся, подполз и наконец с тихим хрипом добрался до ствола, вцепившись когтями, в последнем усилии поднял, перевалил на ствол непослушное тело. Лиственница лежала макушкой к востоку, как раз так, как было необходимо умирающему зверю. Все звери по неизвестному никем закону ложатся умирать головой на восход. Но кот еще не погиб, он лежал пластом на сером, голубом от неба стволе, и неподвижный, хотя и живой еще взгляд его с остывающим безучастием глядел в лесное болото.

Дул теплый, большой и приливный ветер, задирали на загривке кота шерсть и в болоте гнул березки, что повыше, шуршал сухими травинами, навевал багульником.

Зяц мелькал, пробирался там между кочек, распутывал пахучие зайчихины следки. Возился и ползал, перелетая, маленький пестрый дятлик. Лес жил, готовился к весне и водополю. Уже мчались над ним быстрые пролетные голоса.

И вслушиваясь в них, почти ничего не видя, в промежутках между мутной бездной кот возвращался в прошлое, — все казалось ему, что лежит он на том суку, на той лиственнице, высоко над лесом, и засыпает, убаюканный теплым ветром.

Непонятный звук лишь досадливо тревожил его. Звук был нарастающий, и, уже не видя, не понимая, лишь сиюсь вернуться, кот в последний раз повел ухом... Ухо с кисточкой распрямлялось, укладывалось поудобнее вдоль.

Над болотом, треща моторами, загребая небо мелконично машущим винтом, кружил вертолет...

Это было утром 17 ноября 2001 года. Всеземное телевидение передало в числе прочих новостей удивительное:

«Вчера утром в канадском национальном парке Вуд Буффало, неподалеку от границ парка с жилыми районами, служба постоянной охраны обнаружила след рыси. Сообщение было немедленно передано руководству парка и в научные центры. Группа виднейших ученых-биологов, вылетевшая на место, где был обнаружен след животного, подтвердила первичное определение. Да, это след рыси! Дикой кошки, которая еще полстолетия назад была распространена в лесах Евразии и Канады. Но потом численность ее катастрофически сократилась, и уже десятилетие, как рысь, современница мамонтов, лосей, глухаря, тигра, считалась исчезнувшей. Последние экземпляры рысей в зоопарках России и Америки погибли в начале девяностых годов прошлого тысячелетия. Все попытки разводить рысь в условиях неволи кончились тогда неудачей. Ученые ведут спор: является ли найденный след следом последней рыси. Самец ли это или самка? По следу организуется наблюдение, результаты которого будут сообщаться...»

И газеты в тот день вышли с шапками: «След рыси!», «Оказывается, рысь существует!», «Обнаружен след последней рыси!», «Последняя рысь!», «След рыси!..»

КИТ В ПРОБИРКЕ?

**Виталий
ТХОРЖЕВСКИЙ**

Как известно из арабских сказок, джинны без всякого ущерба для своего здоровья сотни и тысячи лет просиживали в бутылках, кувшинах и других узкогорлых сосудах. Если и жаловались, то разве что на отсутствие развлечений.

Скоро, быть может, в положении джиннов окажутся триста видов животных, занесенных в «Красную книгу» природы. Конечно, стотонного синего кита, размерами превышающего любого сказочного джинна, не засунешь в бутылку! Но вот миллионы его половых клеток, размерами не больше, чем у мышки, легко поместятся даже в крохотной ампуле. Далее семя кита или других животных, помещенное в специальные консерванты, предполагается заморозить в жидком азоте, в котором и хранить до лучших времен. Обо всем этом рассказывается в статье ученых Б. Н. Вепринцева и Н. Н. Ротт, опубликованной в журнале «Природа» (№ 11—78). Проект консервации генов редких животных имеет четыре этапа.

«Обеспечить сохранение в легкой доступной в настоящее время форме, полной генетической информации о виде, достаточной для воссоздания живых полноценных животных.

Найти способ обеспечить реализацию этой информации, то есть обеспечить получение зигот (оплодотворенных половых клеток.— В. Т.) и развитие из них живых животных.

В случае если полученные таким образом животные будут однополыми, обеспечить наследуемое изменение пола у части особей для нормального размножения вида.

Выбрать или воссоздать пригодный для данного животного биогеоценоз (место обитания вида со всей совокупностью природных условий.— В. Т.) и обеспечить в случае необходимости условия для приобретения животным ненаследуемых элементов поведения».

Фактически же на каждом этапе может случиться «прокол». Как показали, например, опыты в Свердловском НИИ вирусных инфекций, само по себе хранение в жидком азоте не приводит к возрастанию дефектов в наследственном веществе клеток, но замораживание, а особенно оттаивание культур заметно ухудшает хранимую генетическую информацию. Таким образом, либо мы все же не сможем «воскресить» высших млекопитающих (например,

человекообразных обезьян), либо появятся... весьма неожиданные существа, мало похожие на своих давно умерших «пап и мам».

Во-вторых. Легко сказать, «найти способ обеспечить реализацию этой информации». Ведь оплодотворенные клетки после размораживания нужно к кому-то подсадить. А если вид, к которому они относятся, к тому времени полностью вымрет? Конечно, можно попытаться «предложить» оплодотворенное яйцо самке какого-нибудь родственного вида. Но, как показывают опыты, из-за межвидовой несовместимости оно не сможет ни прикрепиться, ни удержаться на чужой плаценте. Ведь даже пересадка тканей одной особи одного вида не всегда удается.

Скорее всего, выход здесь может быть в создании специальных «инкубаторов» для китов, барсов и других теперь редких животных.

Что же касается «переделки» пола, о которой говорят указанные авторы, то это представляется и вовсе не реальным. Обработка зародышей гармонами лишь внешне изменяет пол животных, а сам же набор половых хромосом при этом не изменяется. Так что заранее необходимо запастись как можно большим количеством материала от самцов и самок редких животных...

Возможность вырастить целый организм из соматической, обычной телесной клетки пока осуществлена лишь на хладнокровных животных. Для млекопитающих и особенно для приматов такая возможность весьма проблематична. Но на всякий случай и эти клетки стоит хранить про запас.

И, наконец, остается самое последнее и принципиально неустрашимое затруднение. Ну, восстановим мы из замороженных клеток, скажем, гигантского варана. А куда его девать? Кем он будет питаться и где жить, если его естественная среда обитания давным-давно исчезла под натиском НТР! Разве станут воскрешенные орлы вить гнезда на заводских трубах, а мартишки висеть на проводах высоковольтных линий? Вот и получится, что мы вернемся к тому же разбитому корыту.

Нет, надо прежде всего бороться за сохранение среды обитания животных, а на всякий случай, конечно, нужно сохранить и гены исчезающих животных.

СКАЖИ-КА, ДЯДЯ

**Виталий
ПАШИН**

*Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
французу отдана...*

Когда слышим мы эти памятные с детства строки, нам представляется седоусый солдат-ветеран, возле бивуачного костра рассказывающий новобранцам о Бородинском сражении. А давайте позволим себе отступить от канонической трактовки текста и представить себе другую картину: подросток Миша Лермонтов задает этот вопрос своему дяде.

Как известно, Лермонтов еще шестнадцатилетним юношей написал стихотворение «Поле Бородина», которое вполне может считаться первым вариантом более позднего и более зрелого «Бородино», опубликованного семь лет спустя.

Биографы поэта утверждают, что юный Михаил Лермонтов очень любил слушать рассказы участников отечественной войны. И в таких рассказах в семье его бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, где он воспитывался, недостатка не было. Два ее брата — Афанасий и Дмитрий Столыпины — героически сражались в битве при Бородино. Оба они были артиллеристами. Генерал Дохтуров, сменивший убитого при Бородино Багратиона, тоже был родственником Лермонтова. А ведь ему принадлежат знаменитые слова, с которыми обратился он к солдатам на Бородинском поле: «За нами Москва!» Конечно же не надо искать среди родственников Лермонтова какого-то конкретного дядю, ставшего прототипом героя стихотворения «Бородино». В стихе нарисован собирательный образ русского солдата. А дядями в те времена двадцатипятилетней срочной службы молодые называли старослужащих. Но дальнейший свой рассказ поведем все-таки о дяде Лермонтова — Павле Ивановиче Петрове.

Первое знакомство будущего поэта с П. И. Петровым состоялось на Кавказе, куда бабушка привезла четырехлетнего Мишу на лечение. Ротмистру Петрову — командиру Моздокского казачьего полка — было в ту пору 26 лет. Конечно, эта

встреча вряд ли оставила в памяти мальчика что-нибудь определенное. Но спустя два десятилетия судьба снова свела этих двух людей.

В 1837 году, как царская кара за стихотворение «На смерть поэта», последовали перевод Михаила Лермонтова из лейб-гусарского полка в драгунский Нижегородский и отправка «дерзкого корнета» в действующую армию на Кавказ. Лермонтов по пути в Кахетию, где действовал против горцев драгунский полк, некоторое время жил в Ставрополе у дяди Павла Ивановича Петрова, который в то время был генерал-майором и занимал должность начальника штаба войск Кавказской линии. Дядя и племянник, несмотря на разницу в годах и чинах, очень быстро сблизились. Этому способствовали многие обстоятельства. Генерал Петров относился к той передовой мыслящей военной интеллигенции, которая поднялась над массой бездарных службистов благодаря своим личным качествам — уму, храбрости, честности. Петров был личным другом генерала Ермолова, одного из славных военачальников русской армии.

В Костромском архиве сохранился послужной список Павла Ивановича Петрова. Родился он в 1792 году в селе Чернышово Макарьевского уезда Костромской губернии. Получил отличное домашнее образование — в 14 лет уже владел четырьмя языками, прочитал в подлиннике шедевры древнеримской, французской, итальянской, английской классики. Знал прекрасно русскую литературу. Военную службу начал в 1806 году штабс-кавалергардского полка, пятнадцать лет был произведен в офицеры, боевое крещение принял в Восточной Пруссии.

Отечественную войну поручик Петров встретил под Брестом и за первое же сражение был награжден орденом Анны. В сорок два года — он уже генерал, начальник штаба войск Кавказской линии.

В Костромской библиотеке имени Крупской есть книга, которую, безусловно, можно отнести к числу библиографических редкостей. Это —

П. И. Петров

Рисунок М. Ю. Лермонтова

семнадцатый выпуск трудов Костромского научного общества по изучению местного края, изданный в 1928 году. Там сообщается немало любопытных подробностей, связанных с пребыванием Лермонтова на Кавказе в 1837 году.

Пожив недолго в Ставрополе у дяди, Лермонтов простудился и поехал лечиться в Пятигорск. В это время закончились летние военные экспедиции, и он отправился в путешествие по Кавказу — от Кизляра до Тамани. Погостил на берегу Терека в имении Акима Акимовича Хастатова — родного брата Анны Акимовны, покойной жены Петрова. Этот человек в молодые годы слыл на Кавказе великим храбрецом. Его поступки, порой граничащие с аван-

тюризмом, вошли в легенды кавказского воинства. Лермонтов воспользовался его рассказами и сделал их сюжетами новелл, вошедших в «Героя нашего времени». Аким Хастатов умкнул когда-то дочь татарского князька Бэлу и некоторое время держал ее у себя, намереваясь жениться на ней. Этот случай навел Лермонтова на мысль написать «Бэлу». В главе «Фаталист» описана история, случившаяся с Хастатовым.

Особые симпатии поэт испытывал к детям Петрова — двадцатилетнему сыну Аркадию и дочери Катерине, большой любительнице музыки, сочинившей мелодии к «Колыбельной песне» и «Молитве» — стихотворениям Михаила Юрьевича.

Доподлинно известно, что Михаил Юрьевич прислал дяде автограф своего стихотворения «Позднее новоселье», написанное по поводу перенесения праха Наполеона в Париж. Петрову, как старому воину, умевшему ценить полководческий талант пусть даже бывшего врага, было приятно прочитать и оставить на память творение племянника. В семье Петровых, кстати, было несколько автографов Лермонтова: стихотворение «На смерть поэта», поэма «Демон».

М. Ю. Лермонтов любил рисовать с натуры. Наброски пером он делал быстро и тут же либо уничтожал, либо раздаривал тем, кого рисовал. В фондах Пермской картинной галереи хранятся несколько листов с рисунками поэта. Поскольку под набросками не указывалось, кого изображал поэт, искусствоведы выдвигали различные гипотезы. Генерал в скорбной позе молящегося считался портретом барона Розена. Но вот нашлись дотошные исследователи и обнаружили ряд несоответствий в деталях. Во-первых, на эполете генерала две звездочки, значит, это генерал-майор. А Розен был генерал-лейтенантом. Конечно, Лермонтов, военный человек, не мог допустить такую ошибку. А генерал-майором был дядя Лермонтова — Петров. Очевидно, его в скорбной позе молящегося мог изобразить Лермонтов, поскольку Павел Иванович только что перед приездом поэта в Ставрополь похоронил жену. Эту версию подтвердило сравнение рисунка Лермонтова с портретом Петрова, хранящегося в Пятигорском домикемузее Лермонтова.

Во время второй ссылки Лермонтова на Кавказ Павла Ивановича Петрова уже не было в Ставрополе. Его место занимал полковник Траскин — трусливый, надменный службист, участник разгрома декабристов на Сенатской площади в Петербурге. Он сразу невзлюбил Лермонтова, поддерживающего друже-

ские отношения с сосланными на Кавказ после сибирской неволи декабристами.

В семье Петровых очень любили устраивать различные музыкальные вечера и театрализованные представления. В дневнике Аркадия есть запись о постановке в Галиче фрагментов из драмы Лермонтова «Маскарад». Весь сбор от спектакля был передан в пользу бедных жителей Галича. Арбенина играл сам Аркадий. Роль Нины — его сестра. Примечательно, что в то время постановка «Маскарада» была запрещена Николаем I. Даже усиленные хлопоты дирекции Малого театра в Москве и Александринского в Петербурге не поколебали неумного решения царя-самодура. А вот в Галиче посмели послушаться государя...

Дальнейшая судьба Павла Ивановича Петрова сложилась не очень удачно. По настоянию военного ведомства он, кадровый военный, в 1839 году был назначен губернатором в Каменец-Подольск. Новая чиновничья служба была вовсе не по душе честному и прямолинейному человеку. Он подал в отставку и поселился в своих котормских имениях.

Скончался Павел Иванович в 1871 году 83 лет от роду и похоронен на кладбище Ипатьевского монастыря.

ИЗ ОДНОЙ ШКОЛЫ

• Своя типография...

Когда заходит разговор о школьных мастерских, мы представляем себе примерно одинаковую картину: ряды верстаков или столов, молотки, рубанки, швейные машины...

А вот ребята из 37-й свердловской школы приходят на уроки труда в собственную типографию. И приходят на правах хозяев. Поработать здесь мечтают все и заглядывают в цеха задолго до восьмого класса, когда начинаются серьезные занятия полиграфическим делом. Заметьте, что школьная типография выполняет не учебные задания, а большую ответственную работу, которая к тому же приносит школе ежегодный доход в пятнадцать-шестнадцать тысяч рублей.

Куда идут эти деньги? Часть средств тратится на приобретение бумаги, краски, на ремонт станков. Каждый год по давней традиции лучшие ученики совершают туристические поездки по стране; не жалует школа денег на кружки и мероприятия.

• Своя газета

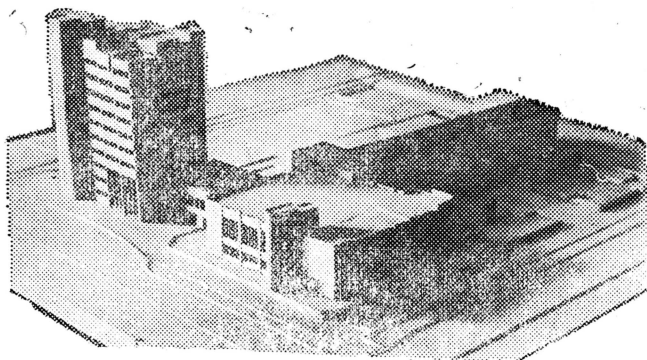
Любимое детище школьных полиграфистов — своя многотиражная газета «Юный ленинец». И не только полиграфистов: у школы богатые литературные традиции — еще в сороковые годы выпускали здесь ученики и учителя литературные альманахи.

Учебная газета родилась двенадцать лет назад и стала своеобразной школьной трибуной. Пишут в газету все — обмениваются мнением об интересных событиях в жизни класса, пионерского отряда, школы, страны, рассказывают о любимых учителях и запомнившихся уроках, обсуждают профессии, среди которых предстоит выбрать одну — свою, приносят стихи, рассказы. И даже на немецком языке — школа эта, как говорится, «с немецким уклоном». Каждый номер газета отдает целую страницу материалам клуба интернациональной дружбы.

Вовсе не обязательно нынешним юнкорам непременно быть журналистами и полиграфистами. Но энтузиазм и задор, рожденные серьезным школьным увлечением, просто помогут им жить.

• Школьный Дом культуры

Школьный музей. Стадион. Бассейн... Этим сегодня вряд ли кого-нибудь

можно удивить. А вот слышали ли вы о школьном Доме культуры? Вернее всего, нет!

У 37-й школы он будет.

Почему именно Дом культуры, а не, к примеру, сказать, второй учебный корпус? А потому, что с его строительством число классов не увеличится. В новом здании разместятся не классы, а столовая, тир, спортивный и актовый залы. Кстати, в школьный ДК будут приходиться в кино и на концерты жители со всего микрорайона. Фото-, изо- и киностудии получат хорошо оборудованные лаборатории. Это особенно важно, потому что сегодня возможности всех без исключения кружков из-за отсутствия помещений ограничены.

Школа старая, построена в 1936 году, в то время, когда было не до актовых залов и специальных комнат для кружков — не хватало средств. Да что говорить: не хватало людей с семилетним, не говоря уже о среднем образовании. В наше время, естественно, одними классами уже невозможно

обойтись. Так и возникла у директора школы Виктора Кузьмича Козлова мечта о Доме культуры.

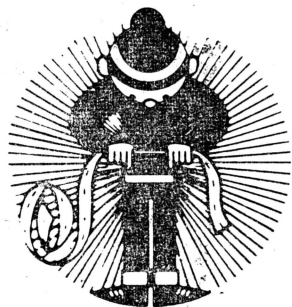
Проект готов, утвержден. Строительство в этом году начнется. Шефы — «Уралтрансгаз» и горсовет выделили на новое здание 1 миллион 400 тысяч рублей. В 1980 году ожидается заселение Дома культуры. А может быть, и Дворцом его назовут... Проектировщики потрудились на славу. Современное светлое здание из стекла и бетона украсит улицу Первомайскую, на которой стоит школа.

На снимке: макет будущего школьного Дома культуры.

Снимок А. Нагибина

• Маршруты группы «Поиск»

А вот музея в школе нет. Пока нет. Со строительством Дома культуры эта проблема отпадет. Тем более что поместить на

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

музейные витрины школьным следопытам есть что.

Разыскивали ребята бывших выпускников к 40-летию школы. Открытый было много — ярких, интересных, неожиданных. Вот хотя бы встреча с В. М. Елсуковой. Валентина Макаровна окончила 37-ю школу в 1940 году, в самый первый выпуск. Она поступила в сельскохозяйственный институт. А в сорок втором вместе с подругами, окончив курсы медсестер, ушла добровольцем на фронт. В составе 116-й Отдельной морской стрелковой бригады, а потом Второй танковой армии прошла через самые тяжелые бои с врагом: под Москвой, на Курской дуге, под Орлом, Корсунь-Шевченковским — до Варшавы. Была тяжело ранена.

И самое неожиданное: лечилась в госпитале, размещенном в родной школе, лежала в бывшем физкабинете. Часто навещали ее учителя Н. Н. Есипова, Ю. П. Клюева, директор школы В. К. Тихолаз.

В годы войны многие выпускники 37-й были на фронте. И многие не вернулись. В школу потом приходили письма от родных и однополчан, воспоминания. Мать Виктора Гликмана передала ребятам его личную библиотеку, об этом просил ее сын в последних письмах с фронта.

Группа «Поиск» разыскивает не только тех, кто связан со школой узлами родства. В 1977 году, к 60-летию ВЛКСМ, следопыты взялись за восстановление боевого пути и имен героев Уральской 375-й Харьковско-Бухарестской дважды Краснознаменной стрелковой дивизии. Накапливаются письма, фотографии, карты, листовки — боевые документы дивизии уже заговорили... Труд начат огромный, кропотливый.

● Кино — да и только

На экране — беготня, суета. Летают снежки, мелькают разгоряченные, смеющиеся лица ребят. А из темного зала на экран смотрят они сами — герои и создатели фильма. «Проводы русской зимы» — первый цветной фильм школьной киностудии.

А начало было положено в 1961 году ее бессменным руководителем, директором школы Виктором Кузьмичом Козловым. Первенца назвали тогда «В труде и учебе», и тот первый фильм представлял собой хронику одного учебного года.

Первые сценаристы и операторы давно покинули школу. Кстати, двое из них сейчас работают на «взрослой» Свердловской киностудии. А киножурналы в школе стали традицией. Школьные репортеры, как и положено репортерам вообще, оказывались везде, где намечалось что-то интересное: в лагере труда и отдыха, на школьном КВН и просто на интересном уроке. В конце года отдельные кусочки либо объединялись в один фильм, либо разбивались по темам — например, «Внеклассная работа» или «Школьные праздники». Ребят потянуло от хроникальных к более сложным жанрам. В 1961 году они, первые среди школьных киностудий, сняли фильм о родном городе. Об улицах, заводах, людях Свердловска. К областному съезду передовиков педагогического труда в 1968 году школа подготовила 50-минутный фильм об учителях Кировского района Свердловска. Были попытки снимать даже художественные, игровые фильмы из школьной жизни: «Шпаргалка» и «Космонавты». Так пополнялась из года в год

школьная фильмотека. Некоторые картины — «О нашем городе», «Наша школа» — до сих пор используются на уроках.

У художников есть такой прием — искусственно ограничивать свое поле зрения для того, чтобы лучше видеть отдельные детали и краски. Ребята, глядя на мир через объектив камеры, учатся выбирать из жизни самые яркие, самые характерные явления, которые, оставаясь на пленке, слагаются в документальную повесть о школе, помогают проследить путь, пройденный ею. Эти фильмы демонстрируются на встречах выпускников, и люди, закончившие школу полтора десятка лет назад, узнают на экране себя, своих школьных друзей, учителей.

...На экране — беготня, суета. Мелькают снежки... Может быть, много лет спустя эти кадры заставят и сегодняшних выпускников на несколько минут перенестись в детство.

● Пятнадцатая перчатка

И в легкий, и в нелегкий час
Пусть химия отыщет нас,
Испытанных друзей,
Мы шпаги знаний здесь
скрестим,
И будет тот непобедим,
Кто был всех веселей!

Одиннадцать лет подряд с этих слов в школе № 37 начинаются химические КВН — команды десятых классов бросают друг другу «перчатку».

Анисья Карповна Шеклеина, учитель химии, так рассказывает о появлении этой традиции:

— Тогда везде были КВН: по телевизору, на предприятиях, в институтах. И я решила тоже провести свой, химический КВН

среди десятых классов. Вот так и пошло...

И идет до сих пор. Телевизионные КВН давно уже перестали собирать большую аудиторию, хотя там и ведущие — профессионалы, и участники более подготовлены. А в школе, в вечер КВН, и нынче зал буквально ломится от зрителей.

Эти веселые состязания превратились в своеобразную форму учебы, веселую, непринужденную и потому эффективную — недаром многие члены КВН становятся участниками химических олимпиад и занимают призовые места даже на Всесоюзных конкурсах юных химиков.

Готовясь к КВН, ребята перерывают груды книг и журналов. Требуются знания не только «чистой» химии — но и истории химии, биографий ученых. Иначе как ответить на такой, скажем, вопрос: «Кто из великих химиков был одновременно прекрасным чемоданным мастером?» или «Что называют хлебом химии?» А десятиклассники на подобные вопросы отвечают без всякого затруднения.

Химический КВН не собирается сходиться со сцены. Мало того, он захватывает уже не только десятые, но и девятые, и восьмые классы. Несколько лет назад у него появился брат — КВН по истории. А совсем недавно победители пятнадцатого боя химиков — команда «Родон» 10-го «В» класса — предложили провести на выпускном вечере КВН по всем предметам с учителями.

Кто знает, не стоят ли они у колыбели новой традиции?

Екатерина БЕЛЯЕВА
Мария ПОПОВА

Помпеи в Таджикистане

Валентин
ШКОДА

Иллюстрация к басне о птице с золотыми яйцами.
Прорисовка росписи.

Там, где река Зеравшан умеряет свой стремительный бег, спускаясь с предгорий Туркестанского хребта в долину, лежит, утопая в зелени садов и виноградников, небольшой таджикский город Пенджикент. На его окраине вот уже более тридцати лет ведутся раскопки городища древнего Пенджикента — самого восточного города самаркандского Согда.

Названия Согд — страны, в древности лежащей в долинах рек Зеравшана и Кашка-Дарья, давно нет на географической карте. О ней упоминают лишь кишлаки в верховьях Зеравшана — Кум, Мадм, Парз, Кштут, Фатмев, сохранившие до наших дней свои древние согдийские названия. На согдийском языке, который в X веке сменился таджикским, тоже никто больше не говорит в долине Зеравшана. Только жители нескольких кишлаков на реке Ягноб сохранили диалект этого языка.

Долина Зеравшана издревле была заселена. 4—5 тысяч лет назад здесь уже были первые поселения древних земледельцев и скотоводов.

Впервые согдийцы, как и другие племена иранской этнической группы, упоминаются в письменных источниках VI века до нашей эры. Одним из таких источников является знаменитая Бехистунская надпись персидского царя Дария Великого. При сыне Дария Ксерксе согдийцы в составе персидского войска участвовали в греческих походах. Об этом пишет греческий историк Геродот. В IV веке до нашей эры Согд и другие области Средней Азии подверглись нашествию греков — с огнем и мечом прошел через эту страну Александр Македонский.

В первые века нашей эры согдийцы становятся посредниками в караванной торговле между Китаем и странами Средиземноморья. Через столицу Согда Самарканд проходил Великий шелковый путь — в Иран и в Византию.

Мирное развитие Согда было прервано нашествием арабов. В 654 году ими был совершен первый набег на согдийский город Маймург, а с 705 года наместник Хорасана Кутейба ибн Муслим начал регулярные военные действия, при-

ведшие к падению в 712 году Самарканда. Пройдет еще два десятилетия, и Средняя Азия войдет в состав Арабского халифата.

Если о достижениях согдийцев в области международной политики, их военных подвигах и удачливой торговле мы знаем из хроник древних и средневековых историков, то их язык и материальная культура оставались науке долго неизвестными.

Первые памятники согдийского языка были найдены в начале нашего века в Восточном Туркестане. Вторую группу согдийских документов нашла английская экспедиция под руководством А. Стейна в Дуньхуане (Северо-Западный Китай) в одной из сторожевых башен Китайской стены. Документы из Дуньхуана известны сейчас в науке под названием «Старые согдийские письма» (начало IV века нашей эры). Согдийский язык перестал быть неизвестным, но открыт он был за пределами собственно Согда. А как же в Средней Азии? Неужели на родине согдийцев не осталось памятников их высокой культуры?

Открытие пришло неожиданно. Бывает так иногда в археологии, когда на помощь ученым приходит случай.

Гора Муг возле кишлака Хайрабад при впадении реки Кум в Зеравшан пользовалась дурной славой у окрестных жителей. Ее связывали с домусульманскими жрецами огнепоклонников — магами, которые, как считали люди, знали колдовство. Может быть, благодаря такой молве, гора Муг и скрывала многие годы свою тайну. Но однажды пастухи, вынужденные заночевать из-за темноты и непогоды на ее мрачной вершине, нашли там кусок кожи с непонятными письменами. Загадочную находку отправили в Душанбе, где востоковедами было высказано предположение: а не согдийский ли это документ? Фотокопию надписи переслали в Ленинград известному иранисту А. А. Фрейману, который подтвердил правильность догадки.

Стало ясно, что на горе Муг необходимо провести раскопки.

Успех небольшой экспедиции, работавшей на горе Муг осенью 1933 года, превзошел все ожидания. Земляной холм на вершине горы скрывал под собой остатки древнего замка, в котором помимо уникальных предметов материальной культуры согдийцев, учеными был найден 81 документ. Среди рукописей, большинство которых содержало тексты на согдийском языке, был один арабский документ. Академик И. Ю. Крачковский, работавший над чтением этого документа, вспоминает: «...Я никогда не думал, что и мне, арабисту, далекому от истории Средней Азии, суждено будет принять участие в этой работе, что в мои руки попадет единственный в своем роде, бес-

ценный для науки арабский памятник, ярко отразивший трагический момент последней борьбы согдийцев с арабами».

Арабский документ содержал письмо некоего Деваштича наместнику халифа в Хорасане эмиру ал-Джарраху. Оказалось, что Деваштич был правителем небольшого согдийского княжества со столицей в Пенджикенте. Сопоставление арабских хроник с документами мугского архива помогло ученым воссоздать некоторые страницы истории Согда первой четверти VIII века.

В 720—722 годах вспыхнуло антиарабское восстание, которое правитель страны Гурак отказался поддержать. Одну из групп восставших возглавил Деваштич. В районе кишлака Кум, где находилась крепость Абаргар, Деваштич был осажден. Ему и его соратникам обещали жизнь при условии, что они откроют ворота замка, но это был лишь предлог, чтобы выманить из крепости осажденных. Завоеватели не сдержали слова. Деваштич был зверски убит — его распяли, а затем отрубили голову. Восстание было буквально потоплено в крови.

Эти события, полные драматизма, и обратили внимание исследователей на городище древнего Пенджикента, откуда весной 722 года со своим отрядом ушел Деваштич.

Первые раскопки на невысоком холмистом плато за южной окраиной города произвел в конце 30-х годов археолог-краевед В. Р. Чейлытко, но подлинное открытие древнего Пенджикента произошло значительно позднее — в 1946 году.

В 1945 году президиум Академии наук СССР принял решение об организации археологической экспедиции в Таджикистане. Экспедиция начала свою работу год спустя, и главным ее объектом стал древний Пенджикент — городище V—VIII веков нашей эры.

Сейчас, когда прошло более 30 лет с момента начала раскопок, перед исследователями открылась картина города раннего средневековья с его развитым ремеслом и процветающей торговлей, храмами, садами и великолепным искусством. А летом 1946 года, когда сотрудники Таджикской археологической экспедиции поднялись на городище, они увидели лишь земляные бугры, поросшие выжженной солнцем гармалой и верблюжьей колючкой.

Одни из первых раскопок, которые были заложены в центре шахристана Пенджикента — основной части города, — дали сложный комплекс построек из сырцового кирпича и битой глины, связанных с обширным двором. Главное здание находилось внутри двора. Оно состояло из открытого на восток четырехколонного зала, соединенного проходом с еще одним помещением к западу от него.

На торцовых стенах зала, который с трех сторон был окружен коридором, располагались две ниши для статуй. К фасаду постройки примыкал айван (портик или терраса) на шести колоннах. Статуи, сделанные из необожженной глины, не сохранились, но на стенах зала и помещений вдоль ограды двора были открыты многоцветные росписи с самыми разнообразными сюжетами.

Таким предстал перед исследователями один из городских храмов Пенджикента.

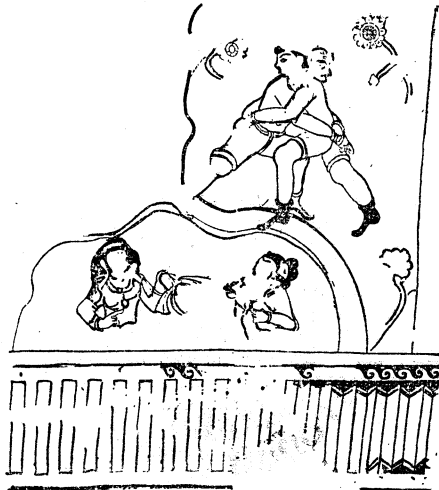
Позднее была открыта и улица, с которой попадали в храм. На улице выходили его главные ворота, состоящие из айвана на восьми колоннах. Внутри стены айвана были украшены живописью. Пройдя ворота, попадали во двор, стены которого также покрывали росписи, а чтобы она не портилась от непогоды, вдоль стен двора был сооружен навес на столбах. Миновав внешний двор, паломники оказывались в следующем, внутреннем дворе, где находилось основное здание храма.

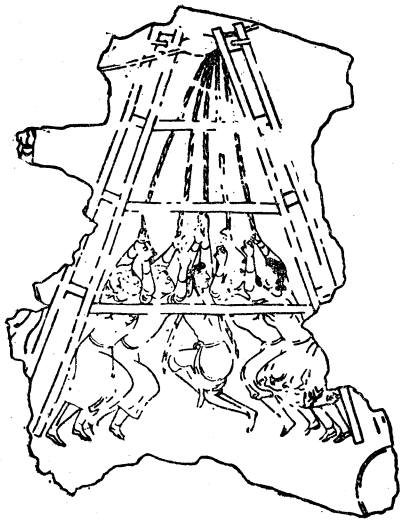
Неспоредственно к первому храму примыкал второй, аналогичный по своей архитектуре. Он тоже имел большой двор, в котором находился водоем — хауз, наполнявшийся водой при помощи системы арыков и керамических водопроводных труб — кубуров. Вдоль арыков и по берегам хауза стояли священные арчи, между которыми росли виноградные лозы.

Сразу после открытия храмов перед учеными встал вопрос — зачем маленькому городу два таких больших культовых сооружения? Ведь площадь города относительно невелика — всего 13,5 гектара. Земли для

«Спортивная борьба». Прорисовка росписи.

Изображение осадной машины. Прорисовка росписи.

застройки нередко не хватало, и часто люди были вынуждены делать своды над переулками, чтобы возвести над ними еще один или даже два этажа. Может быть, Пенджикент был всесогдийским святилищем? Как будто нет, да и не могли его храмы конкурировать со столицами: до Самарканда всего 56 километров — расстояние небольшое и для древности. Но, вероятно, все-таки пенджикентские храмы были рассчитаны не только на посещение их одними жителями города, а и паломниками с верхнего Зеравшана тоже, которые, спускаясь в долину, никак не могли обойти город стороной.

Если пойти по храмовой улице на юг, то, миновав перекресток и повернув направо, можно попасть еще на одну улицу, которая, наверное, была самым бойким местом в городе — на ней находились мастерские ремесленников и базар. Восточный базар во все времена представлял собой весьма красочное зрелище и определял зачастую ритм города. Пенджикентский базар, вероятно, не был исключением. На нем можно было купить яркие ткани, кухонные котлы, привезенные из горных селений, и изящную столовую посуду, терракотовые образки, бронзовые зеркала, различные ювелирные изделия и многое другое, что производили умелые руки мастеров и давала щедрая земля Согда. Некоторые товары изготовлялись прямо на глазах у покупателей в небольших мастерских, занимавших три стороны базара.

Параллельно храмовой улице тянется самая восточная городская ма-

гистраль, застроенная почти вплотную примыкающими друг к другу домами. Эта улица появилась только в конце VII века. В V—VI веках на месте этой улицы был ров, наполненный водой, который шел вдоль городской линии укреплений.

Оборонительные стены Пенджикента имеют свою историю, которая тесно связана с политической историей Согда того времени. Первая крепостная стена была сооружена в V веке, при закладке города. Именно вдоль нее и был вырыт ров. В конце V века с напольной стороны, то есть там, где город был наименее защищен рельефом местности, воздвигают вторую линию укреплений. Интенсивные перестройки и укрепление системы оборонительных сооружений в VI веке исследователи связывают с захватом Согда кочевым племенем эфталитов, а коренную реконструкцию всех стен в конце VII века с появлением нового врага — Арабского халифата.

В начале VIII века была снесена внутренняя городская стена, а на ее месте построены жилые дома. Ров перед стеной засыпали. Как полагают, это связано с размещением в городе беженцев из Самарканда, взятого арабами в 712 году.

Одна из центральных улиц шахристана (а всего в Пенджикенте изучено семь отрезков улиц и двенадцать переулков) ведет к цитадели — резиденции правителя города. Цитадель древнего Пенджикента расположена за пределами шахристана — к западу от него — и отделена от основной части города широким руслом древнего водного потока — сая. Улица со стороны города подвела к крепостной стене, соединявшей цитадель с шахристаном. От нее сохранились лишь ольпывшие останцы, по которым можно судить, что когда-то русло сая пересекала стена.

Неизвестно, была ли на цитадели резиденция предшественников Деваштича. То, что дворец на цитадели принадлежал именно ему, удалось установить благодаря находкам вещей и археологической стратиграфии, которые показали, что постройка дворца относится к 710 году, то есть как раз ко времени правления Деваштича.

Помещения дворца состояли из парадной и жилой половины. В парадную входили тронный зал государя и ряд других просторных помещений для приемов. Тронный зал был великолепен. Его высокие стены покрывала яркая живопись, потолок опирался на резные деревянные колонны, балки потолка поддерживались кронштейнами, которые были украшены прикреплёнными к ним деревянными скульптурами. Резной деревянный фриз венчал верх стен. В росписях тронного зала, впервые в Пенджикенте, археологи увидели сюжеты, изображающие современные

художнику события. Наиболее интересна сцена осады города или замка воинами в доспехах, которые показаны взбирающимися на стену. Другая группа людей тянет за веревки, привязанные к рычагу, деревянную раму. Это изображение осадной машины. Впервые осадная техника такого типа на территории Согда была применена арабами. Известно, в частности, что при осаде Самарканда они использовали до 300 метательных орудий — мандженик. Осадная машина, детали одежды и вооружения воинов позволяют утверждать, что вся сцена представляет осаду Самарканда арабами.

В этом же зале есть роспись со сценой возложения короны на голову царя. Она приобретает особый интерес, если вспомнить некоторые моменты политической истории Согда первой четверти VIII века. Дело в том, что одно время Деваштич претендовал на согдийский престол. Видимо, одной из причин, побудивших его к этому, было то обстоятельство, что на попечении Деваштича находились сыновья самаркандского царя Тархуна, лишившего себя жизни в 710 году. В течение двух лет Деваштич носил титул «согдийский царь, самаркандский правитель». Так его титулуют в нескольких письмах, найденных на горе Муг. Вероятно, титул «согдийский царь, самаркандский правитель» был претензией, но не более того, а художник, расписывавший стены зала Деваштича (видимо, по заказу хозяина), несколько поторопился события и выдал желаемое за действительность, написав сцену с коронацией.

Обилие монументальной живописи в Пенджикенте поражает. Более сорока домов из 130 раскопанных имели залы с росписями. Насколько можно судить по характеру многих изображений, живопись должна была не только услаждать взоры, но и носила определенный смысл — она служила своеобразной визитной карточкой хозяина дома. Войдя в дом, гость попадал в длинный сводчатый коридор, пройдя который, он оказывался в просторном зале с расписанными стенами. Прямо, напротив входа, он видел большую фигуру божества. По сторонам от нее могли быть другие боги согдийского пантеона, сцены охоты или пира, но напротив входа обычно помещали то божество, которое особо чтит хозяин дома и которое он считал своим покровителем.

Согдийцы знали много религий. Среди них были и буддисты, и христиане, и манихеи. В Пенджикенте функционировала даже христианская школа — в одном из частных домов найден черепок с отрывками из псалмов Давида, написанных по-сирийски (язык несторианской церкви) учеником согдийцем. Но больше всего приверженцев было у местной религии.

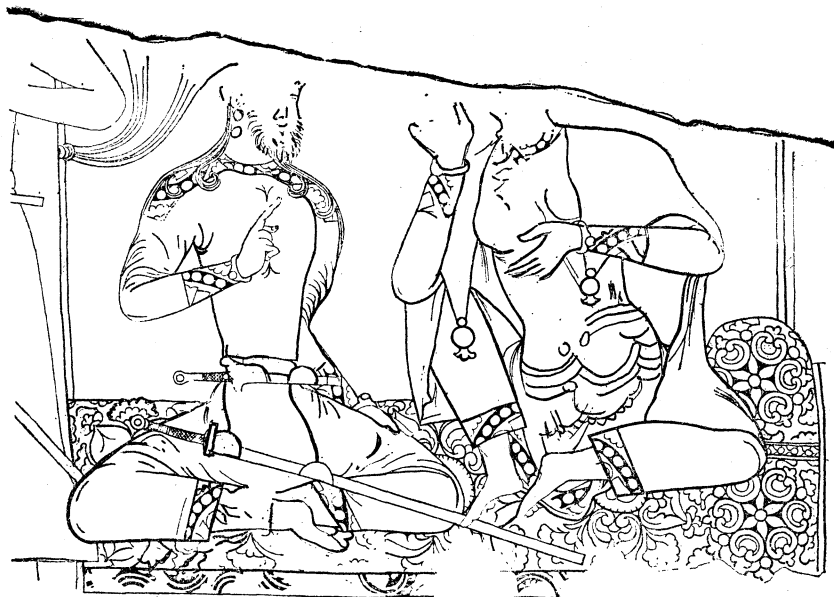
Согдийцам, как и другим иранским народам, издревле были знакомы верования и представления, которые составляли религию Заратуштры. Приверженцы этого учения верили в лежащую в основе мироздания борьбу света и тьмы, добра и зла и поклонялись четырем священным стихиям — воде, земле, воздуху и, главным образом, — огню, символу божественной справедливости. Почитание этих стихий обусловило погребальный обряд зороастрийцев, являющийся по своей структуре специфической особенностью этой религии. Священные стихии нельзя было осквернять мертвым телом. Зороастрийцам предписывалось выставление трупов в определенных местах, где они становились добычей собак или стервятников, поскольку ритуально чистыми считались только кости человека, очищенные от тканей. После такого очищения кости собирали в специальные глиняные ящики, получившие в науке название оссуарии — костехранилище.

Оссуарный некрополь в Пенджикенте расположен к югу от городской стены. Состоял он из небольших сводчатых склепов, называвшихся по-арабски наусами. Внутри каждого науса на небольших возвышениях вдоль стен — суфах или прямо на полу стояли оссуарии.

Зороастризм, как и любая другая мировая религия, имел множество течений и форм. Все иранские народы исповедывали веру Заратуштры, и у каждого народа она имела какие-то свои черты. В раннесредневековом Согде, например, большое значение придавали изображениям богов; чего, скажем, не делали в современном ему Иране.

В Пенджикенте изображений богов много. Ученые различают их по символам, потому что пока трудно назвать все божества по именам. Одним из самых популярных изображений была четверорукая богиня с символами солнца и луны в руках, сидящая на троне с ножками в виде львов или на льве, что встречается чаще. Эта богиня иногда выступает в паре с божеством, едущим в солнечной колеснице. Поклонялись пенджикентцы и божествам водной стихии, олицетворяющим реку Зеравшан, которая давала жизнь всем прилегающим к ней районам.

Но не только культовые росписи покрывали стены домов Пенджикента. Древние живописцы своим искусством донесли до наших дней героев эпических сказаний через три столетия, вошедших в бессмертную поэму Фирдоуси — «Шах-Намэ». В живописных композициях мы видим бытовые зарисовки, сцены поединков и пиров, иллюстрации к литературным произведениям, отрывки которых дошли до нас в согдийских рукописях. Кого здесь только нет! **Витязи**, побеждающие демонов и

«Чета знатных согдийцев».
Прорисовка росписи.

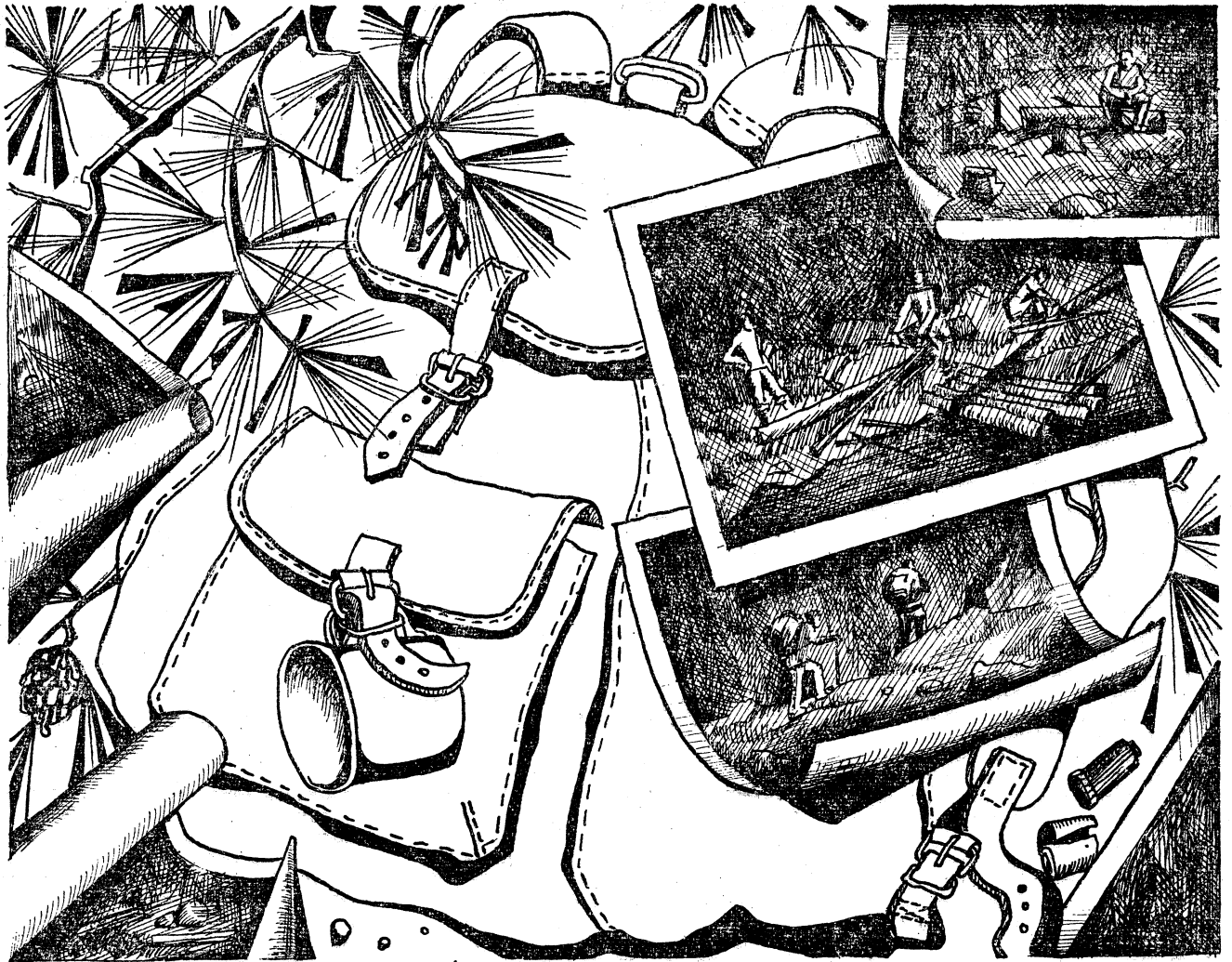
фантастических чудовищ, прекрасные амазонки в сражении со всадниками в тяжелых доспехах, пирующие купцы с толстыми кошельками на поясе, танцоры, музыканты — вот далеко не полный перечень изображаемых персонажей.

Чрезвычайно выразительны иллюстрации к литературным сюжетам. Здесь можно найти и героев из басен Эзопа, и сцены из притчей «Панчатантры» — знаменитой индийской книги, широко известной в средние века в арабском переводе под названием «Калила и Димна», эпизоды из Махабхараты.

Недавно известным американским искусствоведом Б. Роулэндом городище Пенджикент было названо «Среднеазиатскими Помпеями». Сравнение с Помпеями — знаменитым городом, который в I веке при извержении Везувия был полностью засыпан вулканическим пеплом, — не случайно. После страшного 722 года, когда Пенджикент частично сгорел, жизнь в городе прерывается вплоть до 740-х годов. С этого времени и до семидесятых годов VIII века Пенджикент вновь отстраивается. Затем после разгрома еще одного антиарабского восстания он окончательно пустеет. Жизнь города, таким образом, обрывается в VIII столетии. Оставленный людьми, опустевший и заброшенный, он был в конце концов погребен временем и природой и оказался как бы законсервированным на

двенадцать веков. Как и в Помпеях, на этом месте уже никто больше не селился, и археологи получили уникальный для Средней Азии памятник, на котором культурные слои были не повреждены более поздними жителями. Это придает городищу Пенджикент особую ценность, как хорошо сохранившемуся памятнику материальной культуры и искусства предков таджикского народа, эпохи, предшествующей арабскому завоеванию, эпохи, которая завершала древность и открывала средневековье.

ДИКАРИ и РОБИНСОНЫ

**Юрий
ЧЕРНОВ**

*Рисунок
М. Тарабукиной*

Мои знакомые — биолог Олег Григорьев и журналист Олег Гаврилов — задумали путешествие по Мане под кодовым названием «Операция «Козерог».

— Олеги! — взмолился я, узнав о их плане. — Возьмите с собой. Турист я вроде бывалый — не подведу.

При слове «турист» приятели поморщились, будто раздавили во рту по клюквине...

— Извини, — сказал Олег Гаврилов, — но с большинством туристов мы не сходимся. Сказать пооткровеннее, недолюбливаем эту братию...

— Да вы что? Ведь это весельчаки, романтики! — горячо начал я и осекся под недоуменным взглядом небесно-голубых глаз Олега Гаврилова.

— Романтики! — нараспев повторил он, приводя колючки своих густых бровей в боевое положение. — Выезжали мы разок на природу с таковыми. Один выпал из лодки, другой сигаретой палатку сжег. Нет, с ними нам не по пути.

— Так что, не берете? — я ставил на карту наши отношения.

— С испытательным сроком, — официальным тоном заявил Гаврилов, — и учти, у нас железная дисциплина.

В тот же день составляли калькуляцию. Подсчитывали с карандашом, сколько закупить крупы, соли, сахара, свечей. Я помалкивал. Будто на глазок нельзя прикинуть сколько чего взять.

— Да, совсем забыли, — стукнул себя по лбу Олег-биолог, — а припасы для туристов? Накидывай еще по пятерке на брата.

Тут уж я не вытерпел:

— Для каких это туристов?

— Потом увидишь! — загадочно улыбнулся Гаврилов. — Лучше от них загодя откупиться. Пятерка никого не разорит.

«Черт знает что...» Но спорить я не стал.

В сборах незаметно пролетела оставшаяся до похода неделя. Приятели заставили меня проштудировать с десяток пособий и книг, сшить штормовку из водонепроницаемой ткани, сделать прививку от энцефалита. Я уже был не рад, что связался с «научно организованными» путешественниками. Но вот окончательно уложены огромные вещмешки конструкции Олега-биолога (на каждом по дюжине карманов и карманчиков). Чего только тут не было! И все же дотошные калькуляторы забыли едва ли не о самом главном — чае! Я тайком закупил десять пачек и припрятал в своем рюкзаке. Пусть хватятся на реке!

Наконец мы в лодке, на берегу таежной Маны! С каким нетерпением ждал я отплытия! Давно пора запустить мотор, но Олеги что-то медлят.

— Надо распределить обязанности, — сказал Гаврилов, — выбрать капитана, моториста и вахтенного. У кого какие предложения?

Вот зануды! Чтобы покончить и с этой волокитой, я великодушно взял себе самую скромную должность. Капитаном выбрали Гаврилова. Тот не спеша раскурил трубку и распорядился:

— На стоянках будем кашеварить по очереди. Сегодня дневалит Самокруткин (это я).

Потом он поднес к глазам бинокль и крикнул чужим голосом:

— Мотор! Полный вперед!

Что делает с человеком должность!..

...В час дня, по распорядку, остановка на обед. Пристали к галечному откосу. На берегу нет жилого места: трава вытоптана, тут и там черные глазницы костров, битое стекло, банки, обрывки газет. Гаврилов и Григорьев выжидающе уставились на меня.

— Вон авторы, — указал я на испещренную надписями скалу.

На граните писали углем, масляной краской, а некто Траншеев поработал с долотом.

«Были 15.6.68. Е. Щebetун. И. Дулькин». «Даешь Саяны! Заглоткина — Пещерный. Середина двадцатого века...»

Гаврилов и Григорьев по-прежнему с каким-то намеком поглядывали на меня. «А, вон что они припомнили — наш спор».

— Отсюда недалеко до Красноярска, — заметил я. — Это работа однодневников. Прошу не путать туристов выходных дней с теми, кто ходит по дальним маршрутам!

— Ну, ну, — было в ответ.

В поисках другой стоянки проехали еще с десяток километров. Остановились в устье певучего ручья. Олеги отправились с удочками ловить хариусов, я принялся за костер. «Что же приготовить?» — задумался я. И вспомнил одно универсальное блюдо. Наше, туристское. В бульон с тушенкой бросил картошки и две пригоршни гречки. Потом попалась мне банка болгарского перца — добавил в котел три стручка. Само собой — горошек и лавровый лист... Когда все разварилось, получилось нечто — ни густое, ни жидкое. Такое варево мы называли «няшей».

— Ко мне! — позвал я рыболовов. Они принесли с десяток цветастых хариусов.

— Может, ушицу сварим? — предложил Гаврилов.

— Обед уже готов. Садитесь!

— Что-то быстро ты управился. А куда садиться-то?

— Вам что, кресла нужны?

— И стол тоже.

Григорьев забил четыре кола, укрепил на них лодочные сиденья. Расстелил клеенку. Гаврилов тем временем прикатил три голыша. И все это — молча, в укор мне.

Я поставил посреди стола котел с «няшей».

— Так есть же тарелки! — Григорьев опять пошел к лодке.

«Подумаешь, индивидуалист!»

В тот день мы здорово проголодались. Я опустошил тарелку в два счета, а Олеги переглянулись, и стали есть безо всякого удовольствия, будто делали одолжение.

Пакетики с растворимым кофе (мой сюрприз!) тоже не произвели эффекта. Можно подумать, что эти пакетики устилают не только прилавки магазинов, но и берега Маны.

Назавтра у костра дежурил капитан. Мы с Григорьевым рыбачили, когда донесся свист — сигнал на обед.

Вышли к стоянке — пусто. У причала торчала палка с указателем: «Кафе «Козерог». 150 метров». Идем вдоль скалистого берега на дымок. Смотрим, под яром просторная ниша, здесь и

устроил Гаврилов кафе. У входа белеет листок. Меню! Читаю и глазам не верю:

1. Хариусья уха.
2. Шашлык из рыжиков.
3. Смородиновый чай.
4. Брусника с сахаром.

Признаться, отобедали мы как в лучшем ресторане. Впрочем, разве там подадут к такому шикарному меню первородной чистоты воздух, вид на горную реку, наконец, дымок костра... Но это было не последнее слово в кулинарии на свежем воздухе. На второй день мы прямо-таки стонали от блюда Олега Григорьева. Только представьте — рябчик с грибами! Был и ароматнейший чай — не индийский и не грузинский, а «саянский» — из плодов шиповника! После «рябчика с грибами» я начал потихоньку переоценку своих понятий о диком туризме вообще и о «няше» в частности...

С первым отрядом «дикарей» мы встретились у грозного переката. Трое мокрых парней с криками метались по берегу и показывали на долговязого товарища, уцепившегося за камни над самой стремниной. У правого берега несли их плот с пожитками. Мы и глазом не моргнули, как его разнесло по бревнышку.

Гаврилов с веревкой полез на крутояр. Один конец веревки он привязал за дерево, другой подал долговязому. Мы тоже подоспели и выволокли на террасу бледного длинноволосого юнца. Он и теперь не выпускал из рук веревки.

Четверо были из столицы. Шли без карты. Перекат заметили слишком поздно. Стали выгребать к берегу, потом бросились вплавь. Долговязый — по прозвищу Паганель — уцепился за камни в последний момент.

Мы накормили потерпевших и отдали им ровно половину из тех припасов, что брали специально для туристов. Воспользовавшись случаем, я втихаря всучил Паганелю пять пачек чая. Тот, видя, что я хоронюсь от своих, расценил это как мою единоличную щедрость и одарил благодарнейшим взглядом.

— А кедровые шишки вы из ружья сшибали? — спросил самый любопытный.

— Угу, — отвечал Гаврилов.

Окончательно убедившись, что они не голодны, что под ногами твердая почва, четверо воспряли духом, в их глазах вновь вспыхнул бродяжий огонек.

— Да тут бревен на целый корабль, — обрадовался один из москвичей, заметив возле водопада завал из лиственниц.

— Кто у вас старший? — сердито спросил Гаврилов.

— Какой еще старший? — удивился Паганель. — Мы для того и забрались сюда, чтобы не чувствовать никакого насилия над личностью.

— А когда мы тянули тебя за веревку, ты что-то не противился, — съязвил Олег Гаврилов.

Он сердился все больше. — Вот что, демократия, времени у нас в обрез. Даем вам на пару часов пилу и топор. Лиственницы для плота не идут. Тяжелое это дерево — утонете. Надо пилить сухойстой легких пород. А за ним придется прогуляться вон на ту сопочку. Я засекаю время.

Да, Гаврилов сантиментов не любит. А ведь мог бы оставаться в памяти столичных туристов добродетелью. Будь он поласковее, они сфотографировали бы его на последние кадры уцелевшего фотоаппарата и показали бы друзьям там, в Москве.

Потом Олег помог связать плот, но делал это с такой неприязнью, что впору было отказаться от его услуг.

— Переварят, — сказал он потом. — Я бы не так проучил этих дилетантов, да они уже наказаны.

Вторую половину туристских запасов мы отдали через три дня. В отряде одесситов не знали, как ловить горную рыбу, а потому нажимали на консервы и крупы, и тех, понятно, не хватило...

— Шалопаи! — говорил им вслед Гаврилов.

— Товарищ капитан, — поинтересовался я, — а ты никогда и ни в чем не походил на таких туристов?

— Я-то? — переспросил Олег и смутился. — Может, и походил. Так ведь это было давным-давно.

— Значит, и для них еще не все потеряно? — кивнул я на удалявшийся отряд «дикарей».

Капитан пожал плечами.

Короткое и звучное слово «Урал» можно увидеть на радиоприемниках, стиральных и вычислительных машинах, грузовиках, пылесосах... Но дольше всего это слово живет на бортах кораблей.

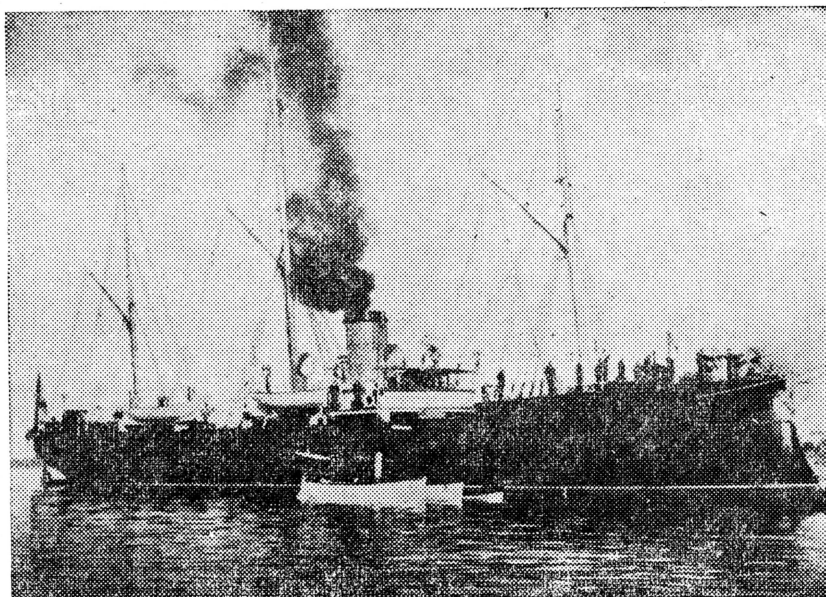
Еще в январе 1814 года на архангельских верфях известный русский кораблестроитель А. М. Курочкин заложил первый «Урал». Это был военный транспорт-парусник, вооруженный 30 пушками. Он долго служил русскому флоту, чаще всего совершая нелегкие по тем временам переходы из Кронштадта на родину — в самый старый порт страны Архангельск. Особо громких дел на его счету, точно так же, как и на счету двух каспийских шхун «Урал», не было.

Следующий «Урал» появился в русском военно-морском флоте во время русско-японской войны. Собирая с миру по нитке вторую Тихоокеанскую эскадру, царское правительство в июле 1904 года купило большой пароход «Мария Терезия». Построенный четырнадцать лет назад на заводе «Вулкан», он имел водоизмещение 10 550 тонн и прекрасную по тем временам скорость — 19 узлов. Пароход быстро вооружили 14 орудиями и переименовали во вспомогательный крейсер «Урал». Экипаж крейсера составили 19 офицеров и 491 матрос.

Осенью «Урал» под командой капитана II ранга Панферова вместе со вспомогательными крейсерами «Кубань» и «Терек» вышел из Лива и присоединился ко второй Тихо-

«Урал» на бортах

**Сергей
ПОПОВ**

Канонерская лодка «Уралец»

океанской эскадре во время ее стоянки у Мадагаскара. Все три корабля вошли в разведывательный отряд капитана I ранга Шенна, брейдивмпел которого был поднят на крейсере «Светлана». Во время Цусимского сражения «Урал» пострадал больше других. В бою погибли почти все офицеры и большая часть матросов. Он поднял сигнал: «Имею пробойну, которую не могу заделать своими средствами». Уцелевших людей с «Урала» снимали пароходы «Русь» и «Свирь» и транспорт «Анадьрь». Покинутый «Урал» еще два часа качался на волнах, прежде чем его не добила японцы. 92 матроса во главе с капитаном II ранга Истоминым были доставлены в Шанхай.

В это же время в составе русского флота находилась канонерская лодка «Уралец». Этот сравнительно небольшой корабль водоизмещением 1 300 тонн, вооруженный пятью орудиями, был построен в Севастополе и всю свою жизнь мирно прослужил на Черном море. На нем будущий

академик А. Н. Крылов разработывал свой метод определения влияния качки на меткость артиллерийской стрельбы. Во время вооруженного восстания матросов в Севастополе в ноябре 1905 года команда «Уральца» полностью перешла на сторону восставших.

Во время первой мировой войны боевыми действиями на Балтике прославился новый «Урал». В июне 1915 года он был переоборудован в минный заградитель из торгового парохода «Ферт». Имея водоизмещение 2 400 тонн, скорость хода 11 узлов и небольшую осадку — менее пяти метров, «Урал» принимал на борт 360 мин. В апреле 1916 года минзаг выставил несколько тысяч мин в Ирбенском проливе, тем самым надежно перекрыв путь германскому флоту в Рижский залив.

Первую после Октябрьской революции зиму «Урал» провел с отрядом крейсеров в Ревеле. Весной двадцатого, когда к красному Петрограду рвались банды Юденича, поддерживаемые флотами интервентов,

минзат «Урал» выполнил указание В. И. Ленина о создании плотного минного заграждения в Финском заливе.

Перед самой Великой Отечественной войной имя «Урал» получил после переделки рефрижератор «Феликс Дзержинский».

С первого дня войны «Урал» в действующем флоте. 9 ноября 1941 года «Урал» в составе отряда кораблей — эсминца «Стойкий», лидера «Ленинград» и транспорта «Жданов», при сопровождении пяти базовых тральщиков, четырех малых охотников и двух торпедных катеров — вышел с острова Гогланд на осажденный полуостров Ханко для эвакуации его защитников. Наступили холода. Море кишело минами. Две попытки форсировать минные поля не увенчались успехом. Потеряв транспорт, с едва державшимся на плаву лидером «Ленинград», отряд вернулся на Гогланд. Через день «Урал», дождавшись нового отряда кораблей, предпринял вторую попытку прорваться к Ханко. Тяжелый это был поход. На минах погибли эсминцы «Гордый» и «Суровый», тральщик, морской охотник. На рейд Ханко пришли «Урал», тральщик Т-215 и догнавшие их три морских охотника. Лишь в конце ноября израненный «Урал» вернулся в Ленинград, доставив туда 4 500 гангутцев и 300 тонн продовольствия, так нужного осажденному городу...

В наши дни советский торговый и промысловый флот стал одним из самых больших в мире. Сразу четыре «Урала» трудятся в нем, черноморское транспортно-холодильное судно, сахалинский пароход, средний рыболовный траулер дальневосточных рыбаков и добывающее рыбомучное судно на Каспии. Под разными широтами можно встретить лесовоз «Ураллес» Дальневосточного морского пароходства. К Калининграду приписан большой рефрижератор «Уральские горы».

В Сибирь, за хлебом

**Василий
МАШИН**

В январе 1921 года в газете «Советская Сибирь», которая издавалась тогда в Омске, была напечатана статья Емельяна Ярославского. Получены сведения о том, — писал он, — что весной с открытием навигации в устьях наших северных сибирских рек будет доставлено 1 миллион 300 тысяч пудов разного рода машин, инструментов, в том числе 300 тракторов... В обмен на это Сибирь должна доставить к устью 600 тысяч пудов хлеба для Архангельской губернии, кожи, пушнину и графит.

Речь в статье шла об организации второй Карской экспедиции. Первая, как известно из истории освоения Арктики, была осуществлена, по указанию В. И. Ленина, в предыдущую навигацию. Грузооборот тогда был, правда, невелик, но население северных районов Поморья было тем не менее спасено от голода.

Для похода на Север были отобраны лучшие — по тем временам — суда.

В состав флотилии вошли штабной пароход «Омск», посыльный винтовой «Енисей», закопченные колесники «Добрыня», «Бурлак», «Чулым», «Заметный», «Волга»... Кроме барж с хлебом, пушнинной и кожами пришлось взять на буксир суда с дровами: там, в Обской губе, куда направлялась экспедиция, — голая тундра и топлива нет. На буксире тянули также брандвахту с многочисленным отрядом грузчиков.

Необычным было такое большое скопление судов на Иртыше. Сибиряки, высыпая толпами на берега, провожали караван напутственными криками.

Торжество царило в это время и в далеком от Иртыша Архангельске. Набережная в лозунгах и транспарантах. Морские корабли, вы-

строенные на рейде, украшены флагами расцветивания. Играет музыка.

В неимоверно трудных условиях готовили моряки суда для этой экспедиции. Нет запчастей, ветхий тарелаж, а самое главное — нет угля. Выручили водолазы: 3 500 тонн топлива добыли они из трюмов тех пароходов, что были потоплены немецкими подводными лодками в горле Белого моря в 1915 году.

Вслед за флагманом пароходом «Г. Седовым», пеня винтами воды Двины, потянулись «Сибиряков», «Малагин», «Пролетарий», «Север» и другие, взятые на буксир в целях экономии топлива. Их путь лежал через три моря — Белое, Баренцево и Карское — в Обскую губу и на Енисей.

Путь сквозь туманы и плавающие льды был труден и опасен, но участников этого похода воодушевляли слова приказа, отданного начальником экспедиции М. В. Николаевым и комиссаром С. В. Киселевым: «Вопрос доставки продовольствия из Сибири является вопросом жизни и смерти для всего Северного края Республики».

...У села Белогорье, где сливаются Иртыш и Обь, к омичам присоединилась еще одна флотилия, везущая туда же, в Заполярье, хлеб из Томска и Барнаула. Собралось пятьдесят вымпелов. После непродолжительной стоянки, которую использовали на пополнение трюмов дровами, двинулись дальше.

В пути участники экспедиции узнали, что в Обскую губу торопятся в сопровождении ледокола «Красин» заграничные суда — из Англии. Их трюмы наполнены различными товарами, предназначенными в обмен на сибирскую пушнину и сливочное масло.

До Нового порта, только что открытого на восточном побережье Ямала, добрались благополучно. Но

едва бросили якоря, как разыгрался шторм. Порывистый ветер пригнал из Карского моря большую воду. Вздучась Обская губа, потемнела. Необустроенная, открытая со всех сторон, бухта Нового порта покрылась пенистыми валами. Тут уж не могли удержать никакие якоря, и суда понесло на берег.

Пароходы «Заметный» и «Волга», молотя плицами и захлебываясь, днем и ночью оттаскивали баржи от берега. Многие суда дали течь, и матросы вместе с грузчиками из всех сил откачивали воду из трюмов, конопатили борта изнутри.

Более тридцати часов продолжалась схватка со стихией, а когда ветер утих, на горизонте показались архангельские корабли. Они разделились на два отряда: один ушел к устью Енисея, а другой бросил якоря здесь, в Новом порту. Потрепанные штормом, речные пароходы гордо приветствовали их сиплыми гудками.

Перевалка грузов с речных судов на морские началась тотчас же. Дорог был каждый час, каждая минута.

Вскоре в Новый порт прибыли иностранные корабли. Кушцы-менялы, жадно ощупывая драгоценные сибирские меха, полученные в обмен на железки, улыбались, довольные, и прищелкивали пальцами:

— О, много богата Россия!

Когда перевалка грузов была закончена, морские корабли снялись на Архангельск, на Лондон и Ливерпуль, а обь-иртышские речники повернули в обратный путь, везя в трюмах судов новенькие «Фордзоны», плуги и веялки, сенокосилки и молотилки, конные грабли, уголковое и кровельное железо, пилы, серпы, ружейную дробь, швейные иглолки...

«Северная товарообменная экспедиция, — писала в ноябре 1921 года газета «Советская Сибирь», — удалась... По Оби переброшено 1 111 000 пудов, по Енисею 360 000 пудов. В круглой цифре вся операция дала без малого полтора миллиона пудов грузооборота. Такой успех, достигнутый нами в безнадежном до Советской власти деле эксплуатации Северного пути, следует считать блестящим».

Тобольские шведы

Исай
КАПЛАН

После Полтавской битвы пленных шведов, как известно, поселили в разные города Европейской России. В 1711 году около девяти тысяч пленных были отправлены за Урал, где их разместили по городам и уездам обширной Сибири. Офицеров поместили в крупные города, нижние чины работали на заводах и рудниках.

Многие шведские офицеры, жившие в Тобольске, Тюмени и в других городах, были искусные кузнецы, столяры, сапожники, портные, ювелиры. Их изделия пользовались большим спросом по всей России. Те, кто не знали никакого ремесла, пользовались относительной свободой, торговали хлебом, вином и пивом, нанимались на службу. Среди пленных были музыканты, актеры, учителя.

В Тобольске есть каменное здание губернского казначейства, ажурно перекинутое над Прямым взвозом. В народе оно получило название «Шведская палата». И это не случайно: ее построили пленные шведы.

После заключения со Швецией Ништадтского мирного договора большинство пленных вернулись на родину. Многие шведы, находясь в Сибири, приняли православную веру и связали свою жизнь с этим краем.

В Тобольском филиале Тюменского архива хранятся документы о различных сторонах жизни пленных шведов, живших в Тюмени.

В 1971 году по просьбе шведского посла в СССР Гуннара Ярринга автором этих строк было выявлено и отобрано около 90 наиболее характерных документов о пребывании шведов в Тюмени и составлен к ним аннотированный перечень.

Для примера приведем аннотации к двум документам.

«4 октября 1718 г. Указ Сибир-

ской губернской канцелярии Тюменскому коменданту Дурново о выдаче шведским военнопленным поручикам У. Косту, И. Роткирху и другим, «принявшим службу царского величества», жалование по 2 рубля с полтиною и муки ржаной, овса».

А это аннотация к документу о возвращении шведов на родину.

«17 января 1722 год. Указ Сибирской губернской канцелярии в Тюменскую воеводскую канцелярию о предоставлении военнопленному фельдкомиссару Густаву Дункало двух ямских подвод и «прогонных» денег (в связи с выездом на родину шведских военнопленных по Ништадтскому мирному договору 1721 года)».

Через несколько лет в Тобольск пришла бандероль. В ней оказалась брошюра Гуннара Ярринга, изданная на шведском языке, с дарственной надписью на имя составителя перечня. Она называется «Пребывание шведских военнопленных в Сибири». В издание вошел весь аннотированный перечень документов с пояснением автора брошюры.

БЫЛИ ОБ АВТОМОБИЛЕ

**Николай
ИВЛЕВ**

*Рисунки
С. Мальшева*

После долгих поисков я обнаружил документы, которые позволили узнать, когда и как появились в начале века первые автомобили в Казахстане, точнее, в Акмолинской губернии. Она занимала территорию нынешних областей — Карагандинской, Целиноградской, Кокчетавской, Петропавловской и Омской. Административным центром Акмолинской области был Омск. Там жил военный губернатор, была его канцелярия.

Первый документ: прошение на имя акмолинского военного губернатора отставного штабс-капитана полевых инженерных войск Генриха Павловича Павловского от 9 августа 1907 года.

«Желая организовать автомобильную перевозку пассажиров между городами Петропавловском и селом Алексеевкой на протяжении 154 верст в течение летних месяцев... имею честь просить о предоставлении мне исключительного права в течение пяти лет эксплуатации механических двигателей на этом пространстве с правом взимания с каждого пассажира за провоз от 15 до 20 рублей. В случае получения положительного ответа и разрешения Вашего превосходительства имею в виду в первый же год поставить три автомобиля (трех-пятиместных). На каждом рассчитываю перевозить по три пассажира с небольшим багажом (без ящиков). Все расстояния автомобили будут проходить от пяти до семи часов с 15 апреля 1908 года. Ежедневно по утрам автомобиль будет выходить из села Алексеевка, другой — из города Петропавловска, третий остается в запасе.

Предлагаемое мною предприятие не может нарушить благосостояния почтовых станций, так как движение на этом протяжении значительно превосходит провозную их способность, в особенности в летнее время.

Отставной штабс-капитан Павловский был не стар и, очевидно, имел техническое образование. Жил некогда в Петербурге. Губернатор, прежде чем дать разрешение, стал наводить справки о штабс-капитане, о его благонадежности и о том, не

скажется ли автомобильное движение на почтовом сообщении. На запрос канцелярии губернатора петропавловский уездный начальник ответил, что «на станциях часто не хватает лошадей для проезжающих ввиду значительного движения по почтовому тракту». Значит, автомобили не составят конкуренции государственной и земской гоньбе по почтовому тракту. Наоборот, помогут в перевозке пассажиров. Пристав второго участка Литейной части Петербурга отвечал на запрос из Омска, что «Павловский за время проживания в доме № 104 по Невскому проспекту около двух лет в предусмотрительном ни в чем не замечался, поведения и образа жизни хороших. Служил помощником бухгалтера в Русско-Китайском банке».

Итак, канцелярия военного губернатора собирала сведения о личности штабс-капитана, а время шло. Чтобы ускорить ход событий, Павловский в соавторстве с неким техником Василием Гавриловым обращается с той же просьбой в Главное управление почт и телеграфов.

Ходатайство автомобилистов перед главным управлением почт и телеграфов было удовлетворено. Начальник этого управления осенью 1908 года писал акмолинскому губернатору: «Я не встретил препятствий к выдаче упомянутым лицам просимого разрешения с тем, чтобы при устройстве автомобильного движения они подчинились всем правилам, как существующим, так и впредь издаваться имеющим, относительно перевозки пассажиров и грузов в самодвижущихся экипажах, о чем предпринимателям и объявлено». И тут наконец-то акмолинский губернатор выдал разрешение. Однако... по каким-то причинам Павловский им не воспользовался.

Но идея об организации автомобильных перевозок по степным дорогам вскоре нашла продолжателей, в воздухе запахло бензином. Двенадцатого марта 1910 года артиллерийский капитан Порфирий Иванович Куклин составил прошение на имя акмолинского губернатора. Он сооб-

шал, что с 1 мая этого года открывает регулярное движение автомобилей между городом Петропавловском и станцией Боровое. А в скором будущем, если первый опыт автомобильного сообщения по маршруту Петропавловск — Боровое окажется удачным, Куклин предполагает открыть новые маршруты от Кокчетавы до Атбасара и до Акмолинска. На маршруте Петропавловск — Боровое он будет эксплуатировать не менее двух автомобилей. Они будут «лучших заграничных фирм», мощностью не менее сорока сил. Вместимостью на 7—9 пассажиров. Средняя скорость их движения — 60 километров в час. Приблизительная плата с пассажира — 8 копеек за километр.

Куклин был уже известен губернатору, и он выдает ему разрешение, но с оговорками, чтобы до открытия движения ему были представлены «подробные правила перевозки пассажиров», а автомобили подвергнуты тщательному освидетельствованию. Впрочем, в чем должно заключаться освидетельствование, не сказано. Надо полагать, что губернатор имел в виду проверку технического состояния автомобилей, надежности управления, тормозной системы и сигнализации.

«Правила для автомобильного сообщения» Куклин отпечатал в одной из частных типографий Петропавловска и три экземпляра представил губернатору. Это первые в Казахстане такого рода правила, невозможно удержаться, чтобы не привести некоторые пункты этого документа.

«Автомобильное сообщение устанавливается между пунктами Петропавловск — Кокчетав — Боровое — Акмолинск, а в период ярмарки и с городом Атбасаром.

Билеты действительны только на ту поездку и тот день, на которые проданы.

Билеты обратно не принимаются, и деньги за них не возвращаются.

Если поездка в назначенный день не состоится, билеты сохраняют свою силу впредь до поездки, причем лица, не желающие воспользоваться поездкой, могут билеты возвратить и деньги получить обратно.

Дети моложе 8 лет, если не занимают отдельного места, платят $\frac{1}{4}$ стоимости билета.

Для перевозки при автомобилях принимается только ручной багаж и количество не более одного пуда на пассажира. Багаж провозится бесплатно.

За всевозможные задержки в пути, происшедшие вследствие поврежденной машины или же по причине непогоды, тяжелой дороги и т. д., Куклин и К^о не ответственны: на обязанности компании лежит только доставление пассажиров до пунктов их конечного следования.

За могущие произойти в дороге

несчастные случаи, каковые бы ни были причины их вызвавшие, Куклин и К^о не отвечают.

В пути пассажиры обязаны подчиняться всем законным требованиям шоферов, причем жалобы на их действия принимаются в конторе сообщений — в г. Петропавловске.

По требованию контроля пассажиры обязаны предъявлять проездные билеты.

В интересах безопасности самих пассажиров строжайше воспрещено вмешиваться в действия шоферов по управлению машиной, а равно входить с ними в какие-либо соглашения относительно быстрой езды и т. д.

Курение табака при автомобиле воспрещается.

Разве утратил, например, последний пункт правил свою остроту. А требование предпоследнего пункта?

Отдадим должное Порфирию Куклину за безусловно разумное требование многих его первых правил поведения пассажиров в автомобиле.

Губернатор или чиновники его канцелярии, однако, заметили, что пункт об авариях не соответствует общественным интересам. Он освобождает от ответственности за возможные несчастные случаи из-за неисправности автомобиля и несоблюдения водителем требований безопасного движения.

Куклин пишет губернатору: «Компания может принять на себя ответственность лишь за те несчастные случаи, которые произошли по неисправности машины, в остальном же принять на себя ответственность считает невозможным и несправедливым, ибо это остальное лежит за пределами человеческого предвидения».

Куклин пытался снять с себя ответственность за все несчастные случаи по вине водителя: наезд на пешехода, аварии из-за превышения скорости, неосторожная езда на опасных участках дорог, на переправах и т. п.

Губернатор тоже пошел на уступку и согласился, чтобы этот пункт «был изменен в том смысле, что за всякие последствия от несчастных случаев, происшедших от неисправности автомобиля или от недосмотра шофера, должен отвечать предприниматель» совместно с водителем.

Куклин вынужден принять требование губернатора. Разрешение получил. Автомобили выписал. В типографии отпечатал «Расписание рейсов автомобильного пассажирского сообщения» на май 1910 года. Экземпляры расписания расклеены на городских тумбах объявлений, на дверях железнодорожного вокзала и «присутственных мест», на базаре Петропавловска. Расклеены в Атба-

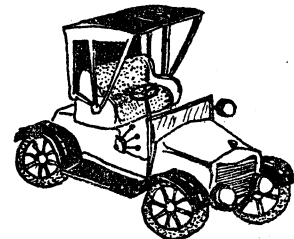
саре, Боровом и Кокчетаве. С помпезностью разрекламировал он свое «автомобильное предприятие» не только в петропавловской газете. Объявления появились в газетах Омска, Кургана, Оренбурга, Семипалатинска.

Однако компания прекратила свою деятельность в том же году. Во всяком случае, петропавловский уездный начальник 19 октября 1910 года рапортовал акмолинскому губернатору, что автомобилей в его уезде не имеется. Вероятно, Куклин сбыв автомобили за пределы уезда.

В том же, 1910 году член Акмолинской городской управы Д. И. Толлоков ходатайствовал о выдаче ему разрешения на организацию автомобильных перевозок. Он собирался выписать из Парижа большой автомобиль. Плату за провоз от Акмолинска до Петропавловска намерен брать в размере 30 рублей с каждого пассажира с грузом до двух пудов. Разрешение получил, но движение отчего-то не открыл.

В 1910 году на дорогах было совсем не тесно автомобилям, но у дверей губернатора наблюдалась явная толкучка желающих открыть автомобильные конторы. Им мерещился золотой теленок в сизом облачке автомобильных выхлопных газов. И губернатор щедро выдавал разрешения.

Предприятие Куклина оказалось убыточным. Из-за дороговизны проезда. Пользоваться автомобилем могли лишь высокооплачиваемые чиновники. За каждую версту бралась плата (минимальная) 8 копеек, а расстояние между указанными пунктами равнялось 240 верстам. Проезд стоил 19 рублей 20 копеек. Мелкие чиновники и рабочие получали месячное жалование от 20 до 50 рублей. Квалифицированные рабочие, как машинисты паровозов, телеграфисты, получали в месяц 50—70 рублей. Мог ли рабочий, мелкий служащий пользоваться дорогими услугами автомобильного транспорта того времени?

САШКА С ОСТРОВА ИТУРУП

**Борис
АЛЕНКИН**

*Рисунки
С. Сухова*

В ту весну мы работали в Итурупе, самом крупном из островов Курильской гряды. Времени было в обрез. А тут пошли затяжные дожди, и мы застряли в поселке на севере острова.

Вместе с нами коротали время три геолога. У них имелась машина, и они согласились взять нас до города Курильска, куда нам нужно было попасть позарез.

На четвертый день дождь кончился, и мы пустились в дорогу через весь остров.

Езда в кузове грузовика по весенней дороге — пытка неопишемая, хотя за много лет работы на Дальнем Востоке посмотрелся всяких дорог. Особенно неуютно чувствовали мы себя на крутых и долгих подъемах. Одолеть их с ходу не могла даже сильная машина с двумя ведущими мостами. Чтобы облегчить путь, на обочине устроены небольшие площадки. Машина поднималась чуть выше такой площадки, потом сдавала назад. Отдохнув, набравшись сил, ревя мотором от натуги, она карабкалась наверх. Езда небезопасная — сзади площадка почти всегда оканчивалась обрывом.

Но за все эти неудобства и страхи мы были вознаграждены тем, что видели по дороге.

В распадах весело звенели горные ручьи. А в глубоких лесных лужах стояла такая чистая вода, что были видны прожилки на молодых листьях подорожника.

В одном месте, где дорога была посуше и по ровнее, машина остановилась. Она выбилась из сил, двигатель ее перегрелся, и ей дали отдохнуть. Мы присели на холмике, заросшем черемшой, и я попросил геолога, ехавшего со мной и донимавшего меня своими стихами в поселковой гостинице все три дня, объяснить происхождение таинственных Курильских островов.

— Курильские острова, Курильская гряда, Курильское ожерелье — это целая страна в океане, протянувшаяся на тысячу километров от Японии до Камчатки. Если бы океан ушел отсюда, обнажились бы высочайшие вершины, по сравнению с которыми самая высокая гора земли Джомолунгма-Эверест казалась бы средней величины. Остров Итуруп, как предполагают ученые, вырос из нескольких вулканов. Во время извержений вулканические бомбы, пепел и лава засыпали и заливали перешейки между вулканами. Так образовался новый остров. Курилы сравнительно молоды. Лучше всего их молодость подтверждают реки, у которых нет привычного для нас устья. Вода их не впадает, а падает в море или океан прямо с краю высокого берега. Потому что реки не успели еще пробить себе русла в земле и базальте островов. О молодости их говорят и десятки действующих вулканов, и частые землетрясения и моретрясения — цунами... Это вам короткое научное объяснение. Но о происхождении Курильских островов я слышал легенду, красивую и довольно правдивую.

— А от кого вы ее слышали?

— Сашка рассказал. Сильно думаю, что он и автор ее.

— Какой Сашка?

— Сашка с Чертова моста. Фамилии его я не знаю. Все зовут просто Сашка, он не обижается.

Сашка! Это имя я слышал в дороге несколько раз. Геологи говорили:

— Нам бы только до Сашки добраться!

А позже, когда мы добрались до Сашки и поехали дальше, я убедился, что вторая половина дороги ничуть не легче первой. Очевидно, геологи имели в виду не трудности пути.

— Так кто же этот таинственный Сашка, о котором я уже слышал?

— Скоро познакомитесь с ним, сами и узнаете. Он теперь за непогоду соскучился по людям, намолчался. Добрый и доверчивый человек. Иногда наивен, как ребенок. У нас говорят: кто Сашку обидит, того бог накажет... Сашка любит Курилы, расскажет обо всем, что ни спросите. Великую Отчественную прошел от и до. Отвоевал одну, отправился на другую, с Японией. По пути проез-

жал он разбитый немцами родной город. Пока поезд стоял, побежал проведать семью. И узнал, что все погибли: жена, мать, отец...

Потом Сашка, освобождал Южный Сахалин, Курилы, пришлось ему эти места по душе, и он остался здесь. Говорит, что навсегда. Работает и живет Сашка возле моста, который кто называет Чертовым, кто Пьяным. Отдыхают в том месте, перекусывают, а то и позволяют себе стаканчик. Может, назвали так мост потому, что он немного раскачивается... Сашкин дом вроде зимовья, хотя и велик для него. Скорее, он постоянный двор. Но как ни называй, а порядок там такой: кто бы, в каков бы время дня и ночи ни заехал к Сашке, он всегда встанет, затопит печку, вскипятит чай, предложит обсушить одежду. Содержит зимовье контора связи. Кроме того, Сашка, тут вроде лесника и егеря. За тайгой следит, как за собственным домом. Видели на опушке скамеечки и щиты рядом с ними? Его рук дело...

Да, я видел любовно сделанные и умело покрашенные скамеечки, ямки рядом с ними — для окурков, щиты с надписями:

Не поднимай на лес руку,

Он послужит и сыну и внуку.

До зимовья Сашки мы добрались вконец измученные. Всю дорогу машина то и дело буксовала. В некоторых местах мы так и не забирались в кузов, а шли рядом с едва ползущим грузовиком.

Когда осторожно въехали на мост, называемый Чертовым и Пьяным, он и впрямь немного раскачивался.

Под ним звенел горный ручей, чуть поодаль стоял бревенчатый добротный дом. На крыльце сидел человек небольшого роста, в просторной рубаше, выпущенной поверх штанов. У него было доброе лицо, совсем белые волосы и мягкая под ветерком борода.

Спутники мои в это время располагались на берегу. Я боялся, что кто-нибудь их них позовет Сашку и помешает мне поговорить с ним. Поэтому я поспешил напроситься к нему в гости. Он обрадовался и сказал, открывая добротную дверь:

— Милости просим! Посмотрите мою избушку на курьих ножках, отдохните, а потом будем разговоры разговаривать.

«Избушка на курьих ножках» оказалась светлым и просторным помещением. В меньшей, хозяйской, половине, между стеной и печью стояла высокая кровать, покрытая толстым одеялом из разноцветных лоскутов. Такие одеяла я часто видел в деревнях средней полосы России.

Еще стоял стол со стареньким приемником на нем. В большой комнате вдоль стен тянулись мягкие нары, обитые дерматином и похожие на длинные широкие диваны. Здесь путники пережидали погоду или просто отдыхали.

Все это время на меня из-под высокой Саш-

киной кровати негромко и как-то застенчиво лаяла крупная мохнатая собака. Я искоса поглядывал на нее, потому что ранее не раз был ку-сан. Сашка успокоил меня:

— Собака смиренная. Была смелая, на медведя ходила. А раз без меня попала в лапы к зверю и как вырвалась, ума не приложу. Теперь побаивается даже людей...

Нас все-таки зазвали на берег ручья. Сашка сочувственно смотрел, как резали колбасу, сыр, хлеб. Потом предложил:

— Может, вам свежей черемши принести?

— Спасибо, Сашочек, ее тут хоть косой коси. Даже обидно, сколько добра пропадает.

— Пропадает, однако, не вся. Я ее три бочки засолил.

— Куда так много одному?

— Не вся для себя. Будет и гостям. Мне-то одному много ли надо? Очень нужная для организма травка, эта самая черемша. Многие болезни предупреждает, а пуще всего цыngu. Зубы от черемши бывают белые. А вяленых хариусов хотите?

— Вот их неси, добрая ты душа! Хариус, да еще тобой завяленный, это, брат, такой деликатес, что пальчики не только оближешь, а и откусишь...

Сашка принес связку вяленой рыбы, но пить с нами отказался.

— Саша, а не страшно одному жить в такой глухомани?

— Нет, не страшно. Да и какая же тут глухомань? Народу на Курилах все больше и больше. Рыбаки, геологи, колхозники, моряки, строители, а теперь и туристы подались в наши места. Однако мало еще люди знают о Курилах. Одно известно — край света. Даже такое есть на Шикотане, которое называется — Край света. Однако, если побываете там, то увидите, что красивее тех мест нет. Каменная береза растет рядом с магнолией, а дикий виноград с пихтой. А лопухи такие, словно по джунглям бродишь. Легко и заблудиться. Листом лопуха, как зонтиком, можно укрыться от дождя.

О наших снегопадах я расскажу вам такой случай. Помню, один раз летом увидел я рукавицы, заткнутые между изолятором и верхушкой телефонного столба. Как они попали на такую высоту и зачем, думаю? Оказывается, зимой, после метели, шли на лыжах монтеры, линию чинили. Кто-то из них во время работы снял рукавицы, засунул за изолятор да и забыл. Представляете, какой высоты заносы!

— Саша, мне сказали, что вы знаете легенду о древнем народе, жившем на Курилах, о происхождении островов. Расскажите, а...

Сашка улыбнулся польщенный, потом начал неторопливо, как заправский сказочник.

— Давно-давно это было. Была на свете одна прекрасная страна. Лежала она далеко в океане.

Ни одну страну природа не одарила так щедро, как эту. Высокими горами, на вершинах которых отдыхали облака. Живописными долинами, благоухавшими цветистым разнотравьем. Горными реками, чистыми, как роса утреннего луга. Высокими светлыми лесами, где деревья росли рядом с цветами, огромными, будто кедры. В тайге жили лисы и песцы, соболи и медведи. А на побережье и в прибрежных водах тюлени и морские львы, киты и моржи, морские котики и морские бобры-калавы.

Дети этой страны были люди чистые и мудрые, свободолюбивые и гостеприимные. Они жили в мире и согласии со всеми соседями. И только вероломные чужеземцы были им ненавистны. Много раз хитростью и обманом пытались они покорить эту страну. И однажды им это удалось. Напав, они убили стариков и детей, сожгли пастбища и леса. Земля попросила защиты у океана. Океан мог сделать лишь одно — он принял к себе эту землю. Но горные вершины были так велики, что даже океан не смог скрыть их в своих бездонных глубинах. И до сих пор стоят среди океана эти вершины, ставшие островами. Многие из них стали вулканами... И до сих пор клокочет в них ярость и негодование против вероломства и подлости... Ну, как сказка?

— Сами придумали или слышали?

— Что слышал, что само сложилось. Один живу, думы всякие приходят.

— И всегда один?

— Была у меня подруга в коротком процессе жизни. Сначала просто знакомочка, а потом вроде как женой стала. Она у нас с почтой ездила. На личность пригожая и складная, как полярная куропатка. Сперва все по-людски было. Потом, гляжу, затосковала. Сидит вот здесь на берегу ручья, как Аленушка в картине художника Васнецова. Стала уговаривать меня уехать отсюда. Поедем, говорит, в Головинино. Это село на острове Кунашир. Ты там, мол, будешь анфельцию ловить, а я в совхоз «Дальний» поступлю дояркой на ферму. Анфельция, если не знаете, это такая морская трава, из которой делают вещество агар-агар. По виду не отличишь от студня, а вот без этого студня и мармелад не сварить и самолет не сделаешь.

И она меня не уговорила, чтобы уехать, и я ее, чтобы остаться. Не могла понять, что самая для меня большая радость, когда приедут в мой домик люди или даже один человек, промерзшие, промокшие... А у меня — Ташкент! Так и уехала моя Аленушка, ее Еленой Алексеевной звали. И сейчас через проезжающих поклонны мне передает, все надеется... А я отсюда никуда уезжать не собираюсь.

Ну а вы, если выберетесь еще к нам на Итуруп, приезжайте ровно через два месяца. В это время, хоть по численнику сверяйтесь, пойдет из океана на нерест лосось. Заодно покажу камен-

ный орган. Вот это уж, правда, чудо из чудес. И правда, уж очень похожа скала на трубу для органа. Говорят, что в сильный ветер орган играет, но я сам не слышал и греха на душу брать не буду...

Меня ждали, я торопился, но все время помнил совет геолога — спросить Сашку о его мечте. На мой вопрос об этом, он не спешил отвечать. Потом сказал, смущаясь:

— Только не улыбайтесь моей мечте. Хочется мне на уклоне моих лет повидать теплое море, отдохнуть пару месяцев, накопаться вдосталь, на солнышке пожариться... Будете в Курильске, напомниме кому следует.

— Саша! Но ведь здесь и так вода кругом. Есть места, откуда можно видеть сразу и Охотское море, и Тихий океан...

— Так-то оно так, а все-таки... — виновато недосказал Сашка.

Через несколько часов мы были в Курильске, при въезде в который стояла арка из двух огромных ребер кита, соединенных сверху спланным позвонком. Здесь мы управились с делами быстрее, чем думали, и я зашел узнать насчет путевки, обещанной Сашке. Оказывается, путевка уже выписана, ждала в райкоме своего владельца.

В гостинице я долго не мог заснуть. Все вспоминал Сашку. Наверное, ему тоже не спалось в ту ночь. Мне казалось, что виделось ему теплое южное море, пальмы и кипарисы на берегу.

...Научиться бы жить, как Сашка, когда о тебе всегда кто-то помнит и ты хоть немножко кому-то нужен.

ВЫ СПРАШИВАЛИ...

В редакцию часто приходят письма с вопросами о том, где получить ту или иную профессию. Иной раз, думается, нашему читателю проще было бы взять справочник для поступающих в учебные заведения, полистать его. Но когда читаешь обратные адреса, понимаешь, что там, в далеких северных или степных поселках, в маленьких лесных деревнях, трудно или даже невозможно отыскать этот самый справочник. А в редакции он есть.

«...Куда можно поступить в Тюменской области, чтобы выучиться на лесотехнические специальности?»

Люба ПОВАРНИНА,
поселок Сумкино
Тобольского района.

Поступить можно в Тюменский лесотехнический техникум Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР. Его адрес: г. Тюмень, ул. Луначарского, 19. Сообщаем и перечень специальностей: технология лесозаготовок, лесопильно-деревообрабатывающее производство, оборудование лесозаготовительных предприятий и лесного хозяйства, строительство и эксплуатация лесовозных дорог, бухгалтерский учет.

«... Мы с подружкой решили стать модельерами. А где научиться этой профессии?»

Оля ШАБАШОВА,
Таня БЕЛОЗЕРОВА,
г. Вологда».

Модельеров готовит Московский ордена Трудового Красного Знамени текстильный институт. Его адрес: г. Москва, В-419, ул. Донская, 26. Документы о поступлении высылаются на факультет прикладного искусства, с указанием специальности — художественное оформление и моделирование изделий текстильной и легкой промышленности.

«... Мне очень нравится изучать иностранные языки. Времени зря не теряю, изучаю два — немецкий и французский, занимаюсь стенографией. Хочу учиться дальше...»

Света ЕЛЬЦОВА,
Свердловская область».

Разумней всего поступить в педагогический институт, на отделение иностранных языков. Затем проверить свои способности на преподавательской работе. Таких институтов в стране — 187! Ближайший — Свердловский государственный педагогический институт. Он находится по адресу: г. Свердловск, ул. Карла Либкнехта, 9.

«... Меня интересуют сельскохозяйственные техникумы. А живу я в Горьковской области.»

Дорогой Коля! Едва ли нужно искать техникумы на стороне — в твоей родной области их целых пять — Арзамасский совхоз-техникум им. В. А. Новикова (г. Арзамас, ул. К. Маркса, 58), Ардашовский сельскохозяйственный техникум (р.п. Ардашово Ардашовского района), Ветошкинский сельскохозяйственный техникум (с. Ветошкино Гачинского района), Ильино-Заборский сельскохозяйственный техникум (п. Ильино-Заборское Семеновского района), Работкинский совхоз-техникум (с. Работки Кстовского района).

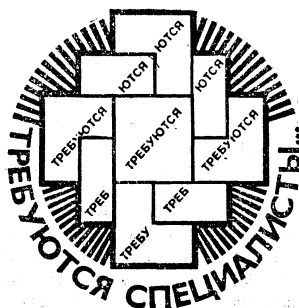
«... У нас с другом возник спор. Он говорит, что в Томске есть геологический или топографический техникум, а я говорю — нет такого... Рассуди нас, «Уральский следопыт».

Юрий КОПАНИЦЫН,
Кемеровская область».

Твой друг, Юрий, прав. Томский геологоразведочный техникум расположен по адресу: г. Томск, ул. Гагарина, 11. Специальности такие: геофизические методы поисков и разведки месторождений полезных ископаемых, техника разведки месторождений полезных ископаемых.

Желаем удачи, друзья, и ждем новых писем. Спрашивайте обо всем, что касается профессии, и особенно о тех, про которые трудно что-либо узнать на месте.

Рубрика «Требуются специалисты» — к вашим услугам.

БЕЗ ПОЧЕРКА НЕ НАПИШЕШЬ...

Евгений
ИЩЕНКО

кандидат юридических наук

Почерковедение помогает не только криминалистам, но и, например, литературоведам.

Был случай, почерковеды, исследовав рукопись поэмы, автором которой был якобы Н. Некрасов, установили, что ее сработали под Некрасова два ловких версификатора. Почерковеды установили также и то, что покаянное письмо к царю писал... не Пушкин.

Долгое время одни пушкинисты считали это письмо, найденное в личном архиве Бехметьева,

автографом поэта, а другие полагали, что оно — фальшивка.

Почерковедение нужно и в нотариальном деле, когда необходимо установить подлинность завещания.

Почерковедение также помогает определить, кто сделал ту

или иную запись в вахтенном журнале корабля, потерпевшего катастрофу.

Почерковедение участвует в психиатрической экспертизе,— словом,

оно применимо во многих областях жизни.

А можно ли точно установить, «кто составил и написал исследуемый документ или преступных целях!» — спрашивают читатели. Да, на эти вопросы криминалисты отвечают уверенно и безошибочно.

Раньше, правда, не обходилось без курьезов. Особенно процветавшая в прошлом и начале нынешнего века школа изучения почерка, получившая название графологии, возвела почерк человека в некий абсолют, в универсальную отмычку, позволявшую буквально залезть в душу писавшего, определить не только черты его характера, но даже способности и наклонности.

«Внимательно прочитав курс графологии,— писал А. Веринар в изданной в 1889 году в Одессе книге,— всякий может изучить графологию в продолжение недели настолько, чтобы быть в состоянии отмечать выдающиеся черты умственных и нравственных свойств человека. Но необходимо несколько месяцев усидчивого и внимательного труда, чтобы быть в состоянии уловить мелкие, менее выдающиеся черты характера и чтобы из совокупности этих черт сделать общий вывод о внутренних свойствах каждого данного лица».

Графологи утверждали, например, что открытые сверху гласные буквы означают добродушие, миролюбие, доверчивость и способность к глубоким привязанностям. Открытые снизу гласные, наоборот,— лицемерие и лживость, закрытые гласные — замкнутость и т. д. Первое сочинение по графологии вышло еще в XVI веке и называлось «Рассуждение о способе узнавать обычаи и качества писавшего по его письму». Его автор — итальянец Камилло Бальдо. Последние сочинения по этой «науке» выходят на Западе и по сей день, там графология продолжает иметь многочисленных сторонников. Правда, теперь графологи не договариваются до того, что по почерку можно определить телосложение, цвет глаз, голос человека и даже... есть ли на его щеках румянец.

Однако, критикуя школу графологов, необходимо признать, что не-

кое рациональное зерно в их рассуждениях о почерке все же имеется. Не зря Е. Ф. Буринский утверждал, что «раскопки в почерках могут дать не меньше исторического материала, чем раскопки в курганах», а Стефан Цвейг на книжной выставке в Лондоне произнес взволнованную речь «О смысле и красоте рукописей», в которой призывал изучать внутренний мир композиторов по их манере письма.

«Вот крупный, размашистый, серьезный почерк Генделя. В нем чувствуется могучий, властный человек и как бы слышится мощный хор его ораторий, в которых человеческая воля облекала в ритм необузданный поток звуков. И как приятно отличается от него изящный, легкий, играющий почерк Моцарта, напоминающий стиль рококо с его легкими и затейливыми завитушками, почерк, в котором ощущается сама радость жизни и музыка. Или вот тяжелая, львиная поступь бетховеновских строк; вглядываясь в них, вы словно видите затянутае грозовыми облаками небо и чувствуете огромное нетерпение, титанический гнев, охвативший глухого бога. А рядом с ним — какой контраст! — тонкие, женственные, сентиментальные строчки Шопена или полные размаха и в то же время по-немецки аккуратные — Рихарда Вагнера. Духовная сущность каждого из этих художников проявляется в этих беглых строках отчетливее, нежели в длинных музыкально-ведческих дискуссиях, и тайна, священная тайна их творческого «Я» раскрывается полнее, чем в большинстве их портретов. Ибо рукописи, уступая картинам и книгам по внешней красоте и привлекательности, все же имеют перед ними одно несравнимое преимущество: они правдивы. Человек может солгать, притвориться, отречься, портрет может его изменить и сделать красивее, может лгать книга, письмо. Но в одном все же человек неотделим от своей истинной сущности — в почерке. Почерк выдает человека, хочет он этого или нет. Почерк не повторим, как и сам человек, и иной раз проговаривается в том, о чем человек умалчивает... самое существенное в человеке, как бы квинтэссенция его личности, все же пере-

дается в нем, как в крохотной миниатюре».

Криминалисты установили, что почерк действительно связан с самой сущностью человека, ибо определяется так называемым динамическим стереотипом — условно-рефлекторной системой движения, включающей в себя автоматические и сознательные компоненты. Исследованиями установлено, что ранения в левую височную область неизбежно влекут за собой распад почерка. Расстраивается способность к письму, а при повреждении задне-верхних отделов левой височной области эта способность пропадает совсем. Правильное начертание букв зависит от аппарата коры головного мозга, находящегося в теменно-затылочной области. Однако с процессом письма связан не только мозг, но и костно-мышечный аппарат и периферическая нервная система.

Связь между личностью человека и его письмом используется при расследовании уголовных преступлений. Рассматривая почерк как составную часть письменной речи, криминалисты при анализе этих сторон могут многое рассказать об авторе рукописного документа. Необходимость в установлении автора не только по почерку, но и по письменным признакам речи возникает тогда, когда текст пишется измененным почерком. Даже просто наблюдательный человек, анализируя документ, может примерно назвать круг людей, среди которых следует искать автора. Для этого нужно уяснить назначение документа, мотивы, двигавшие автором при его составлении, и то, кому этот документ выгоден. Практика показывает, что из каждых трех анонимных писем два пишутся измененным почерком. Но как человек ни старается скрыть свой почерк, как ни хитрит, а неизменяемые особенности его почерка так и остаются неизменными.

Конечно, устная и письменная речь одного и того же человека различны. Но, как показали исследования лингвистов, точек соприкосновения между устной и письменной речью одного и того же лица куда больше, чем различий. Чтобы суметь выявить в письме признаки устной речи, криминалисты основательно изучили и освоили целый комплекс филологических наук, включая структурную и математическую лингвистику.

И не напрасно говорится: язык мой — враг мой. Выявив в письме диалектологические признаки, криминалисты могут установить место длительного проживания человека, а с помощью признаков модификации определяют родной язык писавшего. Пишущий или говорящий на неродном языке, например, на русском, автоматически, помимо своей воли переносит в него закономерности

родного языка. При этом по рукописям можно установить родной язык писавшего или говорившего.

...В лесу, неподалеку от аэропорта, охотники наткнулись на труп женщины. Убитая была одета в жакет, в кармане которого при осмотре места происшествия следователь нашел письмо. Кто-то, знавший потерпевшую еще в годы совместной учебы, умолял ее о новой встрече во имя первой любви. Конверт письма был проштемпелеван почтовым отделением одного из городов Крымской области три месяца назад. Личность убитой удалось установить довольно быстро. Осталось найти убийцу. Возникло предположение, что им мог быть, в частности, автор найденного любовного письма.

Следователь направил письмо на исследование. Проанализировав текст письма, криминалисты по признакам модификации пришли к выводу, что хотя оно и написано по-русски, все же родной язык писавшего, очевидно, дагестанский. В архивных документах следователь установил, что, когда убитая училась на первом курсе техникума, в числе выпускников был студент родом из Дагестана. Круг замкнулся.

Задержанный сразу сознался в убийстве, хотя никак не мог взять в толк, как сумели раскрыть его преступление. От места происшествия его давно отделили тысячи километров, ни одного свидетеля не было, ни один человек не знал о случившемся в тот пасмурный осенний день. Потерпевшая оказалась в тех краях в первый и последний раз, девяносто дней дожди и ветры помогли убийце скрыть следы преступления. Письмо? Но в нем только общие фразы. И все же оно стало уликой.

В раскрытии загадок письменных знаков большую помощь криминалистам оказывают сейчас умные детища кибернетики — электронно-вычислительные машины. Напомним уважаемым читателям, что область научных исследований, в которой используются методы и достижения кибернетики, все более расширяется. Это и автоматизация производственных процессов, и полеты космических кораблей в околоземном пространстве и к другим планетам солнечной системы, и регулирование транспортных потоков в больших городах, и разработка народнохозяйственных планов, и постановка медицинско-диагноза, и перевод с одного языка на другой, и теория наследственности организмов, и... В общем, трудно назвать область деятельности, где человек не поручал бы сейчас часть мыслительной деятельности своим верным помощникам — ЭВМ.

Не составляют исключения и криминалистические исследования различных письменных документов,

Более сорока народностей РСФСР имеют свою письменность. Человеческая память просто не в состоянии удержать признаки письменной речи десятков народов, не очень-то облегчают эту задачу и справочники и пособия. А память ЭВМ легко вместит признаки всех имеющих письменность народов мира, запомнит диалектологические и другие особенности письменной речи. И не просто вместит и запомнит, а буквально через минуту ответит на запрос криминалиста, поможет ему быстро и безошибочно установить автора исследуемого документа.

Сейчас при анализе документов криминалисты могут установить профессию их автора, определить его психофизическое состояние, узнать, не перенес ли он травму мозга и даже некоторые особенности его внешности и состояния здоровья. Например, сильно вытянутые в длину, ширину или наискось буквы, сдвоенные штрихи и некоторые другие особенности выдают человека, страдающего астигматизмом — серьезным расстройством зрения. По этим признакам однажды удалось в течение двух суток найти опасного преступника.

А в Москве был такой случай. Преступник на месте совершения грабежа бросил дерзкую, циничную записку, в которой бахвалится, что его не поймают. С запиской ознакомили эксперта-криминалиста, мастера по исследованию письменных документов. Изучив текст и особенности почерка, он высказал предположение, что у писавшего нет левого глаза. На этот дефект зрения указывали характерные неправильности письма. Такая важная примета очень облегчила работу уголовного розыска, и преступник был арестован. Вывод криминалиста нашел подтверждение: у арестованного грабителя отсутствовал левый глаз.

Почерковедение помогает не только криминалистам, но и, например, литературоведам. Был случай, почерковеды, исследовав рукописи поэмы, автором которой был якобы Н. Некрасов, установили, что ее сработали под Некрасова два ловких версификатора. Почерковеды установили также и то, что покаянное письмо Пушкина к царю писал... не Пушкин. Почерковедение нужно и в нотариальном деле, когда необходимо установить подлинность завещания. Почерковедение также помогает точно определить, кто сделал ту или иную запись в вахтенном журнале корабля, потерпевшего катастрофу. Почерковедение участвует в психиатрической экспертизе. Словом, оно применимо во многих областях жизни.

СОВЕСТЬ — ВДРЕБЕЗГИ

Над магистралью Москва — Симферополь висел осенний туман. Редкие машины шли медленно, с зажженными фарами. Вдруг свет фар одной из них осветил лежавшую на обочине скрюченную человеческую фигуру. Что произошло? Гражданин М. остановил свой «Москвич», подошел к лежащему. На его пальто расплывались от туманной сырости следы протектора автомобильных колес. Мужчина был мертв.

М. сообщил посту ГАИ об увиденном.

На место происшествия выехал следователь, однако ничего кроме осколков стекла ему обнаружить не удалось. Всем постам ГАИ было дано задание: установить автомашину, имеющую разбитое или только что замененное стекло фары.

Оперативность дала результат. В семидесяти километрах от места происшествия на обочине стояла «Волга». Когда инспектор дорожного надзора подъехал к ней, то ее хозяин как раз собирался вставить в левую фару новое стекло, — сидя на корточках, он выбирал оставшиеся в ободке осколки.

— Вот, кусок гравия из-под колеса «газика» вылетел и — прямо по фаре, — объяснил он. — Хорошо хоть не по лобовому стеклу.

— Да, хорошо. А где это произошло?

— Километрах в сорока отсюда, — владелец «Волги» махнул рукой в сторону, противоположную месту трагического происшествия.

«Волга» в присутствии понятых была осмотрена, из ободка фары извлекли чешуйки стекла. Подобрали и крупные осколки. Эксперт установил, что осколки, найденные в одежде трупа, совмещаются с ос-

колками, вынутыми из ободка фары, по линиям.

Под микроскопом приложились и мелкие осколки к более крупным.

Услышав «рассказ» осколков, подозреваемый тоже заговорил о том, как ехал на недопустимо высокой скорости, как сбил человека, как, испугавшись, трусливо скрылся с места происшествия.

ПОТ, ДА НЕ ТОТ

Весенний вечер во дворе дома № 20 по улице Боровой... Еще минуту назад группа ребят бродила по двору, обсуждая подробности нового кинофильма, а теперь — злобные выкрики и удары. Проходивший мимо группы парень толкнул крайнего из них, Игоря, который сделал ему резкое замечание. В ответ немедленно последовал удар кулаком в лицо. Игорь ответил тем же, и вот двое отчаянно дерутся. А потом незнакомец бежит к трамвайной остановке и уезжает.

Ребята подняли шапку-ушанку, оброненную незнакомцем, вернулись во двор и увидели... Игорь лежит в луже крови. Через несколько часов он умер в больнице от проникающего ножевого ранения.

Лезвие ножа, извлеченное хирургом при операции, шапка-ушанка, оброненная убежавшим зачинщиком драки, — вот все, что оказалось у следователя.

По описаниям свидетелей был составлен словесный портрет преступника, который полностью совпал с портретом хорошо известного милиции Бурова, ранее судимого за кражу, который на следующий после происшествия день уволился с работы, объяснив в отделе кадров, что накануне с кем-то подрался и, чтобы избежать возможных неприят-

ностей, решил сменить местожителство. Скрыться Бурову не удалось, его задержали.

Уверенно опознанный очевидцами драки, а также кондуктором трамвая, увезшего убийцу Игоря, Буров все же отрицал вину, заявляя, что во дворе дома № 20 его в тот вечер не было и в драке там он не участвовал. Шапка на нем была точно такая же, как и та, что найдена на месте преступления. И немудрено: местная фабрика шила шапки этого фасона уже который год...

Чтобы научно проверить показания Бурова, следователь назначил биологическую экспертизу. Предстояло установить: шапка, найденная на улице Боровой, принадлежит Бурову или кому-то другому. Сделали анализ пота. Один из его компонентов — серин — дает характерную химическую реакцию, так можно определить групповую принадлежность крови.

Однако результат исследования оказался неожиданным: на шапке был обнаружен пот, да не тот. Выходило, что у ее владельца вторая группа крови, тогда как у Бурова была первая. Значит, шапку действительно носил не Буров? Не может быть, чтобы все свидетели ошиблись!

Дело принимало трудный оборот.

Однако следователь продолжал работать и вскоре напал на след некоего Сомова, тоже ранее судимого. Этот парень, очень похожий на Бурова (редкий случай в следственной практике), тоже отрицал свое участие в драке на улице Боровой. А шапка у него была точно такая же, как у Бурова, только совсем новая. Анализ показал: шапку, найденную на улице Боровой, носил Сомов, он и убийца. Позже были получены и другие веские доказательства виновности Сомова.

Облако, золотая

Повесть-сказка
в письмах

**Владимир
СОКОЛОВСКИЙ**

Рисунки
А. Банных

Письмо первое

Любезный друг мой, Олег Платонович!

Только ли взаимным уговором не забывать друг друга и обмениваться весточками о течении нашей жизни следует объяснить нетерпение, с которым ждал я времени, когда смогу наконец сесть за стол и солидно, обстоятельно описать Вам свое пребывание в местах, в которых оказался волею судьбы?

Должен сказать, что здешние старики просто обожают ходить в галифе — наверно, половина в них ходит, хотя непонятно, где они их покупают — в ателье шьют, что ли? Не избежал этой участи и хозяин дома, к которому подошел я три дня назад в сопровождении — знаете, кого? — милиционера...

Устав стучать в двери, мы подошли к огороду и стали окликать хо-

Владимир Григорьевич Соколовский живет в Перми. Родился в 1945 году. После школы работал слесарем, машинистом экскаватора, преподавателем; в 1971 году окончил юридический факультет Пермского университета. В 1977 году опубликовал в журнале «Урал» свою первую повесть «Двойное эхо», вышедшую на следующий год отдельной книгой в Пермском издательстве.

Участник совещания уральских литераторов, работающих в жанре фантастики и приключений (Свердловск, сентябрь 1978 года), VII Всесоюзного совещания молодых писателей (Москва, март 1979 года).

«Облако, золотая полянка» — дебют В. Соколовского в нашем журнале.

ПОЛЯНКА

зяина. Из кустов вышел старик, плешивый и коренастый; усы у него, как у Буденного, и очень к ним не идет маленькая кудлатая бороденка. Одет он был в серую рубаху, выпущенную поверх галифе.

Подойдя к нам, старик совсем недружелюбно закричал: «Что вам здесь надо?!» — несмотря на то, что спутник мой находился в форме, а следовательно, при исполнении служебных обязанностей. Но участковый не стал ругаться, а миролюбиво сказал, что привел постояльца. На эти слова старик еще больше разозлился и закричал: мол, мы на это не имеем никакого права, никого он к себе в дом не пустит, и лучше нам убираться подобру-поздорову! Товарищ старший лейтенант все так же тихо ответил ему, что, во-первых, не советует так с собою разговаривать, ибо он при исполнении, а во-вторых, слышал от людей, что у хозяина есть некоторые затруднения с перерасчетом пенсии, а так как этот юноша (он так и сказал: «юноша») работает в бесе, то в качестве постояльца он был бы небесполезен. Хозяин подумал, схватился за коленку,

сказав: «Мозжит. Опять роет, тварь!» — и бросился бежать к кустам, прилегающим к дому. Оттуда послышались его ругань и собачий визг. Участковый поглядел на меня, вздохнул и покачал головой. Вскоре хозяин вернулся, но тон его был уже гораздо более спокоен. Он спросил:

— Что, правда, в бесе работаешь?

Я ответил, что правда, а прибыл сюда после окончания среднего специального учебного заведения.

— «Специального», понял? — с угрозой в голосе спросил участковый.

Старик поскреб в затылке и сказал:

— Значит, к начальству вхож. — И после этих слов сделался даже добр, стал расспрашивать, откуда родом, кто родители и т. д.

Товарищ старший лейтенант заявил, что если так, то он пошел — у него дела. Хозяин еще помялся немного и махнул рукой: ладно, живи, куда тебя девать!

Участковый на прощанье сделал замечание насчет бани и чтобы он был потише, а то жалуются соседи; старик же ему ответил, что соседи жаловаться не могут, потому что третью неделю в магазинах нет портвейна, а от водки у него изжога. Мне эти разговоры показались непонятными и даже странными, хотя, подумав, я сделал вывод, что хозяин покупает портвейн и пьет его в бане; неясно только, какое соседям от этого неудобство и почему он пьет в бане, если дома живет один и никому помешать не может? Впрочем, долго я об этом не раздумывал, потому что старик подхватил мой чемодан и впереди меня понес его в дом.

Человек я в общем-то, как сами знаете, довольно нерешительный, житейского опыта у меня мало, близких родственников, кроме мамы, не имею. Но так, чтобы оказаться совсем уж одному, — это со мной случилось впервые; может быть, поэтому до сих пор не могу разобраться: то ли все идет как надо, то ли копошится вокруг меня какая-то глупость и заваруха? Вас не хватает, мой друг, — оттого на почту мои упования. Помню, как душевно отнеслись Вы ко мне в больнице, где лежал после тяжелой операции; теперь, когда отношения наши скреплены дружбою, думаю, что Вы с такой же чуткостью и пониманием будете воспринимать то, что происходит со мной здесь, в далеких периферийных местах. Ведь так же, как и Вы, истинное удовольствие я испытываю в основном в двух случаях: когда читаю произведения классиков девятнадцатого века, а также когда созерцаю природу, находясь в лесу или на берегу водных источников, как-то: реки, пруда, озера и т. д. А здесь, в незнакомой для меня обстановке, предвижу различные затруднения, в случае которых буду просить у Вас совета, как у человека пожившего и в годах.

Последняя наша встреча, если помните, про-

изошла во время государственных экзаменов, которые я сдавал, заканчивая финансовый техникум. обстоятельной беседы между нами, к сожалению, тогда не получилось, потому что я торопился на консультацию, оттого отвечу на вопрос, который не успел тогда осветить и который Вас, по-моему, сильно занимает. Поступил я в финансовый техникум исключительно потому, что он был единственным у нас, а далеко от себя мамаша меня отпустить побоялась. Вот и пришлось избрать профессию финансового работника, в чем я не раскаиваюсь: ведь экономика — это все! Но сколько было слез и крику, когда мамаша сопровождала меня на вокзал, провожая в эти лесные края, куда я был направлен по распределению!

Однако наконец все это позади, и слава богу. В настоящее время я вот уже третий день проживаю в райцентре, называемом Малые Овражки, Малоовражжинского же района. Народ здешний зовет этот населенный пункт просто Вражки, а речку, здесь протекающую, — Вражинка. Недалеко от города, в лесу, имеется озеро, называется оно Вражьем. Так что в чем тут дело, в оврагах или врагах, сказать не могу — не знаю.

Теперь по порядку о событиях. Направлен я был в здешний райфинотдел на должность инспектора госдоходов. В работе этой, надо Вам сказать, есть свои плюсы и минусы. О минусах говорить не буду. Главным же плюсом считал служебные поездки по этому богатому природой северному краю, умело сочетаемые с его созерцанием и изучением.

Но жизнь рассудила иначе. Когда я по прибытии явился к заведующему райфо и объяснил ему свое появление, он выслушал меня с недоумением и сказал, что штатных единиц у него на данный момент нет и не предвидится.

Я растерялся и стал говорить: мол, что же мне делать, надо было раньше думать, когда они писали заявку в техникум. Заведующий ответил, что заявку действительно писали, но четыре года назад, и с той поры им техникум каждый год посылает по человеку, так что штат не только давно укомплектован, но и случаются разные недоразумения вроде этого.

Вообще-то специалистов в районе не хватает, поэтому местное руководство старается удерживать всех прибывающих по распределению, по возможности трудоустроить, а в некоторых случаях даже переквалифицировать. Так, одна из выпускниц нашего техникума была по прибытии направлена на курсы агрономов-организаторов и теперь работает в колхозе, еще одну устроили бухгалтером в потребсоюз, а третья сразу же вышла замуж, родила двойню и теперь вообще уклоняется от трудоустройства.

Услышав такие дела, я категорически заявил, что работать желаю исключительно по специальности, потому что вводить в заблуждение госу-

дарство, которое тратило деньги на подготовку специалиста, не имею права и, в крайнем случае, могу пойти на то, чтобы вернуться на прежнее место жительства, где мамаша имеет на примете должность в Госбанке. По правде говоря, уезжать домой вовсе не хотелось и подумалось об этом даже со страхом. Не то чтобы я, Олег Платонович, утратился встречи с мамашей — она человек по-своему добрый, а что запрещала мне читать художественные книги и ходить в кино на последнем курсе — так ведь для моей же пользы. Тут дело в другом. Мне уже, что ни говорите, двадцать лет, самостоятельности же никакой я не видал, в то время как необходимость личного взаимодействия с окружающей средой в этом возрасте настоятельно диктуется действительностью.

Но извините, Олег Платонович, немного отвлекся. Не описывая всех моих хождений по инстанциям в тот день, скажу только, что уже к концу его я вступил в кабинет заведующего райсобесом товарища Тюринка Аким Павловича на предмет оформления. Он встретил меня приветливо: проверил документы, поинтересовался семьей. Разговаривал со мной заботливо, по-отцовски, и я ему рассказал, что под следствием не состоял, спиртные напитки употреблял в своей жизни дважды, но не систематически, и другие интересующие его подробности.

После этого заведующий провел меня по помещению и показал кабинет, в котором я буду работать. В нем два стола — один мой, за другим сидит женщина лет примерно так сорока трех, с серыми глазами и доброй улыбкой, довольно полная. Зовут ее Олимпиада Васильевна, у нее так же, как у меня, среднее специальное образование, — правда сельскохозяйственное. От нее я узнал, что наш заведующий — пенсионер, но по выслуге лет. Она спросила, определился ли я с жильем, и тут я вспомнил, что, несмотря на приближающийся конец рабочего дня, вопрос этот еще не решен. Пришлось вернуться в кабинет заведующего и осведомиться, где я буду жить. Аким Павлович ответил, подумав, что это не проблема, первое время я могу спать на диване в его кабинете, а потом он договорится насчет койко-места в общежитии лесозаготовителей.

Тут у меня заболела душа, и я сказал, что в общежитии жить не хочу и не буду, потому что главное для меня — покой и чтение книг, и в таком случае я уж лучше устроюсь жить в его кабинете. Заведующий снова подумал и заявил, что этот вариант тоже неприемлемый. Так мы сидели друг против друга довольно долго, пока он не хлопнул себя по лбу, не позвонил по телефону какому-то Алексею Флегонтовичу и не попросил его зайти. Когда тот пришел, я увидел перед собой очень толстого пожилого мужчину в милицмейской форме и с погонами старшего лейтенанта на плечах. Товарищ Тюринчик успокоил меня, объ-

яснив, что это его бывший сослуживец, местный участковый, и, возможно, при его содействии вопрос с жильем удастся решить положительно. Но участковый, выслушав его просьбу, сказал, что на данный момент подходящего жилья на примете не имеет, разве что у Егора Дементьича.

На это заведующий категорически возразил, что не позволит влияния на подчиненных в отрицательном смысле, а Егор Дементьич человек неясный. Участковый согласился насчет неясности и стал успокаивать: мол, вообще-то данный гражданин Лыков никого на квартиру не пускает, не пустит и меня. Тут товарищ Тюричок заявил, что пусть попробует не пустить, потому как житье одному в таких хоромах — уже само по себе деяние противоправное или, по крайней мере, граничит с ним. После этого мы с Алексеем Флегонтовичем вышли из собеса и направились на окраину города. Шли мы далеко, городок длинный, тянется по обе стороны большого оврага, и там, где овраг этот сходит на нет и начинаются обширные заливные луга, а дальше лес, а за лесом еще не знаю что, вот там-то и стоит дом, к которому привел меня товарищ старший лейтенант. Дом, правда, большой. При нем огромный огород с баней в одном углу и зарослями кустарника в другом. В избе отгорожена маленькая каморка, тесная и захлапленная. Хозяин провел меня в нее и сказал: «Вот, располагайся». Там стоит голая железная кровать — он сказал, что на сегодня застелит ее кой-какой одежкой, а завтра притащит с чердака старый пружинный матрац. Сам он летом спит во флигеле, — да, да, у него и флигель есть, он его, правда, называет мастерской, но когда я туда проник, то, кроме батареи бутылок из-под портвейна, обломка топора и старого рубанка, никаких рукотворных предметов не обнаружил. Свалены какие-то шкуры, сушатся травы, валяются корешки и диковинные сучья.

Устроившись, расположив свои вещи, я вышел на улицу и сел на лавочку.

По правде говоря, я сильно устал за этот день. Приезд, устройство на работу, хлопоты с квартирой утомили меня. А тут я увидел закат. Ах, какой это был закат! Это надо видеть, это никак нельзя представить себе — пространства, расположенные за домом. Вроде они конечны, потому что ум ясно представляет невозможность такой безбрежности: ведь везде, везде лес. Но он не ограничивает взгляда — и это поистине удивительно.

Вы знаете, обычно пишут: «Солнце цеплялось за верушки сосен (или елей)» — фраза, в общем-то, правильная и даже красивая, но после того, что увидел, — не смог бы, клянусь, не смог бы я написать такой фразы, ибо это было бы неправдой. Солнце не цеплялось за верушки, а падало в какой-то неизъяснимый морок (пока сам себе не могу растолковать этого слова, но чувст-

вую, что оно, верно, ибо складывается из тумана и охватывающей небо золотистой измороси) — и в этом тумане, измороси, во всем мороке изумрудно блестят, переливаются, плещутся те луга, о которых я тоже уже писал, и нет им ни конца, ни края, а я на скамейке, как на шлюпочке, — и катится солнце за зыбкий горизонт. А там, где должен стоять лес, и я совершенно точно знаю, что он там есть, — я его видел там до захода солнца, — теперь вижу только буйный, причудливый хаос зелени, и где-то там, среди этих зеленых россыпей, одиноко бродит худая старая лошадь.

Я увидел ее и сразу забыл. А она, вырвавшись из этой круговерти, подошла к нашему дому и коснулась мягкой губой моей щеки. Я испугался, вскрикнул и кинулся к крыльцу. На нем стоял хозяин и усмеялся.

— Что, боишься? — спросил он. — Не бойся, это меринок мой, Андрюха. Андрюх, иди сюды. Я тебе сахарку вынес. На, милоч. Ишь, баловник, отворачивается. И то, там трава-то: ах, сахарная! Сам бы ел — ну, ей-богу, пра!

— Между прочим, — холодно сказал я, — рабочий скот держать в личной собственности граждан запрещается.

— Да как тебе сказать... — старик почесал затылок. — Он, если по правде, и не мой вовсе. Так только... считается. Прибрел прошлой осенью да так и живет. Я доложил, куда следует; приходили, смотрели. Но только все говорят, что не ихняя. Я и оставил. Кому он нужен, такой старый. Я думаю, он от цыган пришел. Они в прошлом годе туточки проходили. Видно, продать или забить хотели, а он про то вызнал да и ушел. Я и рад — пущай живет, все какая-то душа рядом. Андрюха, Андрюх, иди сюды, дурачок!

— Как это вы... — удивился я. — Человеческим именем животное называете...

— А человек и есть! — весело воскликнул хозяин. — Конечно, каждому животному свое понятие от веку дано, да ведь дается-то оно от единого, то есть начала.

— Это какого же начала? Вы что, насчет бога имеете в виду?

— Бога, бога... — проворчал он. — Больно нужно! Слыхал, может, слово такое есть: прырода! Да ладно, идем ин чай пить.

В избе, на колченогом табурете, глотая черную тягучую жидкость (чего он в нее намешивает?), я с интересом смотрел на сидящего напротив хозяина. Кстати, любезный Олег Платонович, увлекшись разговорами, совсем запамятовал я описать убранство жилища, в котором волею судеб теперь проживаю. Это в двух словах. Вы уж не посетуйте. Писал уже я, что отгорожена каморка, более же никаких перегородок на территории избы не имеется. Стоит огромный, нелепый, грубо сколоченный стол. Он, по сути дела, не считая нескольких таких же утлых табу-

реток и скамьи вдоль стены, составляет всю обстановку. Да, вот еще: на стенках горницы — две цветные фотографии из журнала «Огонек». На одной из них — зафиксированная в прыжке балерина. Пола не видно под ней, и кажется, что она летит, — как прекрасно искусство! На другой фотографии запечатлено торжественное событие: пуск нового блюминга... Казалось бы, какие огромные площади при великаньем метраже избы должны пустовать! А странно: нет ни обстановки, ни мебели, — но и ощущения пустоты тоже нет. Объясняется это, по-моему, величайшей захлапленностью — все теми же шкурками, сучьями, травками, над которыми возносится немножко затхлый, прогоркловатый запах одиноко живущего старого человека.

Вот и все об избе, пожалуй. Имеется под ней еще и погреб. Не стал бы загромождать рассказ этой деталью, но приспособлю ее к случаю. Вдруг во время чая старик крикнул, схватился за поясницу и тут же загудел: «Отпустило. Попалась, зараза!» Выбежал на середину горницы, рванул кольцо крышки погреба и исчез в нем. Появился через некоторое время, вздымая в руке огромную жирную крысу — уже дохлую, по всей вероятности. Проществовав передо мной, он бухнул ногой дверь и выкинул крысу в темноту. Сел, блаженно улыбаясь, и начал тереть крестец, приговаривая: «Ну, зараза, ну, зараза, помаяла ты меня...»

И то ли случай этот столь сильно потряс меня, то ли одурманил дедов чай, заедаемый бутербродами с колбасой диабетической, то ли усталость взяла верх в организме, но сам не помню: дошел я до кровати или свалился с табуретки тут же, возле стола.

Проснулся, впрочем, в кровати, но это неважно. Важнее то, что с утра приступил к исполнению своих непосредственных служебных обязанностей. День прошел великолепно: я не только проникся сознанием ответственности своего дела, не только вошел в круг сослуживцев — людей доброжелательных и достойных всяческого уважения, но и сам внес некоторую лепту: составил два ответа на письма пенсионеров, которые товарищ Тюрочок, самолично прочитав, велел отправить почти без переделок. Главное же — записался в библиотеку. Правда, любимых мною классиков прошлого века в ней не так уж много; ознакомившись с моими вкусами, библиотекарьша сказала, что, к сожалению, большая часть интересующих меня книг находится на «безвозвратном прочтении». От собраний сочинений, к примеру, остались только последние тома с содержащимися в них письмами. Я взял письма Тургенева, Льва Толстого, а также особенно любимого мною классика Николая Васильевича Гоголя. Под свежим впечатлением от прочитанного, пред светлым лицом гениев и в беспредельном восхищении чистотой их слога я и позволил

себе — невольно, может быть, подражая их стилю, — написать Вам это послание на исходе третьего дня моего здесь пребывания.

Кстати, о третьем дне: сегодня в город завезли портвейн. По пути на обед я увидел в очереди возле винного магазина хозяина. Он был трезвый, с огромной сумкой. Заметив меня, отделился от очереди, подошел и спросил, не могу ли я несколько заплатить за квартиру в счет будущего проживания. Пришлось дать ему пятерку из подъемных. Подходя вечером, после работы, к дому, я услышал странные звуки: будто что-то тряслось и гудело — скрипели доски, хлопали двери, а из всего этого шума складывалась довольно внятно незамысловатая мелодия «Арлекино». Я удивился — но, увидав стоящего возле забора старика, виду не подал. Когда я спросил, в чем тут дело и почему в окружающую среду врываются посторонние шумы, он покачнулся; повернулся лицом к огороду и, выбросив руку в направлении бани, прохрипел: «Вона!» Действительно, звуки доносились оттуда. Я обогнул огород и подошел к бане. Потрясение ожидало меня: ходила каждая досочка на крыше, на предбаннике, на дверях... Дотронулся до угла — он тоже визжал, бормотал, ворочались и постанывали бревна в пазах. И все эти шорохи, писки, визги, шуршания и скрипы старого уже, почерневшего дерева необъяснимо складывались во вполне осмысленную мелодию, сочиненную к тому же, как я слышал, зарубежным композитором. На окне мелькали какие-то голубоватые блики — игра их удивительным образом вплеталась в мелодию. Однако, сколь я ни вглядывался внутрь, источника света так и не обнаружил.

Думаю, что в момент, когда я отходил от бани, мы с хозяином являли собой картину, в общем-то, одинаковую: меня тоже шатало из стороны в сторону. Тем не менее нашел в себе силы подойти к нему и спросить, вложив в вопрос всю воспитанность, на которую был способен в этой ситуации: «Послушайте, дедушка! Что у вас там, в бане, — черти завелись?» Старик покачнулся, сжал ладони в кулак и, вознеся его над головой, протрубил: «Пры-рода!» — после чего уплелся в дом.

И вот теперь пишу Вам письмо. Из огорода доносится элегическое: «Присядем, друзья, перед дальней дорогой...» Хозяин топает в своем пристрое и звенит бутылками, из окна пучится на меня огромный глаз старого мерина Андрея, а далеко в лугах что-то гулко бухает. Чудится живое в хламе, загромождающем избу; кажется, стоит кому-то скомандовать — и хлам этот запляшет, закружится по комнате, завывая, — и тогда я, наверное, сойду с ума...

Остаюсь с совершенным почтением
ТЮТИКОВ Гена.

Письмо второе

Уважаемый сударь мой, Олег Платонович!

Здравствуйте, вот и опять я. Вы небось удивитесь: почему же «сударь»? Да потому, что, прочитавши за время пребывания здесь множество писем из собраний сочинений, не могу налюбоваться обращениями, которые употребляли между собой жившие в те времена люди: есть в них и тонкость, и душевность, и тому подобная обходительность. Вы и не обидитесь за это, я думаю, как не обидитесь за то, что докучаю Вам, человеку чрезвычайно занятому по своей основной специальности техника-землеустроителя, своими откровениями. Две недели прошло, как я послал Вам первое письмо, уж и ответ получил, за который большое спасибо. Пишете Вы, что июль выдался неважный, все больше с грозами, два раза даже был град. И у нас прошли грозы, но легкие и короткие: бывало, по три грозы на день, а солнце все светит и светит с утра до вечера. Одна из гроз застигла меня, когда я в обеденный перерыв купался на речке. Я спрятал одежду под лежавшую вверх дном лодку, а сам залез в воду. Что тут было! Вспыхивали и гасли молнии, бесновалась, выплескиваясь из воды и взблескивая боками, рыба. Из леса на другом берегу вылетели птицы и начали низко носиться над водой, выхватывая серебристые тела. Одна из них налетела на меня, ударила крылом и, закричав, взмыла вверх, ускользя от приближавшегося ливня. А когда он начался, я уже ничего не видел: ни птиц, ни рыбы — все исчезло в кипящем серебре. Теперь клеток воды слился с клетком леса: то ли сам шумел, то ли кричали спрятавшиеся там птицы. А я, стоя по шею в воде, захлебывался от потоков, лившихся сверху.

С перерыва опоздал, конечно, потому что идти под дождем на службу и прийти мокрым не хотелось: вдруг мне на прием направили бы гражданина или гражданку — мокрая одежда могла подорвать мой авторитет. Впрочем, граждан на прием приходит мало: за две недели мне пришлось разбираться всего с четырьмя. В основном же приходится заниматься подшиванием пенсионных дел, ответами на запросы из области и разговорами на различные темы с соседкой по кабинету, Олимпиадой Васильевной. Штат сотрудников здесь хороший, все прекрасно ко мне относятся и приглашают домой пить чай. Нравится даже атмосфера, царящая в организации, — тихий коридор с пыльными лучиками из окна, деловитые люди за столами в кабинетах, обсуждение политических и местных новостей. В общем, работается хорошо, чего и Вам желаю. Но главное не в работе, там все в порядке. Главное — дома, дома-то интересные дела творятся, любезный Олег Платонович! Когда в городе наконец кончился портвейн и баня перестала шуметь, я в категорической форме попросил хозяина объ-

яснить странное его поведение. Он покряхтел, покурил, потом заморщился и сказал:

— Опять в мизинец стреляет. Ну, стервецы, покажу я вам...

Выбежал в огород и стал ухать на соседских мальчишек, копошащихся возле забора. Вернувшись, объяснил добродушно:

— Вот видишь — они сейчас тынинку выдерживали, а у меня в мизинец начало постреливать. Как дернут — так стрельнет... И во всем так. Крот яму под домом роет — словно меня буравит. Мышь под полом пробежит — а мне щекотно.

— А баня? — спросил я.

— Баня-то? — он заморгал, полез за платком. — Да тут, брат ты мой, целая история вышла... Было нас двое братовой. Отец наш за год до германской помер, мать много раньше, вот и остались вдвоем... Мы погодки, и было нам немножко больше двадцати, когда гражданская началась. Домишко наш стоял на этом самом огороде, в нем и жили. Город тогда совсем маленький был, вроде деревни, а люди охотничали, рыбу ловили, лес валили. В гражданскую-то все, почитай, в партизаны наладились. Споначалу на дорогах белых стерегли, а потом, когда они за нами гоняться стали, кружили, кружили их по здешним лесам, да так и закружили: никто, наверное, отседова не ушел. А мы с братом-то, с Фомой, вместе были. И вот как-то случилось, уж под конец, перед тем, как мы из лесов вышли: вдруг пыхнуло что-то в нас... смотрим друг на друга, глазами хлопаем — и слова вымолвить не можем. Во как сполыхнуло... Обожгло душу, да так и палило, пока до дому не добрались. А от дома-то — одни головешки. Начали снова строиться. И только тогда внутри жечь перестало, когда мы этот дом с баней выстроили. Каждое бревнышко, каждую досточку одну к другой прилаживали, ласкали да холили. Так и жили — охотились да лес валили... Потом брат фашиста бить ушел. Один я остался: меня в ту пору медведь ломал — болел сильно. И вот как-то зимой, ночью, будто ударило меня. Слышу — шум какой-то из огорода. Выбрался, а там баня вальс про амурские волны наскрипывает — грустно-грустно... Очень Фома этот вальс любил, все на гармошке играл. У меня тогда аж колени затряслись — заплакал, ушел в избу. А через неделю и похоронка пришла... Так и живу с тех пор один. И до того родное тут мне все, что с течением времени стал чувствовать и крота в огороде, и мышь под полом... Сжился — потому как это тоже родина, Генко... А теперь — эх!

Старик махнул рукой, поднялся и вышел. Я тоже пошел на крыльцо. Он гладил мерина. Обернулся ко мне и сказал:

— Теперь вот и Андрея так же чувствую: каждая шелудинка на его шкуре во мне болит. Пры-рода! — И он многозначительно ввинтил в воздух корявый палец.

«Ну и дела...» — подумал я.

Вообще, странное место. Дом, конечно, домом. Тут всегда прохладно и сумрачно, живой человек все время рядом — это все ничуть не странно, а вот за домом — удивительные вещи можно наблюдать. Взять хотя бы вчерашний день, когда я впервые отправился рыбачить на Вражье озеро. Взял стариковы удочки, накопал червей и через лес вышел к озеру. Оно огромное-огромное, и вода чиста невероятно. Берега густые, травянистые, а посредине озера крохотный островок — весь в камыше, но такая деталь: раз глянешь — далеко, далеко где-то, толком не углядишь; другой раз — совсем рядом, рукой подать. Я, правда, долго не разглядывал: размотал удочки, насадил червей и закинул. Рыбы — ох! — маленькие, большие, всякие, ходят возле червей — в глубину далеко видно, и — хоть бы хны, ноль внимания.

И вдруг слышу — кто-то хихикает, словно скрипит. Поднял голову, гляжу — на островке, напротив меня, мужичок сидит. Я его сразу узнал: на днях в хозяйственном магазине встретил, когда зашел приглядеть мышеловку для дедова хозяйства (мыши бегают, проклятые, под полом, щекочут его — кряхтит, чешется старина). А этот мужик пять приборов для очищения воды, под названием «Родник», покупал. И вот сидит теперь напротив меня и смеется себе. И ни удочки у него нет, ни лодки. Как же он, думаю, на остров-то перебрался? Однако виду не подал, спрашиваю вежливо:

— Здравствуйте. Как улов?

Похихикал он, на воду пальцем показал и говорит:

— Цып-цып, куть-куть, ах вы, окаянные...

Человек вроде как человек. Лысоват. Волосы рыжие. Рубашка синяя, в полоску. Серый простенький костюм, плетенки на босу ногу. Я помялся немного и снова подал голос:

— Вот беда-то! Хоть бы один поклев увидеть.

Он опять захихикал и вдруг спросил:

— Ай мне жалко? Хошь, Вахрамеевну к тебе пошлю?

Я махнул рукой:

— Без женщин забот хватает! Рыба не клюет, видите?

— Ах, ах, — закудахтал мужик и повалился в камыши. Потом вскочил и в чем был бросился в воду. Не успел я опомниться — он уже вынырнул возле удочек и, тыкая в мою сторону острым концом огромного полена, забормотал:

— На, на! Жри на здоровье! Дарю, дарю...

Я протянул руку к полену. Оно было невероятно склизкое и вдруг, извернувшись, цепко ухватило меня за запястье. Я дернулся, закричал и упал на траву. Мужик же, ухнув, снова скрылся под водой.

Придя в себя, увидел его на прежнем месте, на островке. Одежда на нем была сухая,

будто он и не был в воде. Повернулся ко мне, проговорил:

— Эх ты, боязливый, Вахрамеевны испугался... Э! Да ить ей уж в обед триста лет будет! Последние зубы выпадают...

Увидав, что я вытащил из воды удилище и начал лихорадочно сматывать, он сказал примирительно:

— Обожди! Куды наострился? Ты уйдешь, а я опять умного разговору не буду иметь? Скучно мне, брат... Я сказал — не ходи! — с угрозой крикнул он. — Смотри, парень, худо будет. Ай ты меня не признал? Водяной ить я.

У меня закружилась голова. Я лег на берег, опустил лоб в воду.

— Вахрамеевна! — позвал мужик.

Я судорожно отдернулся от воды и отполз в сторону.

— Эк тебя разбирает! — в голосе его звучала досада. — Городской, что ли?

— А... ага... В со... В собесе работаю... — ответил я, пытаюсь придать значительность последним словам.

— В собесе? — водяной задумался. — Надо бы и мне там кой-какие дела вырешить. Тады я с тобой дружить буду. Ладно, а?

— Ла... Ладно...

— Вот то-то! — он обхватил ладонями колени и возвел глаза к небу. — Люблю общество. Мне и здесь хорошо, правда, куда как тихо! И шуму никакого — ну, просто не переносу. А общество — люблю, брат. Так, чтобы разговоры, то да се. Иногда, как придут, начнут бухать да лаяться — ох, совсем беда! А попробуй что скажи! Ладно, если только облают. А то позапрошлый год взрывом как бабахнули — у меня и ум отшибло. Неделью здесь отлеживался да месяц в больницу ходил — этими, как их... токами лечился! Ох-хо, жись наша бекова.

— Вы, как понимаю, лешим при здешних местах приходитеесь? — осторожно спросил я.

Он даже руками замахал:

— Опомнись! Ох, народ дурной. Да у него, у дедушки, и ладошки-то деревянные! А мои — глянь! — и звонко захлопал. Вода вокруг острова забурлила, раздалась писк и кваканье.

Я уж совсем опомнился, уселся поудобнее и проговорил:

— Ну и дела! Водяные какие-то, бани песни поют...

Он заперхал, затем оборвал смех и сказал серьезно:

— Уж хозяйшко твой не прост, не прост, я знаю...

— Откуда вы знаете, у кого я живу?

— Дак местечко-то у нас невелико. Всяка новость вперед тебя летит.

— Сами-то давно здесь живете?

— А сколь помню. Лет, может, сто, может, двести... В этих краях раньше нашему брату пере-

воду не было. А теперь раз-два — и обчелся совсем... — пригорюнился он. — Какой-то мор на нас в последние годы вышел. Мы-то, старики, еще терпим, тужимся, а детишки чахнуть стали. У меня вот дочка, Мавочка, эдак летось-ту померла. Только из города на каникулы возвратилась — второй класс окончила... А новые детки не заводятся: вода, знать-то, не та стала. Так-то, выюнош...

Не знаю, почему, но мне стало жалко старого водяного. Тишь стояла над озером, и сгорбленная фигура четко виднелась на фоне темнеющего камыша. Я вспомнил, что нечто подобное видел на какой-то картине, — только там старичок был с флейтой и рогами.

Водяной вздохнул и сказал:

— Конечно, в жизни оно тяжелее. А то намедни в кино про водяных ходил; зарубежное, не помню название. Вот живут, да-а... При галстуках ходят — во! Ну, у них и владения побольше, и образ жизни другой... не нашенький. Я не больно им завидую: ближе к людям все стараются, чтобы лучше жить, по их подобию. А от них чем дальше, тем вода чище... Хотя тоже, конечно...

— Вода должна служить людям, — высказал я свое мнение.

— Эх-ха! Людям! — взвился он. — Они того заслужили ли? Вот ты зачем сюда пришел? Так просто, посидеть? Нет! Тебе обязательно рыбу надо потаскать, живой организм сгубить! Да ладно,

коль ты ее съешь, а то бросишь возле порога — так и сгниет, если собаки с кошками не растаскают! И зачем ты ей такой нужен, воде-то?

— Если в пищу — разве плохо? — спросил я. — Круговорот веществ в природе тоже должен совершаться.

— Круговорр-от! — передразнил водяной. — Ну и жри нас! Трескай, трескай!

Я поднялся и начал собирать удочки.

— Вумники стали, — ворчал он. — Вот и в кино: гляжу — в институтах учатся, дочерей за богатых водяных отдают. А я свою Мавочку не увижу боле... — он всхлипнул. — У самого-то родни много?

— Нет. Мамаша одна.

— Жена найдет себе другова. А мать сыночка ни-когда-а... — негромко, будто бы про себя, пропел водяной и спросил: — В напарники ко мне пойдешь? Сам видишь, с наследниками беда какая. Не пожалеешь, пра! Здесь хорошо, хорошо-о!..

Он присел на корточки и поманил меня пальцем:

— Иди, иди-и!

Я увидел его глаза. Они вспыхнули, зеленый огонек в них забился, запульсировал. В ужасе и изнеможении я сделал шаг вперед и вступил в озеро. Тотчас стая птиц взвилась над озером и упала вниз, ударяясь о воду и ослепляя меня брызгами. Однако моментами я все-таки видел его лицо — шевелился беззубый рот, тянулись

руки: иди, иди... Вдруг он отвернулся, сплюнул и махнул рукой. Ноги мои подкосились, я упал в воду и, барахтаясь, пополз к берегу. Выбрался на него, судорожно цепляясь за траву, подтянулся и замер, чуть дыша. Исчезли птицы, стало тихо. Только копошился спиной ко мне, на своем островке, новый знакомец. Я оторвал от земли голову и увидел, что предмет, за который я в отчаянии ухватился, — нога старого мерина Андрея. Он стоял, понурился и тяжело шевеля боками. Водяной поднялся с колен и, что-то сердито бормоча, начал кидать в Андрея болотной грязью и тиной. Конь отошел от берега, побрел по тропочке и скоро скрылся за деревьями.

Я подполз на четвереньках к удочкам, собрал их, поднялся и сказал, задышавшись:

— Ну, я пошел. Всего хорошего.

Водяной засуетился, нырнул и тут же оказался возле меня.

— Опять испугался, что ли? Сла-аб ты, парень... Ай шуток не понимаешь?

Он толкнул меня плечом, подмигнул:

— А ты думал — так просто? Чаи с тобой гонять будут? Эх, ты-ы!..

Пошвыркал носом, глянул искоса и сказал:

— Ну, ладно. Об этом еще разговор будет при случае. А теперь вот что узнать хочу: по собесовской линии пособие за производственный травматизм назначается ай нет?

Я ответил, что органы социального обеспечения подобными вопросами не занимаются, ибо это компетенция профсоюзов.

— А может, ты тогда ему пенсию определишь, да и дело с концом?

— Что вам еще-то от меня надо? — раздражение мое достигло предела.

Водяной сел на бережок, опустил ноги в воду и как ни в чем не бывало:

— Да дело такое, брат, со сплавконторой я сужусь. Скоро уж второй год пойдет. Из-за Тимоньки. Тоже случай получился: сидит это он в прошлом годе, как сейчас помню — в августе, на плоту, на солнышке греется. Ноги в воде, как вот у меня теперь. Ну и работает, естественно! — вдруг выкрикнул он.

— Какой Тимонька? — я отодвинулся подальше от него. — Кем работает... сидит когда?

— А водяным работает, — втолковывал собеседник, — на речке водяным, кем же еще?

— Ну... и что?

— А то! Сидит это, сидит, вдруг — трах! бабах! Не успел оглянуться — нога между бревнами зажата. Он туда-сюда — орет! Ладно, замети-ли душегубы-то, обратно сдали, ослобонили.

— Господи! Душегубы-то откуда?

— Как откуда? А катерники! Они, пока Тимонька сидел, катер подогнали, дернули, и на тебе — нанесли производственную травму. Полтора месяца в больнице вылежал — это тебе что? Правда, в больницу и обратно за свой счет сплав-

контора его возила, я уж выхлопотал: вроде как под статью сто пятьдесят восьмую его подвел!

Совершенно ослабев, я дрожащим голосом прошептал:

— Надо... иди мне...

— Кодекс законов о труде — а как же! Должны соблюдать. Вот скоро год, как насчет больничного сужусь. Ишь какие хитрые! Они это как производственную травму не засчитывают — дескать, не на своем рабочем месте находился. И служебных своих функций-де не исполнял. А я говорю: не-ет, ты обожди! Почему так — не исполнял? Он тебе не у гастронома был — у реки, на рабочем, значит, месте. В полном размере ему больничный должны оплатить.

— Вам разве зарплату платят?

— Да нет... — замылся собеседник. — Разве в деньгах дело? Главное — принцип выдержать. Я вот тут посчитал немножко... — он полез в карман и вытащил ворох бумаг. — За каждый день болезни причитается Тимоньке пять рублей ноль восемь копеек.

— Как это вы посчитали? — мне как специалисту по финансам стало интересно.

— А это очень просто делается: взять, значит, количество кубов воды, обслуживаемой истцом Тимонькой, разделить на число лет беспорочной вахты плюс за вредность вроде водолазных да еще сверхурочные посчитай. А как же? Ни выходных, ни праздников мужик не знал! Вот оно и получается...

— У-гм! — с сомнением произнес я. — А не кажется вам, что эта методика не лишена недостатков?

— Может быть! — охотно согласился он. — Только куда же деться — другой-то нет! Ты дальше слушай: ну, не оплачивают и не оплачивают! И что же я делаю? — голос его сделался крикливым и высокомерным. — Плаваю заместо Тимоньки по его производственному участку и наматываю им веревки на катерные винты — план на убыль свожу. Начальник-то с главным инженером по берегу бегают, а я им из воды кричу: «Сперва больничный оплатите! В полном размере! В соответствии с постановлением Госкомтруда от декабря шестьдесят первого года, номер четыреста семьдесят три дробь двадцать пять!» И что бы ты думал? Моя взяла! Теперь уж я с ними почти в согласие вошел — только насчет водолазных резину тянут. А заплотят, куда они денутся! — водяной хвастливо выпятил подбородок. — Одна беда — Тимонька меня больно бояться стал: вторую неделю прячется, сыскать не могу. Не понимает, дурак, что для его же счастья стараюсь... — он снова всхлипнул. — Ты, мил-человек, все ж таки каков-никаков, а начальник, так уж замолви словечко, поимей к старику уважение. Мы со своей стороны тоже не без благодарности... рыбки-то хошь?

Я помялся и ответил, преодолевая неприязнь:

— Да оно неплохо бы...

— Ну, уважу, ну, уважу... — он подскочил к воде, сложил руки трубочкой и крикнул: — Вахрамеевна!

С трудом вытащил на берег огромную щуку, сунул мне:

— Держи!

Тетенька, однако, оказалась увесистой: килограммов на пятнадцать. Она шумно вздыхала, зевая зубастым ртом. Я взял ее на руки и спросил:

— А как же удочки?

— Не беспокойсь! Будут в полной сохранности. Заглянешь как-нибудь на днях и заберешь. Потолкуем еще. А хозяину своему скажи: пускай своего жеребца не больно распускает. Ишь, забродил опять где не надо... ненавижу!

Водяной топнул ногой и полез в воду. Возле островка еще раз показалась его голова и пробубнила:

— А я теперь баиньки. Наставлю кругом себя этих машинок, что намедни в городе купил, пускай чистую воду гонят! — Он гулко захохотал и скрылся под водой — только пузыри всплыли.

Дрожью наполнилась моя душа от этого его неуместного смеха — и я, прижимая к груди подаренную водяным рыбину, опрометью бросился бежать с Вражьего озера.

Так и не могу сказать — вернее, вспомнить, где же я оставил старенькую Вахрамеевну. То ли отпустил в речку, когда переходил ее, то ли потерял по дороге, то ли сама она как-то вывернулась из моих объятий, — не знаю, но к дедову дому я прибежал и без рыбы, и без удочек. Настоящим уведомяю также, что хозяин, услышав рассказ о моем приключении, насупился и, погрозив кулаком в сторону озера, проворчал:

— Ах ты, старая лягуха! Опять мои удилишки замылил?

Я возразил, что он их не замылил, а обещался постеречь. Но дед ответил:

— Как бы не так. Ишо ни одного удилишка обратно никому не отдал, сутяжная его душа. Встретишь у магазина — в глаза смотрит, стервец, по груди стучит: «Не брал!» А куда же им деваться? Он ими дорогу через топь гатит на соседнее озеро — к Ферапонту, тамошнему водяному. Я зна-аю!

Он помолчал немного и глухо добавил:

— Ты туда не больно один ходи. Мало ли что. И сильно напугался, говоришь?

— Да, в общем-то, — нехотя ответил я. — Глаза зеленые, руки тянет... А сам-то старый, да один совсем... Жалко его, правда! Попроведать бы как-нибудь...

— Проведать еще его! Вот увидишь, днями сам набегит. Не успеешь наскучиться. Выждет, когда Андрюхи не будет, и придет. Они друг друга до нервности презирают. Руки, значит, тянет — иди, дескать... ах, ты!.. Ты с ими сам-то, Генушко, покрепче будь, они слабых-то любят, все играют-

ся с теми, кто их послабже. Тут уж кто кого переломит... держаться надо!

«Кто это — они?» — хотел спросить я, но вместо этого проговорил:

— Места тут у вас, однако...

— Места-те? — дед воодушевился, задышал, хлопнул себя по коленке. — Хоро-ошие... Ты, брат, нашу Хухрю еще не слыхивал — вот оно, чудо-то настоящее где! Инда душа заходится... Такое уж в жисть не забыть, это точно!

— Это что — из самодеятельности? Местная солистка?

— Соли-истка! — старик свысока посмотрел на меня. — Жаба, вот кто!

— Как... кто — жаба?

— Хухря и есть жаба. Жаба-повитуха. Слышал про таких, нет? Вот уж поет! О-о! — он закатил глаза. — Ну, ты городской, порченый, тебе такую красоту вряд ли понять.

— Почему не понять? — обиделся я. — Почему это некоторые думают, что красота доступна только их пониманию? Непременно хочу послушать эту, как ее... Хухрю! Когда и как это можно сделать?

— Не торопись. Поживем — там видно будет.

Так что делюсь с Вами, Олег Платонович, своей мечтой: послушать пение этой знаменитой жабы, столь высоко ценимое хозяином. Тут дело даже не в эстетических моих потребностях, а в том, что хочется понять: действительно ли здесь налицо истинное искусство природы или просто местное суеверие?

На другой день я, придя на работу, не утерпел и рассказал Олимпиаде Васильевне о случае, произошедшем со мной на озере. Она хоть и посмотрела на меня как-то странно, но, в общем, отнеслась с пониманием: сказала, что всякое бывает, — у нее сосед, например, в прошлом году, заглянув утром под кровать, где стояла бутылка на опохмеловку, увидел вместо нее черта. Его увезли лечиться в область, но люди по-разному считают: одни говорят, что это от алкоголя, а сама она думает, что и без черта тоже не обошлось.

И правда — что же такое на свете творится?! Чем объяснить своеобразные качества местности, в которой я теперь обретаюсь? Может быть, где-нибудь под городом проходит магнитная жила, и блуждающие в пространстве токи производят столь удивительные воздействия на окружающую среду? Вы уж, Олег Платонович, будьте добры, не обойдите вниманием мой вопрос и попытайтесь его объяснить с точки зрения Вашего отношения к действительности.

Потом Олимпиада Васильевна пошла по кабинетам и стала всем рассказывать, какой со мной произошел случай, а в конце рабочего дня меня вызвал к себе заведующий. Несколько раз прошелся возле меня и даже, кажется, принюхивался. Потом остановился и сказал как бы про себя:

— Портвейну, как мне известно, в городе уже неделю нет. Водки же твой хозяин не употребляет — верно?

Я сказал, что — да, не употребляет.

— Так в чем же дело? — вскричал товарищ Тюрочок.

На этот вопрос я ответил, что не знаю.

— Может быть, запасы делает?

— Может быть. Хотя маловероятно: баня-то не поет!

— Баня не поет, — полувопросительно, полутвердительно закачал головой заведующий. — Так я и думал...

Лицо его исказилось страданием, и он, наклонившись ко мне, шепотом задал вопрос:

— В семье вашей запойных или душевнобольных не наблюдалось?

Подумав, я ответил, что душевнобольных, кажется, не было, но дядя Федя, муж маминой сестры, а моей тетки Анастасии, иногда сильно, как она выражалась, «зашибал», за что она его прогнала, и он теперь работает слесарем на автобазе.

Выслушав это, заведующий тяжело вздохнул и сказал:

— Нет, этого нам никак нельзя допустить. Надо принимать меры.

Я спросил товарища Тюрочка Акима Павловича, какие конкретно меры он собирается предпринять, и сообщил, что могу внести в них свою

лепту и уже набросал проект заметки в районную газету, где собираюсь, описав происшедшее со мною вчера, поставить вопрос как о наведении порядка в окрестных водоемах, так и об отдельных случаях нарушения трудового законодательства. Заведующий проникновенно посмотрел на меня, часто-часто заморгал, вытащил платок и обмакнул им глаза. Слабым голосом произнес:

— Иди...

Я подумал: сколь близки чувства, занимающие меня, сердцу каждого гражданина, не исключая даже ответственных товарищей! Тихо вышел, закрыл дверь и уже в коридоре услышал, как заведующий вызывает по телефону редакцию местной газеты.

Вот такие дела постигают меня на первых порах самостоятельной трудовой деятельности. Даже нет времени как следует отдаться любимому занятию — чтению писем классиков литературы. Читаю так, урывками. Питаюсь в основном дома. Старик вечером варит суп, но денег за это не берет. Хочу купить ему какой-нибудь подарок, но какой — еще не придумал; может быть, Вы посоветуете? Утром пью молоко и съедаю ломоть черного хлеба, а обедаю в здешней столовой, которая расположена напротив райсобеса. В ней на раздаче работает одна девушка, она мне кажется симпатичной. Светлая, немного кудрявая, особенно же на лице выделяются голубые глаза. Стан тонкий, походка лег-

кая, — в общем, производит впечатление девушки учтивой и самостоятельной. Сначала я ее не замечал, но однажды, а именно — в прошлый вторник, когда мы пошли обедать, стоявшая передо мной Олимпиада Васильевна сказала: «Валя, мне кажется, в котлетах недовложение». Валя тотчас позвала заведующую, и та доказала, что недовложения нет. Вот тогда я и обратил внимание на эту девушку. Хочу пригласить ее на танцы, но пока не знаю, как это сделать. Посоветовался с Олимпиадой Васильевной — она очень заинтересовалась этим вопросом и обещала подумать. Я со своей стороны тоже усиленно думаю об этом и все-таки не знаю, как завязать знакомство. Наверное, в один прекрасный день я подожду ее после работы и скажу: «Не соблаговолите ли вы, любезная Валя, согласиться доставить мне удовольствие разговором с вами?» Перед этим я, разумеется, скажу: «Здравствуйте». И мы пойдем вдвоем с нею по тихим улочкам этого затерянного в лесах городка, беседуя и улыбаясь друг другу. Только не знаю, Олег Платонович, поймет ли она меня — увы, не секрет, что у некоторых людей моя манера разговора, образ мыслей и поведение вызывают недоумение и даже насмешки... Мамаше я о ней пока ничего не написал, потому что боюсь, что она будет ругаться.

Вечерами занимаюсь по хозяйству: помогаю старику чинить забор, окучиваю картошку, чищу Андрея. Вообще отношения с Дементьичем самые прекрасные — видно, чем-то я ему приглянулся. Но за всем тем не оставляю надежды в недалеком будущем встретиться с Вами в Вашей уютной квартире, и сяду в кресло, под шкурой рыси на стене, будем пить кофе, а может быть, я привезу в подарок от моего хозяина бутылочку особенно любимого им портвейна за номером семьдесят вторым. И я расскажу Вам, как жил здесь — жизнью странной и упорительной.

**За сим остаюсь искренне уважающий Вас
ТЮТИКОВ Г.**

Письмо третье

Здравствуйтe, дорогой и добрейший друг мой, Олег Платонович!

Добрый день, а может быть, вечер. Шлю Вам душевный привет и пожелания. Получил новое Ваше письмо и присоединяюсь к мысли о том, что многообразные проявления жизни в любой ее сущности не должны приводить человека в испуг и недоумение. Наоборот, должны они радовать ум, получающий пищу для дальнейших размышлений, а также сердце, исполняющееся высокими душевными устремлениями. Это так.

Я много раздумывал над случаем, который Вы описали в своем письме. Мужик в одной из

глухих деревень, пишете Вы, дружил с медведем несколько лет. Медведь к нему приходил из леса — обопрется на забор, смотрит, ждет, когда мужик с ним заговорит. А тот выходил к нему, садился на скамейку и разговаривал о своей жизни. И такая была дружба, что они уж под конец друг без друга совсем не могли. Но потом медведь не выдержал и задрал у этого мужика телку. Задрал, сел возле нее и стал печально ждать. Мужик вышел к нему, покачал головой, потом вынес ружье и убил его.

Из этого Вы делаете вывод, что взаимоотношения и обоюдные чувства человека и дикой природы возможны до определенного момента. Может быть, Вы и правы — но грустно, если это так...

Что касается меня, то я настолько закалился в нынешней моей обстановке, что уже как должное воспринимаю любой факт окружающей действительности, каким бы удивительным он ни казался.

К вопросу о Хухре. Мне удалось кое-что разузнать у деда. Поет эта Хухря три дня в году, но прошли ли эти три дня или еще только должны настать — я не знаю, он мне не говорит. И тем не менее я все равно ее услышу — я упрямый, Вы знаете.

Да, вот еще: в своем письме Вы, ссылаясь на научные данные, опровергаете факт существования в наших местах жаб-повитух, так как зоной их обитания считается Западная Европа. Я, к сожалению, не очень силен в географии и биологии и не знаю, что ответить на Ваше недоумение, — желание же мое, подстрекаемое теперь еще любопытством и страстью к истине, возросло. Может быть, это никакая и не повитуха, и тогда наука восторжествует наконец в этих местах к нашему обоюдному удовольствию.

На днях с полочки я закупил в книжном магазине несколько томов писем классиков, которые и перечитываю вечерами с неизъяснимым удовлетворением. А еще приобрел подарок Егору Дементьичу — комнатную антенну для телевизора. Телевизора, правда, еще нет, но я думаю убедить старика в необходимости этой покупки, потому что она расширяет кругозор. Когда я преподнес ему подарок и высказал свое пожелание, он долго молчал и думал, затем произнес: «Это верно», после чего натянул между рогами антенны бечевку, нанизал на нее рыбу и отнес сушить на чердак. Ну что же, полезная вещь не должна оставаться без дела.

Вы помните, я писал про девушку Валью, которая работает в столовой? Представьте же себе, что Ваш покорный слуга сделал попытку познакомиться с нею. Райсобес ведь находится напротив столовой, и из окон нашего с Олимпиадой Васильевной кабинета отлично виден весь пребывающий там народ. Так вот, однажды под конец рабочего дня я выглядел момент, когда по-

сетителей в столовой почти не было, и, собравшись с духом, отправился туда. Подойдя к раздаче, я со всей серьезностью сказал Вале следующее:

— Не соблаговолите ли вы, любезная Валентина, разделить мой досуг сегодня на танцах?

Она долго смеялась, хотя ничего смешного я в своих словах не предполагал, и ответила, что, во-первых, я какой-то чудной, во-вторых, в четверг танцев нет, а в-третьих, с какой это стати она будет делить досуг с клиентами — ведь клиентов много, а она одна. Тут я пытался доказать, что я только отчасти клиент, а вообще-то молодой специалист и имею финансовое образование, но она в ответ посоветовала лучше как следует поесть, если уж сюда зашел. Я не стал спорить, взял полпорции шей и две котлетки с гарниром и с расстройства скушал эту пищу, но без всякого аппетита. Это мое расстройство не прошло мимо глаз Олимпиады Васильевны. Она начала расспрашивать, я сначала не хотел говорить и молчал, но потом все рассказал. Олимпиада Васильевна проявила глубокое сочувствие и дала такой совет: «Ты пошустрее, пошустрее — чего там, дело холостое!» Но ее советом мне вряд ли предстоит воспользоваться, потому что шустрее, чем в этот раз, не могу себя представить.

Со своими грустными мыслями я пошел домой, долго сидел на крылечке и не шел в избу, даже когда хозяин позвал есть суп: во-первых, потому что был сыт, а во-вторых, очень переживал из-за своей несурзности. Старик вышел, покачал головой:

— Заболел, ли чо?

Я не ответил. Тогда он сел рядом, запалил сигарку и спросил:

— Душа болит, ага? Меня тоже этта как пальнуло в бок — свету не взидел, пра!.. В огород выбрался, глядь, а это ребятишки взлезли на забор всем гамузом — ну, он на них возьми да и повалился. Барахтаются, орут, сопливые, — смех и грех с ними... Так чего загрустил, Генушко, ай влюбился? — он развеселился, закашлял и ткнул меня локтем в бок. — Хорошо, если так. У нас девки гладкие, баские, нравность понимают. А могутные — о-о! — старик зачмокал.

— Никакая она не могутная, — обиделся я.

Хозяин поглядел на меня со значением, приосанился:

— По работе сошлись али как?

— Не по работе. По работе все больше старушки.

— Это верно, — сказал старик. — Дочь-то хоть чья?

— Вот уж не знаю. Все равно не любит.

— Как так — не любит?! Ишь ты, нравность-то свою распустила! Генку моего не любит! Ах, коза! Да разве ж мы с тобой недостойные какие? Техникум закончили, простое ли дело! Поди ж ты, какая задача. Ты не переживай, — он хлоп-

нул меня по плечу. — Мы ее вырешим, не то еще вырешивали!

— Чего вы вырешивали? — вдруг разозлился я. — Это вам не забор чинить да за крысами гоняться! Это чувство. Неуправляемая стихия.

— Оно так, — старик не обиделся. — А только, скажу я тебе, есть способность направление человеческого естеству определить.

— Ну, вы начали опять! Способность, естество — надоело, ей-богу!

— Надоело — не слушай, хоть уши зажми.

Он придвинулся ко мне ближе и зашептал:

— Беспременно надо нам к Григорию Мохову ийти. Бо-ольшая польза может быть. Полюбит, куда ей деваться?

Из-за того, что тяжело было на душе, я плохо воспринимал слова старика, — поднялся, ушел в избу и лег на кровать. Он больше не беспокоил меня, однако на следующий вечер, когда я, придя с работы, ел суп (в тот день я не ходил обедать в столовую, чтобы не видеть Валю), он спросил:

— К Григорью-то пойдешь? А то ведь я один, смотри!

— Как хотите, — сказал я. — А что это за Григорий такой?

— Как тебе сказать-то... — Дементыч почесал за ухом. — Он мужик, вообще, нашенький, у него и избушка когда-то недалеко от моей стояла, да теперь уж развалилась вся — он в ней давным-давно не живет. Все по лесу скитается. Грибы, травки промышляет, зимой зверье бьет, шкуры сдает, у него там и зимовьишко стоит.

— Лесник, что ли?

— Вот уж нет. Никакой зарплаты ему не платят. Просто судьба такая. — Старик с сожалением покачал головой. — Ты, однако, не сомневайся, сделает все в самый раз. Приготовит это тебе узварчик — все девки посохнут, право слово.

— А это не вредно? — спросил я. — Для нее имею в виду. Это один вопрос. Второй: он что, этот Мохов, по колдовскому делу у вас состоит? И еще: как я ее этим «узварчиком» поить буду?

— Напо-сим! — прогудел хозяин. — У меня знакомых старух по городу — тьма! Как-нибудь приспособят. Да и всего-то стакан чайку выпить надо. Ну а насчет колдовства — тут дело темное. Я так смеаю, что и Гришка-то в него не верит. А о чем прочем сам у него спросишь, я больно знаю!

С небольшим пол-литровым бидончиком мы под вечер выбрались из дома и, пройдя картофельные делянки, вошли в лес.

Вы уж не осудите меня, Олег Платонович, за это путешествие, — да Вы и не осудите, я знаю, ибо сами человек решительный и любознательный. Меня же неурядицы в личной жизни настолько сбили с толку, что я отважился на этот шаг...

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Штабс-капитан будит Спящего...

Фантастика — прожектор на корабле прогресса... Привыкнув к этому и подобным ему — пусть и менее образным — определениям, мы порою совершенно упускаем из виду то обстоятельство, что фантазируют, пытаются воочию представить желаемое (или — нежелательное!) будущее и идеологи отмирающих формаций. Люди, которых трудно и просто невозможно заподозрить хотя бы в минимальной прогрессивности их взглядов.

Так обстоит дело сейчас, так обстояло оно всегда...

Старый фантастический роман. На обложке — зарева пожара, легко узнаваемые воинственные германцы в касках начала века. И название у романа соответствующее: «Тевтоны». А содержание?

...Германия с союзниками готовится к войне против России; на границе сосредотачиваются огромные скопления войск. А в России, напротив, как будто бы проводится резкое сокращение армии. В прилегающих к границам районах, во всяком случае.

В чем дело?

Эта загадка не дает покоя немецким генералам. Начальник шпионской службы барон фон Альтенфук спешно и в большом количестве засылает в Россию лазутчиков. Выясняется: в империи — какое-то грандиозное восстание на севере, затянувшееся на годы. Поезда за поездами отправляются в северные районы Сибири, увозя все новые и новые воинские подразделения, все более и более оголяя западные и южные границы государства.

Тайну обозов, следующих из Сибири, узнать немецким шпионам не удается.

Между тем, воспользовавшись благоприятным стечением обстоятельств, союзники спешат развязать войну. К решительному шагу толкает их и то, что мобилизация населения замедлила развитие экономики — притом настолько, что ощутимым становится приближение голода. И вот 20 германских корпусов разбойно врываются на территорию России, устремляясь к Москве; 15 австрийских столь же споро направляются к Киеву. Не остаются в стороне и прочие союзники: «...турец-

кая 10-корпусная армия Секим-башка-паши стояла готова перейти границу, а курдская дивизия кавалерии Разбой-бея задирала посты русских. К Монголии шла значительная армия генерала Сам-пьючая, где она должна была вступить в связь с армией маршала Дубина...»

Лихо, практически никем не останавливаемые, корпуса и дивизии врага «осваивают» все новые и новые пространства. Граф фон дер Биртринкен, германский военный министр, готовится уже торжествовать победу.

Но — преждевременно!.. Ибо морской флот союзников очень скоро гибнет под ударами русского подводного флота; воздушный — тоже терпит поражение: сильная оказалась Россия и на воде, и в воздухе... Да, впрочем, и на суше — тоже: в глубоком тылу врага вдруг дают знать о себе целые корпуса русских! При чем возглавляют их «мертвые» генералы: кавалерийский «лихой генерал Лихачев», который «умер три года тому назад, а теперь воскрес»; генерал Зарницын, который по данным немецкой разведки, «также был похоронен четыре года тому назад». 10-корпусная армия генерала Беспощадова (тоже «покойника») с тыла окружает немцев вкуче с австрийцами, и — война выиграна, победа — за Россией!

И окончательно выясняется тайна русского военного министерства, в которую проник-таки было легендарный немецкий шпион капитан Шварц, пробравшийся в один из фортов в заснеженной Сибири, — да не сумел донести секрет до своего шефа: поскольку все-таки по-

пался... В Сибири, оказывается, и в помине не было никакого восстания: все разговоры о нем — обманчивый, отвлекающий маневр русского правительства. А в эшелонах, из этих дальних краев возвращавшихся, размещались те самые корпуса, что так спешили «на подавление восстания». Возвращались — погруженные в глубокий анабиоз, впрок замороженные в естественных, так сказать, условиях: ведь сибирские морозы общеизвестны, недаром слухи о них, фантастически преувеличенные, столь популярны были и в цивилизованной Европе.

В тайных хранилищах около Брест-Литовска, Варшавы и Новогеоргиевска особо доверенные лица складировали на многоярусных нарах не нуждающееся более в пропитании и к тому же ничем себя не выдающее русское воинство. Складировали — строго по ранжиру: отдельно — офицеров, отдельно — нижних чинов, отдельно — лошадей для кавалерии... Двухмиллионная армия (!) упрятана в этих складах, подобно иголкам в стогах сена, затерявшихся среди безбрежных российских пространств. Упрятана — до поры до времени, а в нужный момент — разбужена и приведена в боевую готовность; она-то, эта армия, решила исход грандиозной битвы.

А на торжествах в честь блистательной победы старый русский военный министр Лучезаров, автор оправдавшей себя стратегической уловки, просит погрузить себя в анабиоз до нового опасного момента. Равно как и армию-победительницу: дабы не тратить на нее в мирное время ни хлеба, ни мяса, никакого фуража вообще...

Такую вот занятную военную утопию сочинил и выпустил в самый разгар первой мировой войны браво русский штабс-капитан Н. В. Колесников.

Автор ряда книг по теории и практике военного дела (среди которых была, к примеру, и такая: «Техника и искусство современной войны»), он, казалось бы, не был чужд веяниям нового. Но — только в области своей военной профессии, ни в какой мере — не в плане социальном! Во всем, что не касалось методов ведения войны, отличался наш штабс-капитан редкостным ретроградством.

Из пересказа «Тевтонов» отчетливо явствует, что и анабиоз (о коем, как видите, поговаривали уже и в те далекие для нас времена) заинтересовал его вовсе не сам по себе, не как новое слово науки, не как явление, которое автору романа хотелось бы впрок осмыслить и — хотя бы на бумаге — исследовать. Нет, к сущности анабиоза он,

в общем-то, равнодушен; анабиоз понадобился ему всего лишь в качестве аллегории, которую он сам же и расшифровал на последних страницах романа: подобно погруженным в этот роман в спячку русским армиям, дремлет и могучий дух великой российской нации, — дремлет, увы, а автору «Тевтонов» так хотелось бы (так страстно он верит и призывает!), чтоб дух этот — проснулся! Чтоб — как в его романе — обуял этот незримый и непобедимый дух реальную русскую армию, переломил ход событий, обеспечивши победу над реальными же «тевтонами»...

Что поделаешь, — был штабс-капитан Н. В. Колесников истинно верноподанным служакой. Не случайно же одна из его книг — «Русская армия и дом Романовых» — удостоилась «высочайшей благодарности» самого императора, а об уже названной выше другой — так писала в 1916 году отзывчивая пресса: «...труд этот может стать полезным пособием при воспитании молодых офицеров», поскольку вселяет уверенность в силу русского оружия и в возможности близкой победы русской армии над германским врагом...»

«Вследствие отъезда автора на войну все дела по изданию и продаже книг переданы им его жене, к которой и следует обращаться непосредственно по адресу...» — таким вот многозначительным (не без доли кокетства) объявлением был увенчан роман «Тевтоны», изданный в Казани в том же 1916 году.

Что же до самого штабс-капитана (который, судя по мажорному тону приведенного объявления, а равно и по содержанию «Тевтонов», ничуть не сомневался в победном своем и, главное, скором возвращении с военных полей), — верноподанничество его было осмысленным и принципиальным. Как и следовало ожидать, после революции оказался он в рядах наших врагов. Не оправдались отчаянные упования на дремлющий дух русской нации: пробудиться-то он, этот дух, пробудился, однако — вовсе не затем, чтобы уберечь от падения «дом Романовых»!

Впрочем, такова была всегда судьба тех из утопий, что утверждали незыблемость обветшалых форм общественного бытия...

Виталий БУГРОВ

Проверьте вашу память

ТУДА И ОБРАТНО

Сюжет для романа

В очередной порции нашего рассказа (начало его см. в №№ 6 и 7) использовано 56 названий НФ произведений.

Попытайтесь выделить эти названия и подобрать к ним авторов.

Ответы третьего тура должны быть отправлены не позднее 1 декабря 1979 года.

III. В ПЕЩЕРАХ МУРОЗВАРА.

Конец долгой ночи.
Черный смерч. Буря. Ураган...
Нескончаемый дождь.

Дождик, дождик, перестань!..
Шальная компания: малыш Андерсон, я и не я. (Двойники. Другое «я» — Скромный Гений...)

Трое в горах. Неудачники...
Чертова стена! Обвал... Следы на песке! Трубный глас...

— Отзовись: кто там, в толще скал?

— Тот, кто ждет: Кэллахэн и его черепашки...

— Кто ты?
— Самый великий охотник, чу-жаки!

— Первобытный человек?!
Охотничий инстинкт: бумеранг... стрела, летящая во тьме... две летящие стрелы... Вот и поговори с ними!..

Бых покидает пещеру. Поединок... Борьба за огонь?! Кто у кого украл? Произошла ошибка: злой рок...

Были они смуглые и золотоглазые...

Доктор Диагор — достойный соперник! Я — это другое дело: семейный человек...

Побеждает сильнейший — Ур, сын Шама.

— Я вас первым обнаружил, ничьи дети! Никто вас не звал...

Сильная личность!..
Зачем?!..

— Убийца!.. Фостер, ты мертв?
— А как же еще?!..

И не осталось никого: разум — в плену. В клетке...

СТРАНИЦЫ ОЛИМПИАД

**Виктор
ХАРИТОНОВ**

*Рисунки
М. Паукера*

Свыше миллиона жителей Токио вышли на улицы встречать факел с олимпийским огнем. Прежде, чем попасть на Японские острова, он преодолел путь свыше 23 тысяч километров. На огромной, всегда тихой и строгой площади перед древним императорским дворцом собрались тысячи токийцев.

Ритуал зажжения огня на Олимпиадах был введен в 1936 году. Тогда он вспыхнул от факела, поднесенного к светильнику рукой 12-летней жрицы — Алицией Каутелис. С тех пор эта традиция не обходится без греческой актрисы Каутелис. Вот и теперь под аплодисменты зрителей она, в шелковом голубом хитоне античной весталки, с факелом в руке, взойшла по ступеням лестницы к олимпийской чаше. А завтра, 10 октября 1964 года, священный огонь доставил к чаше главного стадиона Иосикири Сакаи, родившийся в Хиросиме в день, когда на этот город упала атомная бомба...

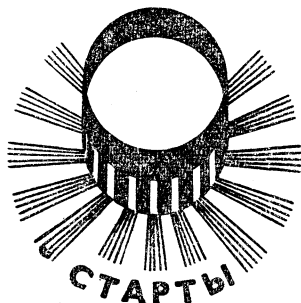
В Токио к Олимпиаде были сооружены новые надземные автострады, снесены сотни домов и расширены улицы. В олимпийской деревне гостей и спортсменов обслуживали 563 переводчика, 306 первоклассных поваров, причем мужчины питались

в двух залах, а женщины отдельно, в специальном зале.

Влажный климат Японии с весьма частыми морозящими дождями и туманами приучил жителей не появляться на улицах без зонтов. Их примеру последовали и гости, прибывшие на Олимпиаду. В магазинах и на рынках большим спросом стали пользоваться зонты.

В дни Олимпиады цены на билеты поднялись на черном рынке до 160 тысяч иен, что составляло годовой заработок землекопа или грузчика.

Первыми спор за олимпийские медали начали тяжелоатлеты. Среди богатырей легчайшего веса фаворитами были японец С. Итиносэки и венгр И. Фельди. От команды СССР на помост вышел А. Вахонин. Первое движение жим, и лидером стал венгерский атлет, установивший новый олимпийский рекорд — 115 килограммов. В рывке первое место, также с олимпийским рекордом (110 килограммов), завоевал японец. Чтобы победить, Алексею Вахонину необходимо было в толчке поднять штангу весом 142,5 килограмма, что на 2,5 килограмма выше мирового рекорда. И русский богатырь с блеском справился с этим весом. Он

установил новый мировой рекорд в сумме троеборья — 357,5 килограмма. Первая золотая медаль на токийской Олимпиаде стала советской!

Блестяще выступили и другие наши тяжелоатлеты. Рудольф Плюкфельдер был удостоен золотой медали в состязаниях атлетов среднего веса, Владимир Голованов стал победителем среди штангистов полутяжелого веса. В последний день состязаний штангистов зал был переполнен. Зрители с нетерпением ждали выхода сильнейших атлетов мира — тяжеловесов. На помост вышли два советских богатыря — чемпион римской Олимпиады и рекордсмен мира Юрий Власов и Леонид Жаботинский.

В жиме победил Ю. Власов, установив новый мировой рекорд — 197,5 килограмма, опередив соперника на 10 килограммов. В рывке Власов допустил непростительный тактический просчет: заказав слишком легкий для себя вес (162,5 килограмма), он не смог к нему приспособиться и затратил на это все три попытки. Правда, в дополнительном подходе ему удалось вырвать рекордный вес — 172,5 килограмма, но он не был засчитан для троеборья. Разрыв между претендентами на золото сократился до пяти килограммов. В последнем движении Власов, толкнув 210 килограммов, заказал сразу 217,5, что превышало мировой рекорд. Толчок, но штанга не покорила. Все решалось в последнем подходе Л. Жаботинского. 217,5 килограмма над головой советского богатыря! Набрав в сумме троеборья 572,5 килограмма, Леонид Жаботинский завоевал золотую медаль чемпиона.

Штангисты обновили в Токио 27 олимпийских рекордов.

Большого успеха добились наши боксеры. Семь из девяти проблись в финал, и трое — С. Степашкин, Б. Лагутин и В. Попенченко — завоевали звание олимпийских чемпионов. Бой средневесов, в котором встретились Валерий Попенченко и немецкий боксер Э. Шульц, стал самым коротким из всех финалов: через 40 секунд в первом раунде Попенченко послал противника в нокаут, а затем, спустя полминуты, немецкий боксер лежал на ринге в нокауте! Валерий был признан самым техничным бойцом Олимпиады, ему вручен специальный кубок.

Горький осадок остался у зрителей и участников состязаний от возмутительного поступка испанского боксера В. Лорена. Потерпев поражение, он не сумел сдержать свой горячий темперамент и набросился на арбитра, послал его в нокаут. Хулигана пришлось усмирять с помощью полиции.

В состязаниях по вольной борьбе блестящих результатов добились два Александра — Медведь в полутяжелом весе и тяжеловес Иваницкий, завоевавшие золотые медали.

Впервые в программу игр по просьбе организаторов Олимпиады были включены состязания по борьбе дзю-до. Как и следовало ожидать, большое преимущество имели хозяева Олимпиады. Они завоевали три из четырех золотые медали.

Как и на всех предыдущих Олимпиадах, в легкоатлетических соревнованиях наибольшее количество призовых мест завоевали американские спортсмены. Они победили в 14 видах программы и заняли семь вторых и три третьих места.

Советские легкоатлеты выступили на токийской Олимпиаде значительно слабее, чем в Риме. Они, по сравнению с 1960 годом, недобрали 13 золотых медалей.

Валерий Брумелл преодолел планку на высоте 2,18 метра и завоевал медаль высшего качества. Рамунальд Клим послал молот на 69,74 метра, опередив мирового рекордсмена американца Х. Конолли и чемпиона Европы венгра Д. Живоцки. Клим также был награжден золотой медалью.

Вновь блестяще выступили наши золотые сестры Тамара и Ирина Пресс. Тамара стала олимпийской чемпионкой в толкании ядра и в метании диска, Ирина — первой чемпионкой и рекордсменкой игр по пятиборью, которое до токийской Олимпиады не входило в программу легкоатлетических соревнований.

Значительно хуже выступили советские гимнасты. Если они были в Риме обладателями 10 золотых, 8 серебряных и 8 бронзовых медалей, то здесь они получили соответственно 4, 10 и 5 медалей. Звание абсолютного чемпиона было присвоено ветерану японской команды Ю. Эндо.

Ниже своих возможностей выступили и гребцы на академических судах. По сумме очков команда СССР с первого места перешла на третье, пропустив вперед спортсменов объединенной германской команды и США. Они вышли победителями только в двух видах соревнований: Вячеслав Иванов стал первым гребцом в мире, трижды завоевавшим звание олимпийского чемпиона в гонках на одиночке, О. Тюрин и Б. Дубровский были первыми на парной двойке.

Советские гребцы на байдарках и каноэ выступили несколько успешнее. Звание чемпионов завоевали Л. Хведосюк на байдарке-одиночке, А. Химич и С. Ощепков на каноэ-двойке и команда байдарочников на четверке в составе Н. Чужикова, В. ИONOва, А. Гришина и В. Морозова.

Впервые за всю историю Олимпийских игр в число чемпионов и призеров вошли советские пловцы. На верхнюю ступень пьедестала почета поднялась 16-летняя севастьяпольская школьница Галина Прозуменщикова, одержавшая победу над сильнейшими брассистами мира на дистанции 200 метров. Ее подруга Светлана Бабанина, стартовавшая в том же заплыве, завоевала бронзовую медаль. Серебряным призером в плавании на 200 метров брассом стал Г. Прокопенко. Вторая бронзовая медаль была вручена нашей женской команде в комбинированной эстафете 4×100 метров.

Состязание по фехтованию принесло советским мушкетерам три золо-

тые, одну серебряную и две бронзовые медали, что в сумме дало 40 очков, больше, чем набрали основные соперники, команды Венгрии, Франции, Италии и Польши. Команда рапиристов во второй раз стала обладательницей золотых медалей, а команда саблистов золотых трофеев добилась впервые. Наш дебютант, киевлянин Григорий Крисс, в состязаниях на шпагах превзошел всех мастеров клинка и одержал победу в личном первенстве.

В программу Олимпийских игр впервые были включены состязания по волейболу. В турнире участвовало 10 мужских и 6 женских команд. Показав высокий класс игры, советская мужская команда обеспечила себе первое место. Среди женских команд золотые медали получили хозяйки Олимпиады. Команда СССР стала серебряным призером.

Турнир баскетболистов с участием 16 мужских команд закончился победой команды США. Баскетболисты СССР в четвертый раз были награждены серебряными медалями.

Неудовлетворительно выступили наши снайперы, не получившие ни одной золотой медали, и велогонщики, принешие всего семь очков.

На играх в Токио было установлено 75 новых олимпийских рекордов, в том числе 27 — по легкой атлетике, 18 — по плаванию, 26 — по тяжелой атлетике и 4 — по стрельбе. 35 рекордов превысили рекорды мира.

Сборная команда СССР, имея 30 золотых, 31 серебряную и 35 бронзовых медалей, набрав в сумме 607,8 очка, вновь вышла на первое место. Наибольшее количество золотых медалей — 36 — завоевали спортсмены США, но, имея в сумме 581,8 очка, заняли лишь второе место.

Олимпиада-68 проходила в столице Мексики Мехико. Кислородная недостаточность высокогорного Мехико, расположенного на высоте 2240 метров над уровнем моря, отрицательно сказалась на результатах состязаний. Около сорока солнечных ударов и обмороков было зарегистрировано в дни Олимпиады.

29 десятиэтажных домов олимпийской деревни были прекрасно оборудованы. Три дома, где жили жен-

щины, тщательно охранялись солдатами женской роты, чтобы ни один мужчина не переступил порога женского олимпийского «монастыря». А сами женщины имели право посещать мужские дома и были там желанными гостями...

Эмблемой Олимпиады-68 был календарь древних ацтеков — уникальный памятник древней культуры Мексики, 25-тонный каменный монолит.

Сложнейшей проблемой для организаторов Олимпиады в Мехико стал транспорт. К полумиллионной армаде машин хозяев Олимпиады прибавилось около ста тысяч роскошных автомобилей титулованных гостей, богатых туристов, прибывших из всех стран Нового Света. Чтобы попасть вовремя к месту соревнований, зрителям, самим спортсменам приходилось выезжать за полтора-два часа до их начала. Муниципалитет города призвал всех владельцев автомобилей оказать помощь гостям Олимпийских игр. Гостеприимные мексиканцы горячо откликнулись на этот призыв, и в часы пик можно было видеть автомашины, заполненные до предела — по восемь-десять пассажиров, люди ездили на стадионы на радиаторах, подножках...

В день торжественной церемонии открытия игр на огромном табло Национального стадиона ярко вспыхнуло приветствие на всех официальных языках Олимпиады: «Желаем и предлагаем дружбу всем народам Земли». На поле вышли спортсмены 112 стран Азии, Америки, Европы, Африки и Австралии. Впервые на олимпийский стадион вступили атлеты Барбадоса, Британского Гондураса, Виргинских островов, Конго (Киншаса), Кувейта, Никарагуа, Парагвая, Сальвадора, Сан-Марино, Сьерра-Леоне и других стран.

Одни делегации, как СССР и США, насчитывали около 400 спортсменов, а другие — Парагвая, Габона, Конго и Антильских островов — в своих составах имели лишь... одного спортсмена.

Зрители и спортсмены восторженно приветствовали почетных гостей Олимпиады — советского космонавта Германа Титова, 112-летнюю мексиканку генерала Ости Мело, сражавшуюся еще в 1867 году в мужском платье за независимость своей

родины против войск Наполеона III, легендарного героя Олимпиады 1936 года негра Джесси Оуэнса, сильнейшего вратаря мира Льва Яшина и других прославленных патриотов и спортсменов.

Состязания боксеров по своему накалу и азарту зрителей уступали лишь любимой мексиканской корриде или футболу. 300 мастеров кожаной перчатки из 70 стран вышли на ринг.

К финалу пробилась пять советских спортсменов. Первую золотую медаль для нашей команды завоевал Валерий Соколов. Олимпийский чемпион Борис Лагутин успешно защитил свой почетный титул. Третьим золотым призером стал Дан Позняк, Алексей Киселев и Ионас Чепулис — серебряными призерами. Наибольшее количество очков — 34,5 — набрала команда СССР, последующие места заняли команды США — 33, Польши — 24, Мексики — 21, Кубы — 10 очков.

Отлично выступил борец вольного стиля Борис Гуревич. Получив золотую медаль, он стал владельцем всех четырех чемпионских титулов: СССР, Европы, мира и Олимпийских игр. Без поражений закончил все схватки шестикратный чемпион мира богатырь Александр Мёдведь, завоевавший вторично титул олимпийского чемпиона. Интересно отметить, что он среди своих соперников, борцов тяжелого веса, был самым легким — всего 108 килограммов.

Коротко о корриде — одном из любимейших национальных развлечений мексиканского народа. Каждое воскресенье ровно в 5 часов пополудни «Арена Мехико», вмещающая свыше 65 тысяч зрителей, становилась местом кровавых схваток.

Захватывающий спектакль начинается с парада. На арену на великолепных белых лошадях величественно выезжают в черных костюмах и шляпах с перьями судебные исполнители (судьи), позади их гордо шествуют красавцы торреро и их помощники — пеоны, бандерильеро и пикадоры. Парад окончен. Смолкает оркестр. Под неистовые крики зрителей из клетки-темицы стремительно выскакивают разъяренные животные. Помощники торреро с малиновыми плащами разжигают их гнев. К ним присоединяются на лошадях пикадоры, нанося своей жертве длинными пиками сильные уколы. Разъяренный бык стремительно бросается на своих мучителей...

Наступает заключительный момент. Торреро, изучив повадки животного, играя плащом, ловко уходит от рогов, выбирает момент для нанесения решающего удара. Искусство торреро заключается в том, чтобы одним ударом вонзить шпагу точно между лопатками могучего быка, от чего он падает к ногам победителя. Тогда маэстро награждается бурными приветствиями, к ногам его летят цветы, кошельки с деньгами... Если же торреро допустил оплошность, не сумел прикончить животное одним ударом, а осилил его только после многих попыток, кумир и любимец зрителей превращается в презренного неудачника. Его провожают насмешками, свистками...

В Мехико имеется более приятное местечко, где всегда можно отдохнуть и получить истинно эстетическое наслаждение. Это — площадь Гарибальди. Здесь по вечерам собираются до 50 самодельных и полупрофессиональных бродячих оркестров марьячос — народных ансамблей. Состав их невелик, по 6—8 музыкантов — гитаристов, скрипачей, трубачей и ударников, которые одновременно и певцы, и танцоры.

В дни Олимпиады на площади Гарибальди собирались тысячи горожан, спортсменов и туристов. Они с наслаждением смотрели выступление жизнерадостных артистов в мексиканских национальных костюмах, разукрашенных серебряной или золотой отделкой, с ярко-красным или белым шарфом, в неизменном сомбреро.

В таблицу высших достижений было внесено 27 новых олимпийских рекордов, из которых 17 превысили мировые. Тартановая беговая дорожка, впервые примененная на олимпийском стадионе в Мехико, оказалась как никогда быстрой для спринтеров, установивших мировые рекорды на всех дистанциях.

Самый фантастический результат показал американский легкоатлет негр Роберт Бимон в прыжках в длину. Студент Техасского университета, уроженец острова Ямайка с первой же попытки улетел далеко за рекордную отметку. Судьи всполошились, кропотливо измеряли его результат, изучали отпечатки ног на месте приземления и у толковой доски. Наконец на табло вспыхнули яркие цифры — 8,90! Трудно передать, что творилось на трибунах. Владелец же «прыжка века», как его называли журналисты, от радости плакал и целовал землю. Такое бурное ликование вполне оправданно — мировой рекорд возрос сразу более чем на полметра! Небывалый случай в истории.

Подлинными героями игр в беге на длинные дистанции стали африканские спортсмены из Кении, Туниса и Эфиопии. Они заняли все призовые места в беге на пять и десять тысяч метров.

В марафонском беге многие участники сошли с дистанции, даже двукратный чемпион Олимпийских игр А. Бикила на 16-м километре отказался от дальнейшей борьбы. Золотую медаль на этой изнурительной трассе завоевал Мамо Вольде из Эфиопии. Д. Ахвари из Танганьики был награжден Почетной грамотой с надписью: «Самому мужественному спортсмену Олимпиады». Он пробежал к финишу сильно изможденный и с повязкой на ноге, когда почти все судьи покинули поле, и тут же свалился на носилки, потеряв сознание...

Владимир Голубничий, взяв старт на 20 километров, быстро вырвался вперед. Николай Смага, почувствовав утром недомогание, не был намерен бороться за олимпийские награды, но принял участие в ходьбе, чтобы помочь своим товарищам, если потребуется. И такую помощь он оказал Владимиру.

Группа зарубежных спортсменов, зная высокое мастерство Голубничего, со всех сторон взяла его в кольцо, сбивая с взятого темпа. Н. Смага быстро разгадал тактику противников и, видя своего друга в беде, бросился к нему на выручку. Забыв о своей болезни, он смело ворвался в тесную группу соперников и, прибавив скорость, вывел товарища из окружения. На стадионе В. Голубничий появился первым, а недалеке за ним, подстраховывая друга, Смага. Следовавший за ними мексиканский скороход Х. Педреса под громкие возгласы трибун неожиданно перешел на бег и обогнал обессиленного Смагу. Судьи, видимо, не решились огорчить хозяев Олимпиады и «не заметили» явного нарушения правил спортивной ходьбы.

Упорная борьба за золото разгорелась в секторе для тройного прыжка. Олимпийский рекорд — 16,85 метра — польского легкоатлета Ю. Шмидта был улучшен сразу несколькими спортсменами, преодолевшими 17-метровый рубеж. Каждая новая попытка меняла лидера соревнований. После третьей попытки на первое место вышел Виктор Санеев. Пятая попытка вывела вперед бразильца Н. Пруденсико. И лишь заключительный прыжок В. Санеева на 17,39 прочно закрепил за ним первое место.

Третью и, к сожалению, последнюю золотую медаль для советской команды легкоатлетов завоевал Янис Лусис в метании копья. Его мощный шестой бросок на 90 метров 10 сантиметров принес ему не только звание чемпиона, но и олимпийского рекордсмена. Олимпийский рекорд был улучшен сразу на 8,44 метра.

Американец А. Ортэр четвертую Олимпиаду подряд никому не уступил первенства в метании диска. Он вновь улучшил свой же рекорд, доведя его до 64,78 метра.

Новый необычный способ прыжка в высоту, ставший впоследствии весьма популярным среди легкоатлетов мира, продемонстрировал американец Р. Фосбери. Прыгая спиной вперед, он с новым олимпийским рекордом — 2,24 метра — стал золотым призером. В. Гаврилов получил бронзовую медаль, а В. Скворцов занял четвертое место.

В итоге легкоатлетических состязаний наши спортсмены собрали весьма скудный для них урожай олимпийских наград — 3 золотые, 2 серебряные и 8 бронзовых медалей.

Жестокая расправа с неграми, борющимися за свои гражданские права в Америке, общеизвестна. Убийство сотен людей с черной кожей и Мартина Кинга взбудоражило всех спортсменов. Американские негры — чемпион Олимпиады в беге на 200 метров Томи Смит и бронзовый призер на эту же дистанцию Джон Карлос — выступили в Мехико с открытым протестом против расовой дискриминации. Они перед лицом 100 тысяч зрителей поднялись на пьедестал почета в черных носках, выбросив вверх один — правую, другой — левую руку в черных перчатках, а при исполнении американского гимна оба низко опустили головы...

Из советских тяжелоатлетов на верхнюю ступень пьедестала почета поднялись Виктор Куренцов, Борис Селицкий и Леонид Жаботинский.

Яхтсмен Владимир Манкин уже после шести гонок завоевал звание олимпийского чемпиона, но вывел своего «Финна» и на седьмую гонку, в которой тоже подтвердил мастерство.

Американцы еще раз подтвердили, что они лучшие пловцы в мире: из 28 золотых медалей они завоевали 21.

В финальных матчах волейболистов мужская команда СССР нанесла поражение команде Чехословакии — 3:0, а наши девушки переиграли чемпионов токийской Олимпиады — команду Японии — со счетом 3:1.

В личных соревнованиях конников на Большой Олимпийский приз по выездке Иван Кизимов завоевал золотую медаль. В командном первенстве Е. Петушкова, И. Кизимов и И. Калита вышли на второе место, пропустив вперед спортсменов из ФРГ. Большой приз наций по преодолению препятствий выиграла команда Канады, а в троеборье командную победу одержали конники Англии.

В величественном «Аудиторио насьональ» в присутствии 12 тысяч зрителей проходили состязания гим-

настов. Борьба шла между двумя гимнастическими державами — СССР и Японией. В командном первенстве среди мужчин победили японцы.

Женская команда СССР, составленная из молодых гимнасток — З. Ворониной, О. Карасевой, Л. Бурда, Н. Кучинской, Л. Петрик и Л. Турищевой, с успехом подтвердила, что она — сильнейшая в мире. В личном турнире звание абсолютной чемпионки Олимпиады вторично завоевала чехословацкая гимнастка В. Чеславска.

Успешно выступили наши байдарочники. Ленинградка Людмила Пинаева (Хведосюк) подтвердила звание олимпийской чемпионки на одиночке. Совместно с Антониной Серединой она стала также серебряным призером на байдарке-двойке. Золотых медалей были удостоены А. Шапоренко и В. Морозов, выигравшие финальный заезд на байдарке-двойке. А. Шапоренко стал также серебряным призером на байдарке-одиночке.

В соревнованиях по фехтованию советские мушкетеры добыли три золотых и четыре серебряных медали.

Смелый взлет на высшую ступень пьедестала почета совершила самая молодая спортсменка из команды СССР Елена Новикова. В Москве, на Внуковском аэродроме, растерянная и со слезами на глазах, стояла она у трапа самолета — Лена потеряла билет. Долго пришлось уговаривать командира корабля посадить безбилетного пассажира в самолет...

На фехтовальной дорожке в Мехико авиазаяц превратилась в тигрицу. Е. Новикова, отчаянно бросаая

в атаку, наносила укол за уколом опытным противникам и завоевала золотую медаль. С ее помощью советская команда рапиристок вернула себе звание сильнейшей, одержав в финале победу со счетом 9:3 над командой Венгрии.

Советские саблисты повторили успех, добытый на токийской Олимпиаде, и вновь стали золотыми призерами.

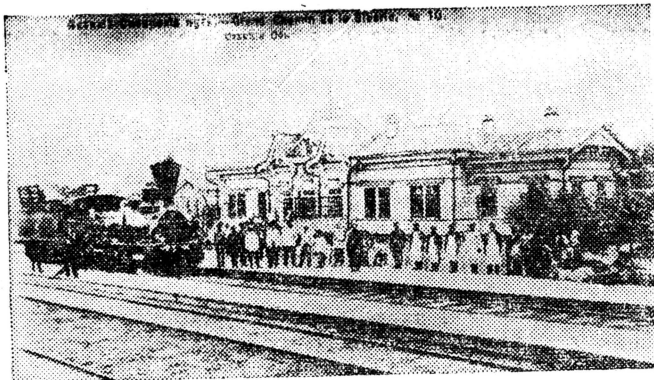
В финальном олимпийском турнире по футболу участвовало 16 команд — победителей и призеров отборочных состязаний континентов. Команда СССР в Мехико не попала.

Финальный матч между командами Венгрии и Болгарии принес золотые медали венгерским футболистам. Бронзовыми призерами неоглашено стали японские футболисты, победившие хозяев поля со счетом 2:0. Болельщики забросали своих любимцев всем, что попадало под руку, — апельсинами, мороженым, бутылками и тысячами подушек, выдаваемых зрителями при входе на трибуны.

Сборная команда СССР выступала в целом слабее, чем на предыдущих Олимпиадах. По неофициальному командному зачету, набрав 590,5 очка, она заняла второе место. На счету советских спортсменов была 91 олимпийская медаль: 29 золотых, 32 серебряных, 30 бронзовых.

На первое место, имея 713,3 очка, вышла сборная команда США. Американские спортсмены завоевали 106 олимпийских наград: 45 золотых, 28 серебряных и 34 бронзовых.

Адреса революции

В серии дореволюционных открыток «Великий Сибирский путь» есть снимок ныне несуществующей железнодорожной станции Обь. Одноэтажное здание вокзала, на путях паровоз-кукушка... Но это место нам дорого тем, что на станции Обь 2 марта 1897 года делал остановку на пути в сибирскую ссылку Владимир Ильич Ленин.

Теперь на месте станции Обь высится монументальное здание Новосибирского вокзала. Здесь установлена мемориальная доска в честь посещения В. И. Лениным этих мест.

На другой открытке изображена Лесная улица, Миусский конно-железнодорожный парк в Москве. Мы видим снятые с рельсов и поставленные посередине улицы вагоны конки. Это — баррикады.

Как известно, в этом районе старой Москвы в дни Декабрьского вооруженного восстания 1905 года шли ожесточенные бои. Сейчас на этом месте находится троллейбусный парк, названный именем Петра Матвеевича Щепетильникова, одного из руководителей боевой дружины бывшего Миусского парка.

Николай НИКИФОРОВ

«Гера» на Патрушихе

Уральский заводчик Иван Фомич Круковский назвал собственный заводик, построенный на берегу речки Патрушихи в семи километрах от Екатеринбургa в 1903 году, именем древнегреческой богини земли — «Геры».

Завод был небольшим. Кроме хозяина в нем числилось тридцать пять рабочих и мастер. И стала выпускать «Гера» плуги. Позже предприимчивый хозяин расширил завод, начал выпускать молотилки, веялки, косилки, сноповязалки, запасные части к ним...

В 1926 году «Геру» переименовали в... «Спартак». Заводчик перешел на изготовление пожарных насосов, запасных частей к экскаваторам и сельхозмашинам.

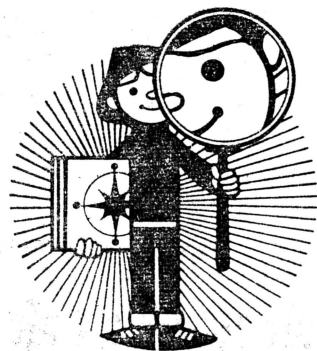
Тридцатые годы. На заводе построили механический и кузнечные цехи. Предприятие стало основной производственной базой тогдашнего треста «Союзэкскавация».

Сорок первый год. Завод «Спартак» наладил производство снарядов для «катюш». Коллектив предприятия был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В первый послевоенный год завод сменил название, перешел на выпуск другой продукции. «Строммашина» — так стали именовать бывшую «Геру» и «Спартак».

С 1963 года завод специализируется на производстве грузовых лифтов.

Валерий ЛИПАТНИКОВ

МИР

НА ЛАДОНИ

Самая большая карта мира

Впервые карту мира в масштабе 1:2,5 миллиона создали в содружестве ученые семи социалистических стран — Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии. Она состоит из 234 листов и, склеенная, представляет собой полотно размером 12 на 16 метров.

Сделай ее в виде глобуса, диаметр его достигнет пяти метров. Часть этой карты, смонтированная на сферической поверхности, экспонируется в Политехническом музее Москвы.

Более пятнадцати лет работали ученые над картой. Основная сложность, стоявшая перед ними, — поиск наиболее рациональной проекции земли на чертеж.

Новая карта окажет помощь самому широкому кругу специалистов.

Канат «геркулес»

Этот легкий эластичный канат недаром назвали «геркулесом» — он втрое прочнее стальных. Такие свойства канату придало волокно из полипропилена.

Чудо-трос, который начали изготавливать на Харьковском канатном заводе, позволит опускать тралы, различного научного оборудование и аппаратуру на дно океана на глубину десять с лишним тысяч метров. Этой новинкой заинтересовались и камчатские вулканологи.

Первая промышленная партия новых канатов, отмеченных государственным Знаком качества, отправлена заказчикам в Ленинград, Мурманск, Калининград.

Мемориальный «Красный вымпел»

У 35-го причала бухты Золотой Рог на вечном якоре стоит небольшая паровая яхта. На ее борту пламенеет надпись — «Красный вымпел». Ныне это мемориальное судно, в каютах которого размещены музейные экспонаты. Они рассказывают о подвиге моряков-тихоокеанцев.

1921 год. Посыльный корабль «Адмирал Завойко» (так раньше назывался «Красный вымпел») под предлогом сбора пушнины часто совершает рейсы на Сахалин, Камчатку. Подобное каботажное плавание интервенты разрешали, но если бы они проверили трюмы... Под мануфактурой, продовольствием лежа-

ли ящики с патронами, оружие. Все это коммунисты Большой земли отправляли камчатским партизанам.

Однажды, когда корабль стоял на рейде Петропавловска-Камчатского, от интервентов поступил приказ: «Оставаться в бухте! Приготовиться к осмотру!» Что из этого могло получиться, команда «Адмирала Завойко» прекрасно понимала. Чтобы сохранить корабль, командир А. Ключос, комиссар С. Орловский, все моряки решают прорваться в нейтральный порт Шанхай. Семнадцать суток длился этот тяжелый поход.

О дальнейшей судьбе «Красного вымпела», об его прославленном

экипаже, которому редакция владивостокской краевой газеты «Красное знамя» вручила знамя с золотом вышитыми словами: «Поднимайте паруса на великое плавание по океану мировой революции» — обо всем этом можно прочесть в книге Константина Шопотова «Страницы морской славы».

Каждый день на мемориальный корабль «Красный вымпел» приходят школьники, студенты, воины. О дальневосточной «Авроре» — так еще называют это судно — посетителям рассказывают офицеры, сотрудники плавучего музея.

Валерий БЕРЕЗИН

Чердынские купоны

В годы гражданской войны на территории бывшего Чердынского уезда взамен денежных знаков имели хождение купоны. Бледно-голубого цвета, размером 9×14 сантиметров бумажки, сброшюрованные в книжку, выдавались за работу.

На лицевой стороне купона значилось:

«Временно вводится на основании постановлений

Чердынского Военно-Революционного и Исполнительного комитетов от 25 декабря 1918 г. ввиду перерыва связи и недостатка денежных знаков. Означенный купон должен приниматься... наравне с денежными знаками...»

Несколько экземпляров этих купонов имеются в коллекции Чердынского краеведческого музея имени Пушкина.

Илья ЛУНЕГОВ

Пермские турбобуры

Широко известна добрая репутация пермских турбобуров, получивших признание во многих зарубежных странах. Некоторые иностранные фирмы, в том числе США, купили лицензии на производство турбобуров, созданных коллективом Пермского машиностроительного завода имени В. И. Ленина.

Трехсекционный турбобур шпиндельный «ЗТСС-240» имеет государственный Знак качества.

Инженеры конструкторского отдела разработали новую модификацию турбобура, получившего индекс «ЗТСС-1-240». Он намного совершеннее своего имени-того предшественника.

Владимир АБОРКИН

Загадка десяти золотых

В музеях и коллекциях хранятся десять русских стародавних золотых монет. Вес каждой из них не превышает четырех граммов.

В прошлом столетии, когда в найденных кладах были обнаружены шесть таких монет, между историками разразились споры. Одни доказывали, что монетная чеканка на Руси началась при Владимире Мономахе (1053—1125), другие говорили о более позднем их происхождении.

Доказать, кто прав, помогло исследование доктора исторических наук П. Г. Спасского и старшего научного сотрудника Эрмитажа М. П. Сотниковой. Они отыскали в архивах документы, посвященные началу монетной чеканки на Руси во времена Владимира I, а не в эпоху Владимира Мономаха. Это подтвердили и находки археологов: еще четыре золотые монеты с именем Владимира и несколько серебряников его времени оказались в сосудах, раскопанных на Украине.

Всеволод КРИВОШЕИН

Лингуля нашлась...

Среди интересных зоологических находок последнего десятилетия выделяется морское животное из рода плеченогих червеобразных — лингуля. Его родичи населяли теплые моря в далекую эру геологической истории Земли — палеозой.

Эта лингуля стояла на своей червеобразной ножке на обнажившемся дне залива. Уловив своим тончайшим слуховым аппаратом, спрятанным в глубине двухстворчатой раковины, незнакомый шорох, животное мгновенно ушло в ил, откуда не без труда было извлечено зоологами.

Открытый вид наделен природой особыми ресничками, которые обеспечивают животному поступление внутрь раковины кислорода и питательных частиц, содержащихся в воде.

На снимке: редкое животное лингуля.

Великан Петра Первого

В петровскую эпоху в Россию из французского города Кале приехал некий Буржуа. Царь Петр, который и сам был весьма высокого роста — 2 метра 4 сантиметра, — смотрел на гостя снизу вверх: француз был выше на 23 сантиметра.

Буржуа из Кале по просьбе Петра I остался жить в Петербурге. Царь повелел найти самую высокую женщину и отдать ее в жены французцу, надеясь, что потомки их будут такими же великанами. Но из этой затеи ничего не вышло...

Буржуа прожил в России семь лет. Скончался он через три месяца после смерти Петра I.

Память о человеке-гиганте живет в дошедшем до нас скелете и забальзамированном сердце, чуть ли не равном воловьему, — экспонатах Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого.

Когда ураган полезен

Сильный ураган, пронесшийся над индийским портом Бхавнагаром, не только не причинил ущерба портовым сооружениям, но и оказался весьма полезным. За несколько секунд ураган поднял тысячи тонн песка, камней и

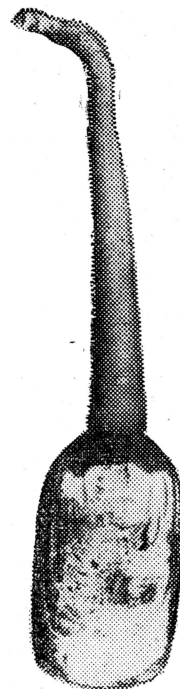
ила со дна залива и перенес их в океан. В результате этого акватория порта расширилась на несколько сотен квадратных метров, стала на три метра глубже.

Специалисты подсчитали, что для выполнения подобного объема работ по очистке и расширению порта понадобилось бы не менее двух лет.

Все началось с карасей

Примерно 1300 лет назад японцы и китайцы начали выращивать золотых карасей. Ловили их в теплых водах мелких прудов и в протоках. Это заинтересовало в XIX веке и европейцев. Первый прямоугольный стеклянный домик для золотых рыбок был построен в 1850 году английским химиком Варингтоном. Затем домик назвали аквариумом, и это название за ним так и закрепилось до наших дней.

Сегодня аквариумы можно видеть в учреждениях, на предприятиях, в детских садах и театрах. Они появились даже под землей — в угольных шахтах.

Гейзер в океане

В Тихом океане, западнее Эквадора, на глубине около трех тысяч метров по дну океана пролегает огромная трещина. Проникающая в нее морская вода входит в контакт с горячей магмой и выбрасывается, как горячий гейзер, на высоту до 45 метров. Температура воды выше 100 градусов, но из-за большого давления вода на дне океана не кипит.

ВСХВ

Летом 1936 года на заболоченном пустыре в районе Останкино, на месте бывшей московской свалки, началось строительство Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Три года спустя, 1 августа 1939 года, выставка была открыта.

На многие годы эти четыре буквы — ВСХВ — стали символом побед социалистического сельского хозяйства.

Главный выставочный комитет издал 45 томов «Почетной книги» ВСХВ 1939 года. В них занесены 183 690 участников выставки. Достижения Свердловской области и других областей зоны Урала демонстрировались в павильоне «Ленинград и северо-восток». Павильон «Урал» появился на выставке уже в послевоенные годы.

В зале Свердловской области было установлено прекраснейшее художественное панно, сделанное из уральских самоцветных камней.

Высокую оценку экспонатам Свердловской области дали в печати нарком земледелия И. А. Бенедиктов, член выставочного комитета академик И. В. Якушкин и директор выставки академик Н. В. Цицин.

Накануне открытия ВСХВ уральский зал посетила делегация испанских революционеров во главе с Долорес Ибаррури и Хосе Диасом. После торжественного митинга 1 августа 1939 года гостями уральцев были С. М. Буденный, Д. З. Мануильский, Е. Ярославский и другие видные деятели партии и Советского государства.

На снимке: почтовые марки, выпущенные в честь ВСХВ.

Рафаил РАБИНОВИЧ

Фото А. Нагибина

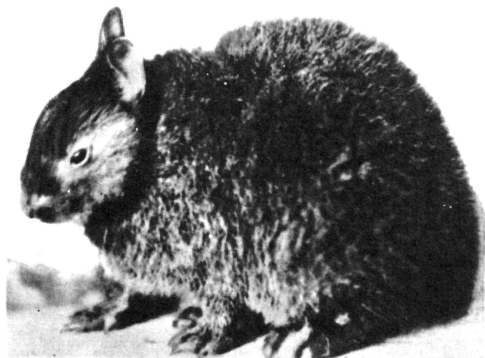

На дереве... заяц

Как ни удивительно, но такой заяц существует в природе. В норах он не живет, а предпочитает высокие деревья, на которые залезает с помощью своих острых когтей. Спит на ветвях либо в дупле, где оберегает выведенных детенышей.

Впервые советские зоологи познакомились с древесным зайцем в начале 30-х годов. Тогда его доставил с японских островов ученый-ихтиолог П. Ю. Шмидт. Удивительный заяц не захотел, однако, жить в новых условиях. Теперь он, как редчайший вид, занесен в международную «Красную книгу».

На снимке: древесный заяц.

Цветок-рука

Этот удивительный цветок был найден сто лет назад в окрестностях древнего мексиканского города Толука. За сходство венчика с человеческой рукой он был объявлен священным, а места его произрастания — запретными.

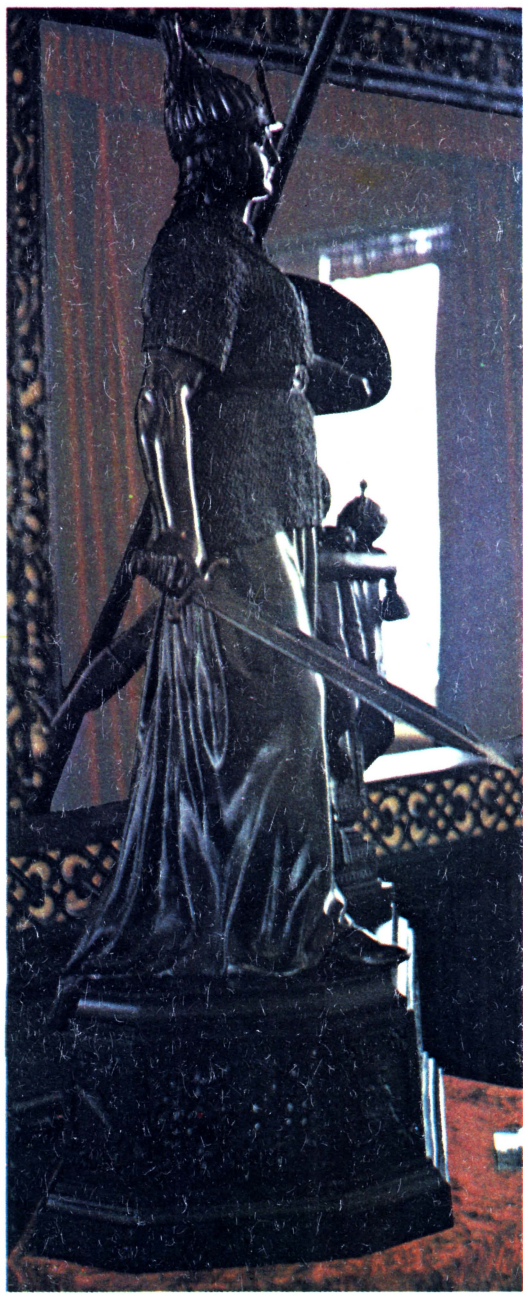
Легенда гласила, что этот цветок исцеляет от сердечных мук и прощает грехи тем людям, которые станут обладателями священного цветка... И началось паломничество туда, где росли эти цветы. Вскоре все заросли были опустошены.

Многие годы ученые-ботаники искали это растение на мексиканской земле, но тщетно. Его занесли в список исчезнувших видов. Но в начале нашего века цветок-рука, источающий запах свежего хлеба, был обнаружен в лесах Гватемалы.

Сейчас в нашей стране ставятся опыты по выращиванию цветка-руки в оранжереях ботанических садов.

На снимке: гватемальский образец цветка-руки.

КАСЛИНСКОЕ ЛИТЬЕ.
«РОССИЯ». Скульптор Н. ЛАВЕРЕЦКИЙ.
Свердловская картинная галерея.
Фото А. Нагибина

Клиновидная глыба, подобно топору, с такой силой вонзилась в устье расщелины, что по стенкам ее брызнули тонкие паутинные трещинки... Мы оказались в мышеловке. Пещера предательски поманила нас, и дверца за нами захлопнулась...

Неужели мы трое можем умереть? Не на войне—в самый разгар мирного лета?..

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ РАССКАЗ ЛЬВА КУКЛИНА «ДИНАМИТНЫЙ ПАТРОН»